Г. М. Дейч

Ленинские эскизы к портретам друзей и противников

АКСЕЛЬРОД
ЗАСУЛИЧ
ФЕДОСЕЕВ
ВАНЕЕВ
КРЖИЖАНОВСКИЙ
МАРТОВ
КАМЕНЕВ
ЗИНОВЬЕВ
ТРОЦКИЙ
СТАЛИН
БУХАРИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героями книги очерков, основанной на эпистолярном наследии В. И. Ленина, являются видные деятели российского революционного движения: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Н. Е. Федосеев, А. А. Ванеев, Г. М. Кржижановский, Ю. О. Мартов, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин. Внимательно рассмотренные письма В. И. Ленина и письма его корреспондентов дополняют личностный и политический портрет и самого Ильича. Рассчитана на широкий круг читателей.

- Г. М. Дейч
  - От автора
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
- notes
  - П. Б. Аксельрод
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50

- В. И. Засулич
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45

○ Н. Е. Федосеев

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

- А. А. Ванеев
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
- Г. М. Кржижановский
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41

○ Ю. О. Мартов

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22

- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60

○ Л. Б. Каменев

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49

- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68

- Г. Е. Зиновьев
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68

- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82

○ Л. Д. Троцкий
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29

- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73

- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79

- И. В. Сталин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73

○ Н. И. Бухарин

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51

- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76

○ Примечания
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62

- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81

Г. М. Дейч
ЛЕНИНСКИЕ ЭСКИЗЫ К ПОРТРЕТАМ ДРУЗЕЙ И ПРОТИВНИКОВ

Памяти сына Владимира

От автора

Люди, чьи фамилии указаны на обложке книги, — очень разные. Разные по внешности, по характеру, по способностям, по судьбе.

Общее у них то, что все они активные участники революционной борьбы в России. А под обложкой именно этой книги их соединила прямая причастность к эпистолярному наследию В. И. Ленина: все они ленинские *адресаты* и *адресанты.*

Ленинское эпистолярное наследие является ценнейшим историческим источником. Особенно велика его роль для уяснения идейных и жизненных позиций ближайших соратников Ильича, которые нередко бывали и его оппонентами в спорах, а также и тех *бывших* соратников, которые впоследствии перешли на идейно чуждые Ленину и ленинизму позиции.

В настоящее время известно более 5000 писем, телеграмм, телефонограмм и записок В. И. Ленина, адресованных примерно 500 лицам. Некоторым из них он написал до 200 и более писем.

Автор настоящих очерков поставил перед собой задачу собрать и систематизировать документы (доступные для исследователей), характеризующие отношение Ленина к ряду его современников. Письма Владимира Ильича послужили основным материалом книги, другие источники использованы лишь постольку, поскольку они помогают понять (а в необходимых случаях расшифровать) и прокомментировать ленинские письма.

Очевидно, что такое сознательное ограничение круга источников имеет определенные недостатки: оно лишает возможности нарисовать *цельные* портреты и позволяет лишь рассмотреть и попытаться воссоздать ленинские *эскизы* к ним. Но такой подход имеет и безусловные достоинства: рассматривая ту или иную личность почти исключительно через призму ленинского восприятия, мы можем в достаточной мере избежать позднейших наслоений и домыслов и увидеть человека именно в ленинском представлении. Конечно, мы лишены возможности дать биографически *законченные* портреты (лишь пятеро из героев очерков ушли из жизни раньше Ильича), но это естественное обстоятельство автор постарался в какой-то степени преодолеть. По инициативе редактора книги кандидата исторических наук Ю. А. Прохватилова в ряде случаев дан целесообразный выход за хронологические рамки.

Переписка с людьми из близкого круга современников Ленина содержит не только эскизные наброски к их портретам, но и дополнительные штрихи к психологическому портрету

самого Ильича. Есть, например, все основания утверждать, что личное отношение Ленина к людям определялось в первую голову тем, как сами они относились к главному делу его жизни — борьбе за победу пролетарской революции. Так, глубокое уважение к членам группы «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым, перед которым Владимир Ильич, по собственному признанию, одно время благоговел, не помешало ему порвать с ними, как только тактические расхождения переросли в принципиальное неприятие. Еще более показательна история отношений Ленина с Мартовым, с которым долгое время, пока между ними не возникли непримиримые идейные и политические разногласия, его связывала личная дружба. Большой интерес в этом аспекте представляют взаимоотношения Ленина с Троцким и Сталиным.

Изучение биографии В. И. Ленина, в том числе его эпистолярного наследия, позволяет увидеть такие важные черты характера Ленина, как бескомпромиссность в борьбе, в ходе которой он иногда допускал ошибки и излишнюю резкость и в то же время всегда был готов публично признать свою неправоту.

Взаимоотношения Ленина с соратниками-революционерами дают также наглядное представление о том, как тяжело переживал он разрыв с близкими людьми и как радовался, когда появлялась хоть малейшая возможность возобновить с ними сотрудничество, а следовательно, и личные отношения.

Беспощадно критикуя своих противников на том или ином этапе развития революционного дела, Ленин тем охотнее их прощал, когда они осознавали свои ошибки, будучи уверенным, что эти люди не руководствовались какими-либо корыстными побуждениями, а исходили из идейных соображений. Эта ленинская черта — прощать прежде оступавшихся и всецело доверять им в работе — особенно наглядно проявилась в послеоктябрьские годы.

Одна из самых характерных черт Владимира Ильича — внимание к товарищам, стремление помочь им в трудное время. Это прослеживается в очерках о ссыльных друзьях, о соратниках по революционному подполью и работе в советское время.

В этой книге рассмотрены ленинские эскизы к портретам одиннадцати крупных деятелей революционного движения. Одни из них — П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич — были старшими современниками, единомышленниками и соратниками В. И. Ленина, но позднее стали его противниками. Другие — Н. Е. Федосеев, А. А. Ванеев, Г. М. Кржижановский и Ю. О. Мартов — принадлежали к славной плеяде «стариков», положивших начало созданию политической организации социал-демократов в

России. Федосеев и Ванеев, как известно, были физически сломлены невзгодами, на которые был обречен каждый революционер-подпольщик в царской России, и не дожили не только до революции, но и до начала нового века. Мартов стал основоположником и лидером меньшевизма, оказавшись, таким образом, в стане «ближайших противников» (выражение В. И. Ленина) большевизма и пролетарской революции.

Наконец, третьи — Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и Н. И. Бухарин — были младшими современниками и учениками В. И. Ленина, которые прошли с ним, нередко серьезно оступаясь, значительную часть своего жизненного пути.

Особняком стоят Л. Д. Троцкий и И. В. Сталин. Первый из них долго и упорно боролся с ленинскими концепциями и тактикой в дореволюционные годы, а после Февральской революции решительно перешел на сторону Ленина; второй всю жизнь старался скрывать свои разногласия с Лениным и лишь незадолго до смерти Владимира Ильича осмелился вступить с ним в политический (по национальному вопросу) и личный конфликты. Во взаимоотношениях этих двух «выдающихся вождей» тогдашнего ЦК Ленин видел главную опасность раскола партии. И этот раскол (правда, не в той форме, которую мог ожидать Ленин) состоялся — по косвенной вине Троцкого и прямой вине Сталина. Первый потом всю оставшуюся жизнь последовательно боролся против Сталина, которого убежденно считал изменником ленинскому делу, и против сталинщины (нередко допуская в азарте этой борьбы недопустимые смешения понятий). Второй, узурпировав власть в партии и стране, — столь же убежденно и методично уничтожал цвет ленинской партии и советского народа и искажал облик завоеванного в борьбе и муках социалистического строя.

Подобный подбор персонажей очерков позволяет проследить отношение В. И. Ленина к людям разных поколений, взглядов, характеров и судеб.

Заметим в заключение, что написание этой книги продиктовано не только научными, но и нравственными соображениями, ведь часть очерков посвящена соратникам Ленина, оклеветанным и казненным в годы сталинского произвола и потом еще долгие годы задавленным массивными завалами сталинистской лжи.

Еще в большей степени восстановлению исторической правды о ленинских соратниках послужило бы издание специальной серии документальных книг «Переписка В. И. Ленина» с первоочередным включением в нее переписки Владимира Ильича с теми, кто впоследствии безвинно погиб.

Сорок с лишним лет тому назад автор, его студенты и аспиранты поставили перед собой задачу создать галерею портретов всех 500 ленинских корреспондентов. Настоящая книга — начальный вклад в исполнение этого замысла.

П. Б. Аксельрод

Павел Борисович Аксельрод родился в 1850 г. В 70-х гг. примыкал к народникам. В 1874 г. уехал за границу, где сотрудничал в народнических и социал-демократических изданиях. В 1879 г. вернулся в Россию. После раскола «Земли и воли» примкнул к «Черному переделу». В 1880 г. эмигрировал в Швейцарию, где в 1883 г. стал одним из организаторов первой марксистской группы «Освобождение труда». Вел большую издательскую и организаторскую работу, направленную на борьбу против идеологии и практики народничества. Много сделал для распространения марксизма в России.

В трудах Аксельрода 80-х гг. уже появились тенденции к идеализации парламентской деятельности западноевропейских партий, к недооценке роли крестьянства и переоценке роли либеральной буржуазии в русской революции. После II съезда РСДРП стал одним из лидеров меньшевизма, а позднее — противником Октябрьской революции и советской власти. Умер в эмиграции в 1928 г.

Владимир Ильич Ленин познакомился с Аксельродом во время своей первой заграничной поездки весной 1895 г. Об этом событии подробно рассказал сам П. Б. Аксельрод в своих воспоминаниях, написанных уже в период, когда он был лидером меньшевиков и противником В. И. Ленина. Вот отрывок из этих воспоминаний:

«‹…› Ко мне приехал новый гость, ‹…› молодой человек,

невысокого роста, довольно бесцветного вида. Представился:

— Владимир Ульянов, приехал недавно из России. Георгий Валентинович в Женеве, просил вам кланяться.

Молодой человек передал мне довольно объемистую книгу — сборник статей под заглавием „Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России“, незадолго до того вышедшую в России и уже конфискованную и даже сожженную по приговору цензуры. Здесь были статьи марксистов: Плеханова, Струве, Потресова, К. Тулина и др. Я знал о подготовке этого сборника и сам писал в него статью — под заглавием „Главнейшие запросы русской жизни“, но не смог кончить ее в срок из-за болезни.

Посидев у меня, побеседовав о положении дел в России, молодой человек поднялся и сказал вежливо:

— Завтра, если вы позволите, я зайду к вам, чтобы продолжить разговор.

Вечером и ночью я просмотрел привезенный Ульяновым сборник. Мое внимание привлекла обширная статья К. Тулина, имя которого я встретил здесь впервые. Эта статья произвела на меня самое лучшее впечатление. Тулин выступал здесь с критикой народничества и „Критических заметок“ Струве. Статьи{1} были построены несколько нестройно, пожалуй, даже небрежно. Но в них чувствовался темперамент, боевой огонек, чувствовалось, что для автора марксизм является не отвлеченной доктриной, а орудием революционной борьбы. Для меня ознакомление с этим сборником было истинным наслаждением. Наконец-то, думал я, появляется в России легальный сборник, проникнутый не просто духом отвлеченного, академического марксизма, но духом социал-демократии, дающий учению марксизма революционное применение.

Но были в статьях{2} Тулина некоторые тенденции, с которыми я не мог согласиться. Автор, разбирая вопрос о задачах социалистов в России, подходил к этому вопросу абстрактно, решал его вне времени и вне пространства… В частности, именно так подходил Тулин к вопросу об отношении социалистов к либералам.

Но этот недостаток статьи не нарушал общего благоприятного впечатления. Утром пришел ко мне Ульянов.

— Просмотрели сборник?

— Да! И должен сказать, что получил большое удовольствие. Наконец-то пробудилась в России настоящая революционная социал-демократическая мысль. Особенно хорошее впечатление произвела на меня статья Тулина…

— Это мой псевдоним, — заметил мой гость.

Тогда я принялся объяснять ему, в чем я не согласен с ним…

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: „Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом“.

Невольно бросалось в глаза глубокое различие между сидевшим передо мной молодым товарищем и людьми, с которыми мне приходилось иметь дело в Швейцарии. Какой-нибудь Грозовский, приехав из Вильны без всяких знаний, уже считал ниже своего достоинства учиться. А Ульянов, несомненно обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие.

У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие. Он даже не сказал мне, что порядочно писал в Петербурге и уже приобрел значительное влияние в революционных кружках. Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно.

В Швейцарию он приехал по своему легальному паспорту и предполагал так же легально вернуться в Россию. Его частые встречи со мной могли обратить на него внимание. А между тем нам о многом еще хотелось переговорить. Мы условились поэтому уехать на несколько дней из Цюриха в деревню, где могли бы проводить целые дни вместе, не привлекая ничьих подозрительных взглядов.

Переехали в деревушку Афольтерн, в часе езды от Парижа. Здесь мы провели с неделю…

И я должен сказать, что эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них, как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни группы „Освобождение труда“.

‹…› С появлением на нашем горизонте Ульянова у нас завязались, наконец, более или менее правильные сношения с Россией.

Еще из Берлина, куда он уехал из Швейцарии, Ульянов прислал мне различные материалы и рукописи, представлявшие для меня большой интерес. А затем, вернувшись в Россию, он продолжал довольно часто писать мне и сообщать материалы относительно жизни рабочих в Петербурге…»[1]

Из интенсивной переписки В. И. Ленина и П. Б. Аксельрода второй половины 1895 г. до нас дошли, к сожалению, лишь два ноябрьских письма Ленина.[2] В них он информировал Аксельрода о своих поездках в Вильно, Орехово-Зуево, Москву, о деятельности там социал-демократических групп, сообщал

важные конспиративные сведения, интересовался ходом подготовки издания сборника «Работник» и сообщал о предстоящем издании газеты «Рабочее дело». Одновременно с письмами В. И. Ленин послал П. Б. Аксельроду ряд материалов для сборника «Работник».

Рассказывая о поездке В. И. Ленина в 1895 г. за границу, А. И. Ульянова-Елизарова отмечала: «…с Аксельродом он очень сошелся тогда; он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные».[3]

После ареста в декабре 1895 г. Владимир Ильич неоднократно искал способ возобновить связь с П. Б. Аксельродом. Попытки эти увенчались успехом, по-видимому, не позднее лета 1897 г., когда А. И. Ульянова по поручению брата установила с ним связь во время своей поездки за границу, передала ему привет и договорилась о способе переписки и доставки книг. Сообщая об этом брату, А. И. Ульянова сумела переправить ему написанное химическим способом письмо Аксельрода из Цюриха, в котором он и Г. В. Плеханов дают чрезвычайно высокую оценку его брошюре «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Брошюру эту они опубликовали в том же году в Женеве. О радости, которую Владимир Ильич испытал при получении этих известий, можно судить по его письму, написанному также химическим способом 16 августа 1897 г. и отправленному в корешке книги в Берлин старшей сестре для пересылки в Цюрих П. Б. Аксельроду:

«Дорогой Павел Борисович! Я очень и очень рад, что мне удалось-таки получить от Вас письмо (получил вчера, т. е. 15 августа) и вести о вас и о Г. В.{3} Ваши и его отзывы о моих литературных попытках (для рабочих) меня чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих. Но как это сделать отсюда? Очень и очень трудно, но не невозможно, по-моему. Как здоровье В. Ив.?{4}

Способ я знаю лишь один, — тот, коим пишу эти строки. Вопрос в том, можно ли найти переписчика, на которого должен пасть нелегкий труд. Вы, видимо, считаете это невозможным и вообще этот способ неподходящим. А другого я не знаю… Как это ни жаль, но я не отчаиваюсь: если теперь не удастся, — может удаться впоследствии. Пока же хорошо бы и то, если бы Вы писали иногда хоть тем способом, который употребляете со „старым приятелем“ Вашим.{5} Тогда можно будет нам не прерывать сношений, а это — самое главное.

Про меня Вам, конечно, рассказывали достаточно, так что добавлять нечего. Живу я здесь в одиночестве. Здоров вполне и занимаюсь понемногу и для журнала{6} и для своей большой работы.{7}

Жму крепко Вашу руку. Сердечный привет В. Ив. и Г. В. Райчина{8} не видал более месяца. Скоро надеюсь съездить в Минусинск повидать его.

Ваш В. У.»[4]

Из хранящихся в ЦПА ИМЛ материалов видно, что в 1898—1899 гг. В. И. Ленин продолжал конспиративную переписку с П. Б. Аксельродом, послав ему еще не менее трех «химических» писем.

В эти годы Ленин внимательно следил за публикациями Аксельрода.[5] Особенно подробно он анализирует его работу «Историческое оправдание русской социал-демократии», опубликованную в органе германской социал-демократической партии «Die Neue Zeit». Соглашаясь с основными положениями этой работы, Ленин высказывает, однако, ряд критических замечаний, обращая внимание на недостаточно резкое выявление классового характера общественного движения и на чрезмерное благоволение автора к либералам.[6]

Анализируя отношения между В. И. Лениным и П. Б. Аксельродом в 1895—1899 гг., можно сказать, что, несмотря на расхождения по некоторым теоретическим и организационным вопросам, отношения эти были весьма дружественными. Поэтому, видимо, именно к этому времени относится «влюбленное» отношение Владимира Ильича к Аксельроду, о котором говорит в своих воспоминаниях Н. К. Крупская.[7]

Серьезному испытанию эти взаимоотношения подверглись в конце лета 1900 г., когда Ленин приехал в Швейцарию для завершения переговоров с группой «Освобождение труда» относительно газеты «Искра» и журнала «Заря». Случилось так, что до официальной встречи со всеми членами группы «Освобождение труда» Ленин встретился в начале августа в Цюрихе с Аксельродом. Эту встречу В. И. Ленин следующим образом описывает в рукописи «Как чуть не потухла „Искра“?»:

«Приехал я сначала в Цюрих, приехал один и не видевшись раньше с Арсеньевым (Потресовым). В Цюрихе П. Б. встретил меня с распростертыми объятиями, и я провел 2 дня в очень задушевной беседе. Беседа была как между давно не видавшимися друзьями: обо всем и о многом прочем, без порядка, совершенно не делового характера. По деловым вопросам П. Б. вообще мало что mitsprechen kann;{9} заметно было, что он тянет сторону Г. В., заметно по тому, как он настаивал на устройстве

типографии для журнала в Женеве. Вообще же П. Б. очень „льстил“ (извиняюсь за выражение), говорил, что для них *все* связано с нашим предприятием, что это для них возрождение, что „мы“ теперь получим возможность и против крайностей Г. В. спорить — это последнее я особенно заметил, да и вся последующая „гистория“ показала, что это особенно замечательные слова были».[8]

Как видно из приведенного отрывка, В. И. Ленин уже тогда почувствовал, что во время переговоров со всей группой, а точнее — с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельрод будет выступать на стороне последнего. Так оно и случилось. И хотя во время драматических переговоров 24—26 января Аксельрод стремился как-то смягчить поведение Плеханова, сыграть роль посредника в переговорах двух группировок, его личная преданность Плеханову и солидарность с ним были очевидны.

Противоречивость поведения Аксельрода во время переговоров очень ярко описал Ленин, рассказывая об одном из эпизодов, когда он и А. Н. Потресов начали резко осуждать поведение Плеханова: «Аксельрод вообще полусочувствует нам, горько качая головой и являя вид до последней степени расстроенный, растерянный, смущенный, но тут энергично протестует и кричит, что это-то уж неправда, что у Плеханова есть разные недостатки, но этого-то нет, что тут уже не он несправедлив к нам, а мы — к нему, что до сих пор он готов был сказать Плеханову: „видишь, что ты наделал — расхлебывай сам, я умываю руки“, а теперь он не решается, ибо видит и у нас несправедливое отношение. Его уверения, конечно, произвели на нас мало впечатления, и бедный П. Б. имел совсем жалкий вид, убеждаясь, что наше решение — твердо».[9]

В. И. Ленин, несомненно, высоко ценил роль, которую П. Б. Аксельрод сыграл в том, чтобы ликвидировать опасность разрыва и успешно завершить дело издания «Искры». Однако разговоры с ним и переговоры с группой «Освобождение труда» в августе 1900 г. убедили Ленина, что Аксельрод не очень твердый и надежный союзник в борьбе.

В Полном собрании сочинений В. И. Ленина опубликовано 38 писем П. Б. Аксельроду. Хронологически они распределяются следующим образом: 1895 г. — 2, 1897 г. — 1, октябрь — декабрь 1900 г. — 13, февраль — декабрь 1901 г. — 15, март — август 1902 г. — 7; кроме того, не менее 5 писем до сих пор не разысканы. С августа 1902 г. писем нет. Добавим, что и в 1901—1902 гг. встречаются довольно большие промежутки, когда переписка затихала или вообще прекращалась. Так, у нас нет сведений о переписке в сентябре — ноябре 1901 г.

Некоторое ослабление переписки в 1901 г. можно объяснить, видимо, тем, что между 23 марта и 6 апреля в Мюнхен приехал из России Ю. О. Мартов, который взял на себя часть деловой переписки с П. Б. Аксельродом. 25 апреля 1901 г. В. И. Ленин писал Аксельроду: «Давно что-то не беседовал с Вами, все не мог собраться, да и Алексей{10} писал Вам о всем деловом…»[10]Что касается прекращения переписки после августа 1902 г., то это следует, очевидно, объяснить конфликтом, который возник при обсуждении статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» весной — летом этого года, когда Аксельрод решил уйти из редакции «Искры». И хотя формально он не вышел из состава редакции (по настоянию Плеханова),[11] но фактически перестал активно сотрудничать там, явно настраивая В. И. Засулич против Ленина.[12] Вполне понятно, что в таких условиях переписка между Лениным и Аксельродом прекратилась.

Изучение писем В. И. Ленина П. Б. Аксельроду и замечаний о нем в других письмах показывает, что на протяжении примерно двух лет Ленин делился с ним больше, чем с кем-либо другим из членов группы «Освобождение труда», своими заботами, планами и мыслями, связанными с подготовкой к изданию, а затем и организацией многих номеров «Искры» и «Зари». Даже одно перечисление всех сюжетов переписки заняло бы слишком много места; ограничимся лишь указанием, что речь в ней идет о многих статьях и их авторах, о положении дел в российских и зарубежных социал-демократических организациях, программе и тактике РСДРП, связях с зарубежными социал-демократическими организациями и отдельными лицами, событиях в России, финансовых делах, переговорах с отдельными лицами, а также группами и организациями, о работе над статьями.

В письмах 1900—1902 гг. П. Б. Аксельроду В. И. Ленин проявлял заботу о его здоровье, творческих делах, передавал приветы семье. Эти письма он обычно заканчивал словами: «Жму руку и желаю, чтобы Вы были вполне здоровы», «Крепко жму руку и всего более желаю поскорее вполне поправиться. Большой привет Вашей семье», «Крепко жму руку и желаю полного здоровья», «Жму крепко руку и желаю поскорее отделаться от инфлуэнци», «Крепко жму руку и шлю привет Вашим». Заботливое отношение к Аксельроду проявлялось и в том, как Ленин старался избавить его от мелких дел и забот, извиняясь в тех случаях, когда приходилось его беспокоить: «Простите, что беспокою Вас такой просьбой», «Очень извиняюсь, что так пристаю к Вам», «Простите, что побеспокоил Вас зря телеграммой». Подобные фразы в письмах встречаются часто.

Время от времени Ленин писал Аксельроду и о своих житейских делах, здоровье, настроении. Сообщая 18 октября 1900 г. о задержке с печатанием «Искры», он жалуется на то, что «нервы развинтились порядочно». В другой раз сообщает, что «болел с неделю инфлуэнцей».

Деловой и даже дружеский характер переписки В. И. Ленина и П. Б. Аксельрода не мог, разумеется, скрыть серьезных расхождений между ними по ряду организационных и теоретических вопросов, которые наметились еще при первом знакомстве и усилились в последующие годы. Таким, в частности, был вопрос о месте издания «Искры». Как известно, Плеханов и Аксельрод настаивали на том, чтобы она издавалась в Швейцарии, под их непосредственным руководством. В. И. Ленин, которого в этом вопросе поддерживал А. Н. Потресов, предлагал издавать «Искру» в Германии. Эти разногласия с большой силой проявились в период переговоров с группой «Освобождение труда» в августе 1900 г. и закончились победой Ленина. Однако Аксельрод не мог с этим смириться и при первой возможности возвращался к идее издания газеты и журнала в Швейцарии. Осторожный намек на это можно встретить уже в его письме Ленину от 15 октября 1900 г.[13] Еще более явно это стремление выразилось в письме Ленину от 8 ноября того же года, где Аксельрод прямо писал: «Ну, а как дело обстоит с журналом? Меня, знаете, начинает разбирать сомнение, долго ли его будут терпеть в Германии. Я думаю, что посольство русское забьет тревогу и тогда, разумеется, прихлопнут. Так не лучше ли сначала уже искать более надежное убежище?»[14] Однако Ленин вежливо дал понять, что решение не издавать «Искру» и «Зарю» в Швейцарии останется в силе.[15]

Весной 1901 г. П. Б. Аксельрод вновь вернулся к вопросу о переезде редакции в Швейцарию, но и эта его попытка встретила отпор мюнхенской части редакции.[16]

Серьезные разногласия возникли между Лениным и Аксельродом в конце 1900 — начале 1901 г. в связи с переговорами между редакцией «Искры» и либералами об издании приложения к журналу «Заря» под названием «Современное обозрение». П. Б. Струве, который вел переговоры от имени либералов, резко выступил против пункта 7 проекта соглашения, предусматривавшего полную свободу для редакции «Искры» использовать весь политический материал, поступающий в «Современное обозрение». В. И. Ленин хорошо понимал, что за протестом Струве скрывается не что иное, как стремление не только главенствовать в самом приложении, но и фактически подчинить своему влиянию «Искру» и «Зарю». Поэтому он

решительно выступил против проекта соглашения, если пункт 7 не будет принят. В письме Плеханову от 30 января 1901 г. Ленин осуждал это соглашение, подчеркивая, что на сторону Струве встали не только Засулич и Потресов, но и Аксельрод.[17]

Серьезные расхождения возникли между Лениным и Аксельродом в связи с обсуждением ленинской статьи для первого номера «Искры» — «Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов». Аксельрод и Плеханов настаивали на том, чтобы из статьи, где Ленин резко критиковал газету «экономистов» «Рабочее дело», он убрал строки о некоторых заслугах этой газеты. В связи с этим Владимир Ильич писал 11 декабря 1900 г. Аксельроду: «Благодарю очень за скорую присылку замечаний на заметку о расколе. Я внес желаемые Вами исправления, но не мог только выкинуть вовсе слова о заслугах „Рабочего дела“, — мне кажется, это было бы несправедливо по отношению к противнику, имеющему не только проступки перед социал-демократией».[18] В этом разногласии между Лениным и его товарищами по редакции сказались, помимо всего прочего, чисто этические расхождения в подходе к политическим противникам.

Солидарность Аксельрода с Плехановым и расхождения его с Лениным проявились летом 1901 г. в связи с обсуждением статьи Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». В сущности, расхождения эти были продолжением спора об отношении к либералам, который возник у Ленина с Аксельродом еще при первой встрече. Свою позицию по отношению к либералам Аксельрод довольно подробно изложил в письмах, адресованных мюнхенской части редакции «Искры», по поводу статьи Ленина. Аксельрод предлагал значительно смягчить нападки на либералов вообще и на П. Б. Струве особенно.[19]

Острые разногласия возникли между Лениным и Аксельродом и в связи с обсуждением статьи «Аграрная программа русской социал-демократии», где Владимир Ильич, в частности, ставит вопрос о необходимости национализации земли. Обширные материалы о ходе обсуждения этой работы Ленина содержатся в Ленинском сборнике III. Мы же отметим лишь, что настойчивое требование Аксельрода отказаться от национализации земли означало на деле отказ от руководящей роли пролетариата в демократической революции, от союза рабочего класса с крестьянством. И хотя в полемике, развернувшейся в ходе обсуждения ленинской статьи, Аксельрод не одобрял вызывающего поведения Плеханова, он фактически полностью разделял его взгляды и оказывал ему поддержку.

Было бы ошибкой думать, однако, что в период работы в

«Искре» между Лениным и Аксельродом были лишь расхождения. Письма Владимира Ильича свидетельствуют о том, что оба они часто солидаризировались против одного или нескольких членов редакции как по организационным, так и по теоретическим, научным вопросам.

Осенью 1900 г. А. Н. Потресов решил ехать из Швейцарии в Россию. П. Б. Аксельрод был против этой поездки из соображений конспирации. 18 октября 1900 г. В. И. Ленин писал ему в этой связи: «С Вашим взглядом на поездку брата{11} я совершенно согласен. Что с ним поделаешь? Нам приходится получать отовсюду предостережения — и из Парижа (что приезжие из России называют всех троих по именам), и из России (что меня выследили на пути сюда и в одном уездном городе взяли совершенно невиновного и *не видавшего меня* человека, дальнего родственника, и спрашивали, какие я давал ему поручения!!), и я всеми силами убеждаю брата либо не ехать, либо махнуть в две недели, и убеждаю, и высмеиваю, и ругаюсь (я никогда с ним так ругательски не ругался) — ничего не действует, заладил одно: домой да домой!».[20]

В связи со вспыхнувшим в редакции спором по поводу статьи Л. И. Аксельрод{12} «Почему мы не хотим идти назад?», предназначенной для журнала «Заря», В. И. Ленин писал 19 ноября 1900 г. П. Б. Аксельроду: «Относительно статьи Л. Аксельрод я вполне согласен с Вами, что ее надо прежде всего послать Г. В.»[21]

В. И. Ленин, несомненно, ценил теоретические работы П. Б. Аксельрода, неоднократно ссылался на них.[22] Мало того, когда возник вопрос о написании программы РСДРП, он считал, что это способны сделать Г. В. Плеханов или П. Б. Аксельрод. 9 июля 1901 г. Ленин писал Аксельроду: «Из России нам писали, что толки о съезде усилились. Это опять и опять заставляет нас подумать о программе. Опубликование проекта программы *крайне* необходимо, и имело бы громадное значение. Но кроме Вас и Г. В. некому за это взяться: дело требует спокойного сосредоточения и обдумывания. Приходите, пожалуйста, на помощь к нам, если только дела и здоровье позволяют».[23] 24 августа того же года он снова пишет: «Мы очень на Вас надеемся насчет программы».[24]

Из писем В. И. Ленина видно, что он неоднократно заказывал П. Б. Аксельроду статьи для «Искры» и готовил их к печати. Интересно, однако, отметить, что в переписке практически не содержится оценки этих статей, хотя о некоторых из них (например, «Вильгельм Либкнехт») речь ведется на протяжении нескольких месяцев.[25]

В течение 1900—1902 гг. Ленин и Аксельрод постоянно

оказывали друг другу помощь в добывании литературы и взаимными консультациями. 11 марта 1901 г. Владимир Ильич пишет: «Посылаю имеющиеся у меня №№ „Weltpolitik“. Если Вам нужны все по порядку, — придется, вероятно, обратиться к самому автору, снова предупредительно печатающему свой адрес».[26] 21 июля того же года он спрашивает у Аксельрода: «Нет ли у Вас книги Liebknecht'a „Zur Grund — und Bodenfrage“ (Leipzig, 1876)? Или у кого-либо из цюрихских геноссов? Мне она *очень нужна* для статьи против Чернова, а здесь нет ни в библиотеке, ни у Парвуса, ни у Лемана».[27] В этом же письме Ленин консультируется с Аксельродом по некоторым теоретическим вопросам, относящимся к литературному наследию Ф. Энгельса. А 30 июля пишет: «Получил от Вас „Либкнехта“ и „Vorbote“. Большое, большое спасибо!»[28]

В отличие от Г. В. Плеханова и В. И. Засулич, которые мало занимались организационными вопросами издания «Искры» и «Зари», П. Б. Аксельрод уделял им много внимания. Н. К. Крупская вспоминала:

«Павел Борисович Аксельрод в гораздо большей степени, чем Плеханов и Засулич, был организатором. Он больше всех общался с приезжими, у него они больше всего проводили время, там их поили, кормили. Павел Борисович подробно их обо всем расспрашивал.

Он вел переписку с Россией, знал конспиративные способы сношений. Ну, как мог себя чувствовать в долгие годы эмиграции в Швейцарии русский организатор-революционер, можно себе представить! Павел Борисыч на три четверти потерял работоспособность, он не спал ночей напролет, писал с чрезвычайным напряжением, месяцами будучи не в состоянии окончить начатой статьи, почерк его было почти невозможно разобрать: так нервно он писал.

Почерк Аксельрода производил на Владимира Ильича всегда сильное впечатление. „Вот дойдешь до такого состояния, как Аксельрод, — не раз говорил Владимир Ильич, — ведь это просто ужас один“. О почерке Аксельрода он не раз говорил с доктором Крамером, который лечил его во время его последней болезни. Когда Владимир Ильич первый раз ездил за границу, в 1895 г., — об организационных вопросах он больше всего толковал с Аксельродом. Об Аксельроде он много рассказывал мне, когда я приехала в Мюнхен. О том, что делает теперь Аксельрод, он спрашивал меня, указывая на фамилию Аксельрода в газете, тогда, когда сам уже не только не мог писать, но и сказать ни слова.

П. Б. Аксельрод особенно болезненно относился к тому, что

„Искра“ издается не в Швейцарии и что поток сношений с Россией идет не через него. Потому так бешено отнесся он к вопросу о тройке на II съезде. „Искра“ будет организационным центром, а он отстраняется от редакции! И это тогда, когда на II съезде больше, чем когда-либо, почувствовалось дыхание России». [29]

В. И. Ленин высоко ценил организаторские способности П. Б. Аксельрода, советовался с ним и часто принимал его советы. Так, например, Аксельрод советовал использовать некоторые корреспонденции из России вместе с другим материалом для внутренних обозрений или передовиц «Искры». В связи с этим Ленин писал ему 18 октября 1900 г.: «За совет насчет корреспонденций спасибо — мы непременно постараемся воспользоваться им, ибо физиономия газеты от этого, конечно, только выиграла бы».[30] В. И. Ленин благодарил Аксельрода и за его советы, касающиеся тактики «Искры» по отношению к возникшей летом 1900 г. в Париже группе «Борьба».[31] Ленин советовался с Аксельродом относительно своего проекта создания «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» (письмо от 25 мая 1901 г.).[32] До выхода в свет работы «Что делать?» Ленин писал Аксельроду 23 декабря 1901 г.: «Могли бы Вы теперь просмотреть мою брошюру (книгу?) против экономистов? Если да, я Вам вышлю на днях или в начале той недели половину, ибо хотел бы с Вами посоветоваться. Черкните словечко».[33] Подобных примеров можно привести немало.

Заметное место в переписке В. И. Ленина и П. Б. Аксельрода периода «Искры» занимают вопросы организации конспиративной техники. Они держали друг друга в курсе налаживания конспиративных связей, пересылки и тайной перевозки нелегальной литературы, посылки связных и т. д. Вот характерный отрывок из письма Ленина Аксельроду: «Насчет парижской особы, которая через месяц едет в Россию на юг и желает иметь рекомендации. Я думаю, лучше всего сделать так: познакомить ее с сестрой,{13} которая теперь в Париже и проживет там еще недели три, если не больше. Если согласны с этим планом, то сообщите имя этой особы и ее адрес, а также какую-нибудь записочку для явки к ней от Вашего имени (буде это нужно) — пришлите либо мне, либо сестре…»[34]

Некоторое представление о том, как налаживали В. И. Ленин и П. Б. Аксельрод конспиративные связи, дает письмо Ленина, касающееся организации свидания с руководителем группы «Свобода» Л. Надеждиным: «Сначала немного об одном особом деле. Мы решили устроить свидание с автором „Возрождение революционизма в России“, но никоим образом не в Мюнхене.

Наметили Цюрих — ради того, чтобы с поездкой нашему делегату (предполагается, что поеду я) соединить и свидание с Вами. Намечается это свидание 8—10 августа (до 12) нового стиля. Напишите, пожалуйста, разрешаете ли воспользоваться Вашей квартирой для свиданья и можно ли будет Вам в это время быть в Цюрихе, чтобы мы с Вами повидались (т. е. вернее: могу ли я съездить к Вам, ибо раз Вы лечитесь, то к чему Вам ехать? А мне, разумеется, ничего не стоит). Сей господин явится на Вашу квартиру (так мы пишем теперь в Женеву сестре Алексея, которая передаст сему господину, если от Вас не будет контрраспоряжения), назовется *Соколовским* и спросит у Вас (или Вашей жены) представителя „Искры“. Мне же сестра Алексея.{14} даст телеграмму о выезде сего господина, а я вовремя буду в Цюрихе, скрыв от него (с ним очень-то откровенничать мы боимся!) свое местонахождение».[35]

Насколько высоко ценил В. И. Ленин умение Аксельрода соблюдать конспирацию, насколько он доверял ему, свидетельствует следующий отрывок из письма от 23 апреля 1902 г.: «Дорогой П. Б.! Вот Вам новый адрес (который просил бы очень не сообщать никому, даже из членов Лиги, кроме самых близких лиц, вроде Л. Гр.{15} или Б. Н.:{16} остальные пусть пользуются по-прежнему адресом Алексеева, а сторонние — адресом Дитца.{17} Если можно, — постарайтесь и в разговорах употреблять систематически Мюнхен вместо Лондона и мюнхенцы вместо лондонцы)».[36]

Весьма частая переписка 1900—1902 гг. дополнялась сравнительно частыми личными встречами. Письма В. И. Ленина позволяют утверждать, что он ценил личное общение и при первой возможности старался организовать такие встречи. 11 декабря 1900 г. он пишет Аксельроду: «Полетаев сообщил мне чрезвычайно обрадовавшее меня известие, что Вы ‹…› могли бы приехать на время к нам. Вот это было бы отлично! — в смысле устройства, я думаю, затруднений не представится, комнату можно понедельно найти. Паспорт у Вас ведь швейцарского гражданина».[37] Через три дня он пишет: «Я очень и очень рад, что мы вскоре увидимся…»[38] Летом 1901 г. возникла новая надежда на личную встречу, в связи с чем Владимир Ильич писал Аксельроду: «Я бы очень и очень желал, чтобы Вы могли заглянуть сюда и побеседовать о разных разностях, — боюсь только звать, чтобы вместо отдыха Вы не причинили себе новой трепки нервов. Если не пугает это Вас, заезжайте, право».[39] В начале августа 1901 г. В. И. Ленин получил письмо от Аксельрода с известием о возможной скорой встрече у него в Цюрихе. В связи с этим он писал: «Очень этому рад. Надеюсь, что мы на этой

неделе увидимся и наговоримся досыта…»[40]

Многие из намечавшихся встреч действительно состоялись и позволили наговориться «досыта». К сожалению, далеко не всегда эти переговоры были успешными, как мечтали об этом обе стороны.

Выше уже говорилось, что с августа 1902 г. переписка между В. И. Лениным и П. Б. Аксельродом прекращается. Главной причиной этого явилось, конечно, расхождение во взглядах на важнейшие вопросы теории и практики революционной борьбы. Болезненное состояние и отстранение Аксельрода от активной деятельности в «Искре» и «Заре» также сыграли в этом заметную роль.

Назревавший после лета 1902 г. разрыв усилился накануне и в период II съезда, где позиции Ленина и Аксельрода резко разошлись по вопросам о формулировке первого параграфа устава партии, о социалистах-революционерах, составе редакции «Искры» и «Зари» и др. Несмотря на эти расхождения и столкновения, В. И. Ленин старался сдерживать себя и не срываться, не переходить на ругательный тон. Только получив в начале января 1904 г. корректуру статьи Аксельрода «Объединение русской социал-демократии и ее задачи» для № 55 «Искры», где автор несправедливо и грубо критиковал Ленина и его деятельность по руководству партией, Владимир Ильич написал письмо Центральному Комитету РСДРП, в котором указывал, что статья Аксельрода «еще гораздо более гнусная, чем статья Мартова („Наш съезд“) в № 53».[41] Нам представляется, что именно это письмо можно считать свидетельством открытого разрыва между В. И. Лениным и П. Б. Аксельродом.

Вспоминая о событиях того времени, Н. К. Крупская писала: «Но личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми. Помню, когда на втором съезде ясно стало, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и др. неизбежен, как ужасно чувствовал себя Владимир Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано. Политическая честность в настоящем, глубоком смысле этого слова, — честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всех личных симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается нелегко».[42]

Открытый разрыв означал, конечно, обострение идейной борьбы между Лениным и Аксельродом. Она то затихала, то усиливалась, но не прекращалась до самой смерти Владимира

Ильича. Проявления этой борьбы нашли свое отражение как в сочинениях и письмах В. И. Ленина, так и в некоторых организационных решениях. 25 февраля 1904 г. ЦК РСДРП (в котором в тот период влияние В. И. Ленина было преобладающим) известил своих корреспондентов о перемене заграничного адреса ЦК и партийной экспедиции: вместо адреса П. Б. Аксельрода предлагался адрес В. И. Ленина.

Обратим внимание на такой штрих: председательствуя на четвертом заседании IV (Объединительного) съезда РСДРП в апреле — мае 1906 г., В. И. Ленин приветствует появление на съезде Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Это, однако, не помешало ему критиковать их устно и в печати как на самом съезде, так и после него. Так, например, участвуя в апреле 1907 г. в совместном заседании большевиков и меньшевиков в Териоках (ныне Зеленогорск), где обсуждались вопросы созыва V съезда РСДРП, Ленин решительно выступил против по сути ликвидаторской идеи Аксельрода о «рабочем съезде».[43]

Отметим при этом характерную ленинскую черту: критикуя идейного противника, Ленин в то же время отдавал должное его достоинствам. Типична в этом смысле его статья 1912 г. «Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторство», в которой Ленин резко оспаривает позицию Аксельрода, обвиняет его в оппортунизме, но и в самой статье, и в последующей переписке по этому вопросу отмечает позитивные моменты в его публикациях. Так, в письме в редакцию легальной большевистской газеты «Невская звезда» от 24 июля 1912 г. Ленин писал: «Такие статьи, как Аксельрода, привлекают: рабочие *все* слышат о разногласиях и *тянутся* к открытым разъяснениям Аксельрода, *договаривающего* вещи во сто раз более смело, чем мы».[44]

Письма Ленина дают основание утверждать, что он постоянно следил за появлением в печати статей Аксельрода (как, впрочем, и тот не пропускал ни одной ленинской статьи).[45] В письмах Ленина часто можно встретить просьбы к товарищам прислать ему новые работы Аксельрода. 19 сентября 1915 г. он, например, написал М. М. Харитонову: «Кстати. Не пришлете ли вышедшую в Цюрихе на днях немецкую брошюру Аксельрода о задачах интернациональной социал-демократии? Любопытно посмотреть».[46]

В годы империалистической войны Аксельрод стоял на позициях центристов, разделял фактически социал-шовинистические взгляды. Естественно, что Ленин критиковал линию, проводимую Аксельродом на Циммервальдской и Кинтальской конференциях.

Крайне мало известно об официальной переписке между Лениным как членом ЦК РСДРП и Аксельродом как представителем заграничного секретариата Организационного комитета (ОК) меньшевиков, хотя есть сведения, что такая переписка существовала.[47]

После Февральской революции П. Б. Аксельрод возвратился в Россию, был членом Исполкома Петроградского Совета, поддерживал буржуазное Временное правительство.

Читая письма и произведения В. И. Ленина, написанные после апреля 1917 г., поражаешься тому, что из них практически исчезает имя Аксельрода. В известных к настоящему времени источниках, вышедших из-под пера В. И. Ленина, П. Б. Аксельрод упоминается лишь мимоходом в связи с III Циммервальдской конференцией, проходившей в Стокгольме 5—12 сентября 1917 г.; в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (осень 1918 г.); в книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920 г.). Между тем Ленин, разумеется, знал о деятельности Аксельрода, о чем свидетельствует его выступление на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию в мае 1919 г.[48] Известно также, что Ленин участвовал в заседании Политбюро ЦК РКП(б) 13 сентября 1921 г., на котором П. Б. Аксельрод был утвержден руководителем по курсу философии в Институте красной профессуры.[49]

Отношения Ленина и Аксельрода в последние годы жизни Владимира Ильича освещены крайне скудно.

Мы же закончим наш очерк следующими строками из воспоминаний Н. К. Крупской о Ленине: «Последнее время, незадолго уже перед смертью, он спрашивал меня про Аксельрода (указал его фамилию в газете, спросил „что“), просил спросить по телефону про него у Каменева и внимательно выслушал рассказ».[50]

Выдворенный за границу, П. Б. Аксельрод стал сторонним свидетелем становления антинародного сталинского режима в СССР, что, конечно, отнюдь не способствовало его примирению с большевизмом.

В. И. Засулич

Вера Ивановна Засулич родилась в 1849 г. в деревне Михайловке Смоленской губернии в дворянской семье.

В марте 1867 г. закончила в Москве пансион и выдержала экзамен на учительницу. В следующем году приехала в Петербург, где примкнула к народникам. В 1869 г. была арестована, почти два года находилась в заключении в Литовском замке и Петропавловской крепости, затем была сослана в Новгородскую губернию, оттуда в Тверь и, наконец, в Костромскую губернию. В 1874—1875 гг. жила в Харькове, где училась на акушерских курсах. В 1875 г. вошла в состав киевской народнической группы, после разгрома которой переехала (летом 1877 г.) в Петербург. 24 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был высечен розгами политзаключенный Боголюбов. После оправдательного приговора, вынесенного судом присяжных, скрылась от полиции, которая намеревалась ее вновь арестовать, и эмигрировала в Швейцарию. В 1879 г. нелегально возвратилась в Петербург и примкнула к «Черному переделу». В 1880 г. вновь эмигрировала и вскоре перешла на марксистские позиции. В 1883 г. вошла в состав марксистской группы «Освобождение труда». Вела переписку с Марксом и Энгельсом и перевела на русский язык ряд их сочинений. Принимала участие в выпуске «Искры» и «Зари». На II съезде РСДРП примкнула к меньшевикам, став одним из лидеров меньшевизма. В 1905 г. возвратилась в Россию. В годы

реакции и нового революционного подъема примыкала к ликвидаторам, а во время первой мировой войны стояла на позициях социал-шовинизма. К Октябрьской революции отнеслась отрицательно. Умерла 8 мая 1919 г.

Личное знакомство В. И. Ленина с В. И. Засулич произошло не позднее 1895 г., когда он ездил за границу. Тогда же Владимир Ильич ознакомился с работами Засулич, в частности с ее переводом на русский язык статьи Энгельса «Об общественных отношениях в России», вошедшей в книгу «Фридрих Энгельс о России», изданную в Женеве в 1894 г. Книгу эту Владимир Ильич использовал при написании осенью 1895 г. некролога «Фридрих Энгельс».[1]

В период сибирской ссылки Ленин пользовался малейшей возможностью узнать о здоровье Веры Ивановны, передать ей привет.[2]

В 1898 г. в Петербурге вышла в свет работа В. И. Засулич «Жан Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». И хотя книга вышла под псевдонимом *Н. Карелин,* В. И. Ленин, видимо, знал, что автор ее В. И. Засулич. 27 апреля 1899 г. Владимир Ильич писал А. Н. Потресову из Шушенского в Орлов Вятской губернии: «Карелина книжку выписал и прочел раньше, чем получил от Вас. Понравилась мне она очень; чертовски досадно, что ее обкорнали! Не напишете ли об ней рецензии?»[3] Возможно, что у Потресова была та часть рукописи, которую «отсекли», за что говорит такая фраза в этом же письме: «Очень благодарен буду за конец Карелина».[4] А. Н. Потресов, кажется, действительно собирался послать или даже послал эту часть работы В. И. Засулич, но В. И. Ленин, видимо, так и не получил ее. 27 июня того же года он писал Потресову: «Получил в прошлую пятницу, 18-го, Ваше письмо от 2.VI., но ни Mehring'a, ни Карелина, о которых Вы пишете, что посылаете, *не получил.* Поджидал сначала, думая, что вышла задержка на почте, а теперь надо думать, что посылка или затеряна или Вы отложили отправку. Если верно первое, то подайте немедля заявление».[5]

В связи с разработкой плана издания газеты «Искра» и журнала «Заря» В. И. Ленин в феврале 1900 г. нелегально поехал в Петербург для переговоров с нелегально же приехавшей туда В. И. Засулич. Именно во время этих переговоров была достигнута принципиальная договоренность с группой «Освобождение труда» о совместном издании газеты и журнала.[6] Встреча в Петербурге, несомненно, укрепила их взаимную симпатию. Своеобразным отражением их отношений в этот период может служить похвальный отзыв Владимира Ильича о журнальной статье В. И. Засулич о Д. И. Писареве. 6 апреля 1900 г. он пишет из

Пскова матери: «Видела ли Маняша „Научное Обозрение“ № 3 и 4? Превосходна там статья о Писареве».[7]

В период переговоров в августе 1900 г. с группой «Освобождение труда» В. И. Ленин видел Веру Ивановну в обществе обожаемого ею Г. В. Плеханова, и тут ее поведение значительно отличалось от того, которое он наблюдал во время их последней встречи в Петербурге. В присутствии Георгия Валентиновича Вера Ивановна во многом теряла твердость характера и независимость. В рукописи «Как чуть не потухла „Искра“?», рассказывая о том, как он с А. Н. Потресовым решили пойти на разрыв с Г. В. Плехановым, если тот не откажется от своих неумеренных требований и притязаний, и какое тяжелое чувство они при этом испытывали, В. И. Ленин писал: «Мы вышли вместе и пошли предупреждать В. И..{18} Надо было ждать, что она примет известие о „разрыве“ ‹…› особенно тяжело. Я боюсь даже — говорил накануне Арсеньев{19} — совершенно серьезно боюсь, что она покончит с собой… ‹…› Это впечатление не проходило и во время разговора с В. И. Она не проявляла особенно резко возбуждения, но видно было, что угнетена была страшно, и упрашивала, молила почти что, нельзя ли нам все же отказаться от нашего решения, нельзя ли попробовать, может быть, на деле не так страшно, за работой наладятся отношения, за работой не так видны будут отталкивающие черты его характера… Это было до последней степени тяжело — слушать эти искренние просьбы человека, слабого пред Плехановым, но человека безусловно искреннего и страстно преданного делу, человека, с „героизмом раба“ (выражение Арсеньева) несущего ярмо плехановщины. До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь…»[8]

Из приведенного отрывка видно, что В. И. Ленин ценил многие мысли и дела В. И. Засулич, ее преданность революции, но отдавал себе отчет в том, что, как и П. Б. Аксельрод, она союзник в редакции не очень надежный. Встречаются в рукописи и отдельные выражения Ленина, которые характеризуют какие-то частности, детали в их отношениях. Владимир Ильич, например, считал, что Засулич не способна была придать знаменитому заявлению редакции «Искры» и «Зари» характер манифеста, чего от нее требовал Г. В. Плеханов.[9] С другой стороны, в рукописи отмечается точность ее психологической оценки: «Вера Ивановна очень тонко заметила, что Г. В. всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику».[10]

После урегулирования конфликта на переговорах В. И. Засулич некоторое время оставалась в Швейцарии, вела издательскую переписку, в том числе и с В. И. Лениным.

Между 18 октября и 3 ноября 1900 г. Вера Ивановна переехала в Германию, войдя в состав мюнхенской части редакции «Искры». О ее работе в Мюнхене мы находим мало сведений в письмах и работах В. И. Ленина. Известно лишь, что она приняла участие в обсуждении статьи П. Б. Аксельрода о В. Либкнехте, перевела на русский язык «Воспоминания» Карла Каутского, напечатанные в журнале «Заря», № 1, организовала написание ряда статей. Из писем Ленина видно, что по предложению мюнхенской части редакции Засулич собиралась писать статью к 125-летию восстания декабристов. По этому поводу В. И. Ленин писал 9 ноября 1900 г. Г. В. Плеханову: «О декабристах готова написать Вера Ивановна, но вот как насчет материалов? Напишем тотчас, чтобы прислали, что можно. Может быть и Вы укажете, что̀ бы особенно важно иметь для этой работы. Пожалуй, особенно важны исторические журналы, коих здесь не достать».[11] Следует сказать, что статья В. И. Засулич о декабристах в «Заре» не появилась, а была напечатана речь Г. В. Плеханова «Четырнадцатое декабря 1825 года», произнесенная им 27 декабря 1900 г. на собрании русских политических эмигрантов в Женеве.[12]

При обсуждении в Мюнхене статей для будущих номеров газеты и журнала взгляды В. И. Ленина и В. И. Засулич чаще всего совпадали. В качестве примера можно указать на статью Д. Кольцова о международном конгрессе в Париже, предназначавшуюся для первого номера журнала «Заря». В письме Г. В. Плеханову от 9 ноября 1900 г. В. И. Ленин писал: «Эту последнюю статью В. И. нашла совершенно непригодной, и я вполне присоединяюсь к ее мнению: статья неинтересна, для журнала неподходяща вовсе ‹…›, для газеты — непомерно длинна».[13] В результате статья эта так и не была опубликована. В свою очередь, Вера Ивановна поддержала Ленина в его споре с Плехановым о месте в статье Бывалого (В. Я. Богучарского), где шла речь о брошюре Бахарева (В. П. Акимова) «Как держать себя на допросе». Плеханов считал нужным упоминание об этой брошюре убрать, а Ленин считал полезным оставить. По этому поводу Ленин писал Плеханову: «Вера Ивановна согласна с тем, что упоминание о Бахареве выкидывать не следует».[14]

Неоднократно В. И. Ленин советовался с В. И. Засулич по организационным и другим вопросам.[15] В ряде случаев она его поддерживала при решении весьма важных проблем. Так, например, было с планом организации «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии».[16]

Принимая весьма активное участие в подготовке первого номера «Искры», В. И. Засулич в общем была все же недовольна

газетой. По этому поводу Владимир Ильич, видимо огорченный ее мнением, писал Плеханову: «Вера Ивановна говорит, что наша газета выходит на ступень ниже по тому уровню читателей, на который она рассчитана, чем Вы, вероятно, предполагаете. Вообще газетой Вера Ивановна порядочно-таки недовольна: *типа-де* „Рабочего Дела“, только политературнее, попричесаннее…»[17]

Письма В. И. Ленина 1900—1903 гг. позволяют сказать, что в течение этого периода ему приходилось в редакции часто общаться с В. И. Засулич и решать совместно с нею самые различные вопросы.

Засулич часто делилась с Владимиром Ильичем своими творческими планами, что можно видеть из ленинских писем разным адресатам. Так, 25 апреля 1901 г. он сообщает П. Б. Аксельроду: «Статью для немцев о демонстрациях пишет старшая сестра».{20} [18] Начиная с 7 июля того же года он неоднократно сообщает, что Засулич работает над статьей против Бердяева.[19] 2 ноября 1901 г. Ленин пишет Плеханову о подготовке ею рецензии на книгу «Возрождение революционизма в России», изданную раскольнической, проэкономистской группой «Свобода».[20] В 1902 г. он упоминает в своих письмах работу Засулич над проектом «комиссионного ула̀жения» вариантов программы РСДРП, разработанных им и Г. В. Плехановым.[21] В письме Н. К. Крупской Владимир Ильич интересуется судьбой статьи В. И. Засулич, которая должна была быть опубликована в № 22 «Искры».[22] В письме Плеханову от 1 декабря 1901 г. Ленин сообщает: «В № 28 передовая Веры Ивановны против с.-р., что они извращают историю, сочиняя, будто во времена „Народной воли“ не было оскорблений политиков…»[23] Упоминания о творческой деятельности Засулич встречаются и в ленинских письмах начала 1903 г.

Иногда в письмах В. И. Ленина можно найти отзывы В. И. Засулич о работах, поступивших в редакцию. Так, из письма Плеханову от 7 июля 1901 г. видно, что статью Невзорова (Ю. О. Стеклова), направленную против статьи В. И. Ленина «С чего начать?», Засулич охарактеризовала как «гнусную».[24]

В практике редакции принят был обмен письмами между отдельными ее членами. Из писем Ленина видно, что Засулич показывала или рассказывала ему содержание некоторых писем к ней, в частности Плеханова. 25 июля 1901 г. Владимир Ильич, например, писал Плеханову: «Сейчас была Велика,{21} читала отрывки из Вашего письма к ней».[25] 30 июля того же года он писал П. Б. Аксельроду: «Ваши замечания о моей статье в Вашем сегодняшнем письме к сестре{22} мне много разъяснили в Вашем отношении».[26]

В ряде случаев Ленин соглашался или принимал предложения и рекомендации Засулич, если, разумеется, они не касались каких-либо принципиальных расхождений между ними. Так, по ее настоянию он смягчил некоторые выражения в своей статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма».[27] В некоторых вопросах они совместно выступали против других членов редакции, как это было при обсуждении вышеупомянутой статьи Невзорова (Мартов и Потресов выступали за ее публикацию, а Ленин и Засулич — против). Совпадала их точка зрения по вопросу о месте и значении заграничного отделения ОК, по созыву II съезда РСДРП и другим.

В период их совместной работы в «Искре» Ленин и В. И. Засулич постоянно выполняли поручения друг друга и часто являлись передаточными звеньями в сношениях с другими лицами. 27 февраля 1901 г. Ленин писал Аксельроду: «Получил оба Ваши письма, передал В. И. письмо из Италии. Содержания этого последнего письма еще не знаю, ибо передал его через Блюменфельда».[28] 20 марта того же года Ленин пишет ему же: «Получил все Ваши письма и передал тетке{23} вести от ее старого друга».[29] Бывало, что Вера Ивановна выполняла поручения или просьбу других лиц к В. И. Ленину. Иногда это были финансовые просьбы со стороны Г. В. Плеханова, просьбы литературного характера Л. И. Аксельрод и т. д.[30]

Постоянные контакты и общение В. И. Ленина с В. И. Засулич, проявление большого взаимного уважения и готовность оказать друг другу помощь не могут, однако, скрыть некоторого настороженного чувства, которое появилось у Владимира Ильича по отношению к ней со времени августовских переговоров 1900 г. В основе этой настороженности лежали в первую очередь расхождения во взглядах на многие теоретические вопросы. Определенную роль, несомненно, играло безоговорочное преклонение Веры Ивановны перед Г. В. Плехановым, о чем В. И. Ленин неоднократно пишет в своих письмах и работах. Мы уже видели, как он оценил ее поведение в период переговоров в августе 1900 г. Об этом же он вынужден был упоминать и позднее. В письме А. Н. Потресову от 13 сентября 1903 г. Ленин, рассказывая о расколе и переговорах с Мартовым по поводу состава редакции «Искры», писал: «…я возмущался и тогда еще, сугубо возмущался непомерно личным отношением Засулич».[31] Об этом «личном» отношении Веры Ивановны к решению дел (противопоставляя его необходимости «политического» отношения), о ее «податливости» Г. В. Плеханову В. И. Ленин писал в конце сентября 1903 г. А. М. Калмыковой и 10 ноября того же года М. Н. Лядову.[32]

Одно из первых расхождений между Лениным и Засулич произошло при обсуждении статьи Л. И. Аксельрод «Почему мы не хотим идти назад», написанной для журнала «Заря». Различная оценка этой статьи наметилась, по-видимому, еще в ноябре 1900 г.[33] 12 июня 1901 г. В. И. Ленин, сообщая Г. В. Плеханову о том, что статья эта послана в набор, добавлял: «Поспорили мы насчет статьи мало-мало с Арсеньевым и с Великой…»[34]

Новое столкновение с В. И. Засулич произошло в июле 1901 г. в связи с написанием В. И. Лениным статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма». 9 июля Ленин сообщал Аксельроду, что Засулич «очень недовольна» статьей.[35] «Недовольство» это проистекало из различного отношения Ленина и Засулич к П. Б. Струве и другим либералам.

Расхождения в вопросах теории сказались при обсуждении в редакции работы В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии». Суть своих расхождений с В. И. Засулич Владимир Ильич подробно изложил в письме Плеханову от 4 апреля 1902 г.

Вскоре возник новый конфликт — по вопросу об отношении к террору. Вопрос этот с особой остротой встал весной — летом 1902 г. в связи с покушением рабочего Г. Д. Леккерта на виленского губернатора фон Валя. В. И. Ленин, всегда выступавший против индивидуального террора, осуждал В. И. Засулич и Ю. О. Мартова, оправдывавших этот поступок Леккерта. 2 июля 1902 г. В. И. Ленин писал Г. В. Плеханову: «Из-за заметки о Леккерте в „Искре“ у меня вышла маленькая баталия с Бергом{24} и Великой Дмитриевной, которые оба, как водится, понервничали и стали говорить о неизбежности террора и необходимости для нас это (так или иначе) выразить».[36]

Мы привели несколько случаев расхождений между В. И. Лениным и В. И. Засулич по серьезным вопросам; кроме того, постоянно шли споры и по вопросам менее важным, частным, вроде того, печатать ли статью Мартова «Социализм и церковь» немедленно или отложить на время, печатать ли статью Ленина «Самодержавие колеблется» в качестве передовой и т. д. и т. п.[37] И хотя подобные споры не имели принципиального значения и обычно в конечном итоге улаживались, они накаляли атмосферу, мешали нормальной работе.

Расхождения между В. И. Лениным и В. И. Засулич по организационным и теоретическим вопросам то и дело проявлялись в течение 1900—1903 гг. и с особенной силой сказались в период II съезда РСДРП. Как известно, В. И. Засулич заняла там оппортунистическую позицию и вскоре стала одним из лидеров меньшевизма. Неизбежным результатом этого явился

и разрыв в личных отношениях Ленина и Засулич. Разрыв этот, как и разрыв с Плехановым, Владимир Ильич переживал крайне тяжело. Три года он крепился, терпел, стараясь не говорить о том, как тяжело ему работать в условиях расхождения и столкновений с коллегами по редакции. Крепился, терпел, ибо понимал громадное значение «Искры» и «Зари» и всеми силами стремился к тому, чтобы дело их развивалось как можно успешней. Когда разрыв все же стал неизбежен, он с болью писал А. Н. Потресову о вредоносности «тех мучительных, затяжных, безвыходных драк, с которых мы начали работу „Искры“ в 1900 году и которые повторялись не раз, *месяцами* лишая нас работоспособности».[38]

После раскола личные отношения Ленина и Засулич прекратились. Одним из доказательств этого служит отсутствие между ними переписки после 1903 г. Однако Владимир Ильич внимательно следил за жизнью и творчеством Веры Ивановны, часто вспоминал о ней.

Одно из таких воспоминаний относится к весне 1907 г., когда Ленин писал «Предисловие к переписке Ф. А. Зорге». Там есть такая сноска: «Кстати. Если память мне не изменяет, Плеханов или В. И. Засулич рассказывали мне в 1900—1903 годах про существование письма Энгельса к Плеханову о „Наших разногласиях“ и о характере предстоящей в России революции. Интересно было бы узнать в точности, было ли такое письмо, цело ли оно и не пора ли его публиковать».[39] Память не подвела Владимира Ильича: такое письмо было написано Энгельсом В. И. Засулич 13 апреля 1885 г. Оно было впервые опубликовано в 1925 г. в сборнике «Группа „Освобождение труда“», № 3.[40]

Мы не имеем возможности привести все отзывы и воспоминания Ленина о Засулич, поэтому приведем лишь некоторые из них. Особого внимания заслуживает статья В. И. Ленина «Как В. Засулич убивает ликвидаторство», опубликованная в 1913 г. в № 9 журнала «Просвещение». Статья подвергает критике ликвидаторство и В. И. Засулич как одного из приверженцев этого течения. С точки зрения оценки личности Веры Ивановны особенно примечательны в этой статье краткое введение и заключение. Там говорится, в частности: «В № 8 „Живой Жизни“,{25} от 19 июля 1913 г., помещена замечательная статья В. Засулич в защиту ликвидаторства („По поводу одного вопроса“). Мы обращаем усиленное внимание всех, интересующихся вопросами рабочего движения и демократии, на эту статью, ценную как по своему содержанию, так и по откровенной прямоте авторитетного автора».[41] Детально разобрав статью Засулич, Ленин заканчивает свою работу следующим образом: «Итак, до свидания в рядах будущей

легальной партии, наши будущие товарищи! А пока — извините — нам не по дороге, ибо пока вы выполняете не марксистскую, а либеральную работу, господа околопартийные социал-демократы».[42]

Из хранящихся в библиотеке Ленина в Кремле номеров меньшевистского журнала «Дело» за 1916 г. видно, что Владимир Ильич читал опубликованную там статью Засулич «После войны» и делал пометки на ней. Неоднократно Ленин критикует Засулич за ее призывы к «защите отечества» и к продолжению империалистической войны «до победы».

Как уже было сказано, В. И. Засулич отрицательно отнеслась к Октябрьской революции, однако попытки каким-то образом ущемить ее права Ленин решительно пресекал. Характерна телеграмма Ленина от 18 февраля 1919 г.: «Петроград. Смольный, Зиновьеву. Сейчас услыхал, будто районный Совет выселил Веру Ивановну Засулич и других виднейших революционеров из дома писателей. Ведь это же позор! Неужели это правда? *Ленин*».[43]

У нас нет данных о том, как воспринял Ленин смерть Веры Ивановны, но известно, что, давая в ноябре 1919 г. указание В. Д. Бонч-Бруевичу о комплектовании своей кремлевской библиотеки, он просил включить туда работы Засулич.[44] Когда весной 1921 г. до Владимира Ильича дошли слухи о том, что могилы Г. В. Плеханова и В. И. Засулич заброшены, он пишет записку Г. Е. Зиновьеву о необходимости принять меры для приведения в порядок их надгробий.[45]

Н. Е. Федосеев

Письма В. И. Ленина и воспоминания некоторых его соратников свидетельствуют об одной удивительной и печальной дружбе. Удивительной потому, что виделись друзья только дважды, да и то мельком. Печальной же потому, что до самой смерти одного из друзей все их неоднократные попытки встретиться неизменно кончались неудачей.

Началась эта дружба еще в конце 80-х гг. прошлого века, когда Владимир Ильич жил в Казани и когда там возникли первые нелегальные марксистские кружки.

Организатором казанских марксистских кружков был молодой революционер Николай Евграфович Федосеев. Это был среднего роста, хорошо сложенный человек с правильными чертами лица, обрамленного едва пробивающейся бородкой. Несмотря на свою молодость (родился он в 1869 г.), Николай Федосеев уже тогда считался одним из самых образованных и талантливых марксистов.

Осенью 1888 г. Владимир Ильич, возвратившись в Казань после кокушкинской ссылки, вступил в один из организованных Н. Е. Федосеевым кружков.

В автобиографической повести «Мои университеты» А. М. Горький приводит рассказ об одном событии, которое запечатлелось в его памяти на всю жизнь. Было это в Казани, где Алексей Максимович работал в булочной. Однажды он попал на занятия подпольного кружка. Во время перерыва к нему подошел

юноша и спросил:

«— Вы — Пешков, булочник? Я — Федосеев. Нам надо бы познакомиться. Собственно — здесь делать нечего, шум этот — надолго, а пользы в нем мало. Идемте?

О Федосееве я уже слышал как об организаторе очень серьезного кружка молодежи, и мне понравилось его бледное, нервное лицо с глубокими глазами.

Идя со мною полем, он спрашивал, есть ли у меня знакомства среди рабочих, что я читаю, много ли имею свободного времени и, между прочим, сказал:

— Слышал я об этой булочной вашей, — странно, что вы занимаетесь чепухой. Зачем это вам?

С некоторой поры я и сам чувствовал, что мне это не нужно, о чем и сказал ему. Его обрадовали мои слова; крепко пожав мне руку, ясно улыбаясь, он сообщил, что через день уезжает недели на три, а возвратясь, даст мне знать, как и где мы встретимся».[1]

Тогда Алексей Максимович и не подозревал, что в одном из кружков, организованных Федосеевым, занимался молодой Владимир Ульянов.

К сожалению, то, что не было известно А. М. Горькому, было хорошо известно охранке. В архиве сохранилась справка департамента полиции о Владимире Ильиче, в которой имеются такие строки: «Из ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции в Казанской губернии, представленной при отношении начальника Казанского губернского жандармского управления от 20 июля 1889 г., усматривается, что Ульянов ведет знакомство с подозрительными лицами».[2]

Владимир Ильич много слышал о Федосееве и проникся к нему глубокой симпатией. Но по условиям строгой конспирации члены марксистских кружков не общались друг с другом, каждый знал только участников своего кружка. Поэтому Владимир Ильич, состоя в одном из федосеевских кружков, не встречался ни с Федосеевым, ни с Горьким.

Вероятно, Николай Федосеев и Владимир Ульянов обязательно встретились бы в конце концов, но случилось событие, помешавшее этому.

В 1889 г. недалеко от Цюриха, в Швейцарии, произошел взрыв бомбы. В ходе следствия по поводу этого взрыва был схвачен бывший студент Дмитрий Матвеев, у которого обнаружили письмо курсистки Анны Соловьевой, невесты Н. Е. Федосеева. Прочитав это письмо, полиция напала на след и вскоре арестовала Николая Евграфовича, а затем и других казанских марксистов.

Владимир Ильич вспоминал об этом событии так: «Весной

1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услыхал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани».[3]

Н. Е. Федосеева продержали 15 месяцев в казанской тюрьме, а потом еще столько же в одиночной камере петербургской тюрьмы «Кресты». Лишь в начале 1892 г. его выслали под гласный надзор полиции во Владимир.

Находясь в тюрьме и ссылке, Федосеев все время искал способ установить связь с товарищами, чтобы обсудить теоретические и практические вопросы революционного движения. Такая возможность неожиданно появилась благодаря Марии Германовне Гопфенгауз.

Как раз в то время друзья Федосеева были озабочены тем, что он совершенно одинок (его бывшая невеста вышла замуж за другого), что его никто не посещает в тюрьме и не носит передач. Было решено подыскать девушку, которая согласилась бы назваться невестой и на этом основании просить свидания. Эту роль взяла на себя Мария Германовна, которая стала потом верным другом и помощником Николая Евграфовича, до конца его и своей жизни.

С помощью Марии Германовны Федосеев решил установить связь с Владимиром Ильичем. О том, как это было сделано, рассказал член марксистского кружка, в котором состоял В. И. Ленин в Самаре, А. А. Беляков: «М. Г. Гопфенгауз приехала в Самару для установления постоянной связи между Владимиром Ильичем и Н. Е. Федосеевым, назначенным по выходе из „Крестов“ под гласный надзор полиции в г. Владимир, и привезла с собой от Федосеева Владимиру Ильичу письмо. Дня через четыре удалось найти на Воскресенской улице, около базара, подходящую комнату с отдельным входом с улицы, где М. Г. Гопфенгауз поселилась и куда заходили Владимир Ильич, Скляренко и я. Вся переписка Владимира Ильича с Н. Е. Федосеевым велась исключительно через Гопфенгауз, которая переписывала своей рукой все письма и пометки на рукописях, сделанные Владимиром Ильичем, а также переписывала рукописи Н. Е. Федосеева. На такой конспирации настаивал Н. Е. Федосеев, и Владимир Ильич признавал эти меры предосторожности целесообразными».[4]

В своей переписке Ленин и Федосеев обсуждали вопросы марксистского мировоззрения. Федосеев сумел послать Владимиру Ильичу на отзыв свою большую работу о падении крепостного права в России. Владимир Ильич внимательно ее

прочитал и сделал на полях много пометок. (К сожалению, рукопись эта до сих пор не разыскана.)

Деятельная переписка между Лениным и Федосеевым еще больше укрепила их дружбу, вызвала у обоих желание лично встретиться и поговорить обо всем.

Осенью 1893 г. Ленин решил для свидания с Федосеевым заехать к нему во Владимир. В декабре 1922 г. он вспоминал: «… посредницей в наших отношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась».[5]

Более подробный рассказ об этой попытке содержится в воспоминаниях друга Н. Е. Федосеева Н. Л. Сергиевского. Он тоже находился в то время во Владимире и принимал самое живое участие в разработке плана тайной встречи.

План этот был таков.

К приезду Владимира Ильича М. Г. Гопфенгауз и Н. Л. Сергиевский добьются краткосрочного отпуска Н. Е. Федосеева из тюрьмы (разрешение на это было уже получено). Сразу же Федосеева отвезут на квартиру, где и будет устроено свидание.

Владимир Ильич, конечно, согласился с таким планом и попросил, чтобы его встретили на вокзале и проводили на условленную квартиру. Это было необходимо в целях конспирации, чтобы не пришлось спрашивать дорогу в незнакомом городе и этим обращать на себя внимание.

Несмотря на то что Сергиевский лично не знал Владимира Ильича и сам находился под надзором полиции, именно его решили направить для встречи петербургского гостя. Много лет спустя Николай Львович рассказывал:

«В назначенный час я пришел на вокзал и, окинув взором почти пустой буфет и удостоверившись, что все обстоит благополучно, я тут же заметил около условленного столика маленького человека со всеми прочими приметами В. И. Немедленно подошел к нему, сказал пароль. В. И. ответил, быстро взял свой саквояж и без дальних слов направился за мной, чтобы скорее выбраться из места, находящегося под усиленным наблюдением полиции. Первое время мы шли почти молча, изредка перекидываясь незначительными замечаниями, имевшими целью ознакомить В. И. с обратной дорогой на вокзал. Я с любопытством наблюдал его… Осторожный, пытливо озирающийся, наблюдательный, спокойный, сдержанный, при всей своей, мне уже известной по письмам, темпераментности, В. И. представлял собой полнейшую противоположность Н. Е. Ого,

думал я: если пламенный, отчаянный Н. Е. сложит свою буйную голову, то этот сложит голову общего врага. Как я пожалел тогда, что они не вместе… Так они дополняли бы друг друга…

Пришли мы с В. И. на квартиру, только что накануне снятую для Н. Е., и здесь ждали его вдвоем несколько часов. Наконец явилась М. Г. Гопфенгауз и сообщила, что жандармы закапризничали — нашли какой-то повод для того, чтобы отложить освобождение Н. Е. еще на один день. Делать было нечего. В. И. необходимо было выезжать в Москву, откладывать отъезд до следующего дня было нельзя, и он скромненько ушел на вокзал теперь уже один — пройдя всего раз, он превосходно заметил дорогу».[6]

Так в последнюю минуту рухнул тщательно продуманный план встречи во Владимире.

В 1897 г., почти одновременно с Владимиром Ильичем, в Сибирь выслали и Николая Евграфовича. Случилось так, что по дороге в Сибирь они оба оказались в московской пересылочной тюрьме. Старшая сестра Владимира Ильича Анна Ильинична сумела сообщить брату об этом.

Появилась новая надежда на личное знакомство, правда, в тесных стенах тюрьмы или арестантского вагона. Но и эта встреча не состоялась: Владимира Ильича отправили в Сибирь раньше Федосеева. Некоторым утешением в этой новой неудаче было то, что Федосеев познакомился с сестрами Владимира Ильича. Особенно он подружился с Анной Ульяновой, которой подарил на память свою фотографию.

Анна Ильинична вспоминала: «На меня и сестру, провожавших Николая Евграфовича в ссылку, — мы стояли у вагона, но были ненадолго впущены и в вагон, — он произвел впечатление неотразимо привлекательной личности. Особенно хороша была его раскрывавшая перед ним все сердца, прямо обаятельная улыбка! Мы провожали в этот момент не товарища, которого видели в первый раз в жизни, а близкого, дорогого, почти родного человека. Сколько нежности и чуткости было в его сильной натуре!»[7]

Владимир Ильич узнал, что по дороге к месту ссылки Федосеев обязательно должен быть в Красноярске. Узнал и о том, что в красноярской фотографии Кеппеля обычно фотографируют всех ссыльных. Очень может быть, что Владимир Ильич выработал план личной встречи с Федосеевым или на перроне вокзала, откуда арестантов должны были переправлять в пересыльную тюрьму, или в фотографии Кеппеля. Приехав в Красноярск, он тотчас же начал наводить справки о времени прибытия поезда с арестантским вагоном.

4 апреля поезд прибыл. С трудом прорвавшись к столыпинскому вагону, Владимир Ильич успел пожать руки некоторым знакомым товарищам, но тут произошло событие, о котором впоследствии рассказал его очевидец Ю. О. Мартов:

«В Красноярске нас должны были встретить местные губернские власти. Поэтому наш полковник, который терпел, что на больших станциях конвой, с которым мы сблизились, позволял нам вольности общения с публикой, отдал строгий приказ не допускать, чтобы в Красноярске мы подходили к окнам. Между тем именно в Красноярске мы заранее сговорились встретиться с выехавшими туда ранее нас Ульяновым и сестрой Г. М. Кржижановского — А. М. Поэтому, как только поезд подошел к станции, мы быстро спустили стекла и стали обмениваться рукопожатиями и торопливыми вопросами с подбегавшими к вагону указанными друзьями. Произошел величайший переполох. Полковник, выскочивший из вагона, чтобы рапортовать властям, заметался, как бесноватый, а в вагоне, после тщательных попыток конвойных оттащить нас от окон, раздалась команда унтера: „Шашки наголо!“ — и угрожающе зазвенело оружие. Мы пришли в крайнее возбуждение и, укоряя смущенных конвойных, среди которых всё время пути небезуспешно вели пропаганду, кричали: „Колите!“ — и продолжали цепляться за окна. Гам и смятение наконец прекратились, когда станционные жандармы догадались схватить Ульянова и его спутницу… и на наших глазах потащили их в какую-то комнату, откуда, впрочем, их скоро выпустили…»[8]

Как потом выяснил Владимир Ильич, 4 апреля Федосеева в Красноярск не привезли. Узнав, что 10 апреля прибывает новая партия, он опять поехал на вокзал, где наконец увидел в окне вагона бледное лицо Николая Евграфовича, хорошо знакомое ему по многочисленным описаниям, а возможно, и по фотографиям.

Однако все его попытки прорваться к вагону не увенчались успехом: конвойные и жандармы грубо отталкивали всех, угрожая оружием.

Потерпев неудачу на вокзале, Владимир Ильич пытался встретиться с Федосеевым в фотографии Кеппеля. Очевидцы рассказывают, что он многократно приходил туда в надежде, что Николая Евграфовича приведут фотографироваться. К сожалению, встреча так и не состоялась… Неудача была тем горше, что Владимир Ильич уезжал почти на три года в Шушенское, а Федосеев — на пять лет в Восточную Сибирь. Было ясно, что ни о какой встрече в течение ближайших лет речи быть не могло.

Есть еще одно воспоминание, которое свидетельствует, что

Владимир Ильич все же добился краткого свидания с Федосеевым. Вот что рассказывает об этом Н. Л. Сергиевский: «На прощанье мы устроили в красноярской тюрьме дерзкую шутку. Н. Е. Федосееву, которого отправляли в Иркутскую губернию, очень хотелось повидаться с В. И. Ульяновым, В. И. тоже желал этого свидания. Чтобы устроить его, мы, выходя из тюрьмы, не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в тюремный цейхгауз с телегой, которую кроме извозчика сопровождал Ульянов в качестве… якобы хозяина телеги. Одетая в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозопромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева как „старосты“ политиков для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать к великому смущению „помощника“, понявшего, что его одурачили, но не пожелавшего поднимать шум…»[9]

30 апреля 1897 г. Владимира Ильича отправили на пароходе «Св. Николай» вверх по Енисею — в Минусинск.

Николая Евграфовича сослали в Верхоленск Иркутской губернии. Там он оказался вместе с группой политических ссыльных — Г. М. Кржижановским, Я. М. Ляховским, А. М. Лежавой и др.

Итак, Ленина и Федосеева разделили сотни верст, но они тем не менее сумели быстро наладить между собой переписку, стараясь держать друг друга в курсе всех событий. Их переписка (к сожалению, не сохранившаяся) приобрела столь регулярный характер, что, как только в ней возникла непредвиденная пауза, Владимир Ильич начал волноваться. 21 декабря 1897 г. он встревоженно писал Анне Ильиничне: «Федосеев и Ляховский не пишут ни слова — черт их знает, что у них там делается!»[10] И вновь, спустя месяц: «Н. Е. Ф. мне не пишет, не отвечает даже, хотя я писал ему 2 письма. Попеняй ему на это, если будешь писать. Об „истории“ в Верхоленске я слыхал: отвратительный нашелся какой-то скандалист, напавший на Н. Е.»[11]

Тревога Владимира Ильича была не напрасной: Федосеев действительно оказался в сложной ситуации, которая в конце концов окончилась для него трагично. Дело в том, что еще в московской пересыльной тюрьме он подвергался клеветническим нападкам заключенного Юхоцкого, пароходного кондуктора из Новороссийска, который обвинял его в том, что он якобы присвоил какие-то общие деньги. Попав в ссылку вместе с Федосеевым, Юхоцкий продолжал преследовать его своей клеветой. Нелепость обвинений была столь очевидной, что никто

к ним всерьез не отнесся. В других условиях и Федосеев, вероятно, не стал бы так болезненно реагировать на голословные наветы. Но еще до высылки в Сибирь он был так измучен и издерган тюремным заключением и допросами, что воспринимал все необычайно остро. И когда клеветник принялся и в Верхоленске травить его, натянутые до предела нервы не выдержали. В июне 1898 г. Н. Е. Федосеев покончил жизнь самоубийством.

Сохранился подробный рассказ верхоленской знакомой Н. Е. Федосеева — Л. Лежавы — о его последних днях:

«…Н. Е. начал очищать свою квартиру от всего нелегального, затем постепенно передал под разными предлогами свои тетради, рукописи, наконец сам перенес на квартиру тов. Гольдберга все наиболее ценные книги; отношение к товарищам стало крайне неровным: то открыто избегает общения с нами и, несмотря на свою деликатность, явно выражает неудовольствие, если к нему зайдут, то сам забежит к кому-нибудь, посидит с четверть часа или полчаса и вдруг на полуслове поднимается и уходит. А когда разговаривал, то чувствовалось, что сам он со своими мыслями где-то далеко, так сказать, отсутствует и разговор для него не имеет никакого интереса. В эти последние дни, если кто-нибудь из товарищей заходил к нему, то он намекал на то, что он занят какими-то письмами, старался поскорее выпроводить посетителя.

Наконец, часа в 4 дня, кажется, 26 июня{26} (1898 г.) девочка, дочь хозяйки Н. Е., принесла нам письмо. Едва распечатав его, я увидела, что оно прощальное и что сейчас случится непоправимое… Узнав от девочки, что Н. Е. пошел в падь, мы с бывшим у нас в то время тов. Гольдбергом бросились его догонять. А. М. Лежава, бежавший впереди других, издали заметил его сворачивающим с пашни в лес. Добежав до леса, он окликал его, просил остановиться… Через несколько мгновений вблизи за деревьями раздался револьверный выстрел и затем стон… Н. Е. целился в сердце, но пуля прошла несколько ниже, задела, по-видимому, желудок, селезенку, почку и застряла в позвоночнике. Перенесенный в избу ближайшего товарища, Н. Е. прожил еще часов 9 и скончался от паралича сердца, вызванного внутренним кровоизлиянием. Почти до последнего момента он сохранял сознание и все время говорил, прощаясь с каждым товарищем в отдельности, делал последние распоряжения относительно своих рукописей и очень волновался, что остается должен лавочнику несколько рублей, для уплаты которых просил продать его книги. Другого имущества у Н. Е. не было.

„Нет больше сил: с 17 лет по тюрьмам и этапам… 10 лет такой жизни подорвали силы… Сейчас много работы, и работы

интересной… Надо работать, а я работать не могу… А жизнь такая интересная, так хочется жить… Но нет, нельзя!..“ — вот приблизительно его собственные слова, которые сохранились у меня в памяти и которые характерны для его настроения, приведшего к такому концу».[12]

Владимир Ильич получил сообщение о гибели друга 14 июля 1898 г. 15 июля он писал сестре: «О Н. Е. получил вчера письмо доктора.{27} Н. Е. покончил с собой выстрелом из револьвера. 23. VI его похоронили. Оставил письмо Глебу{28} и ему же рукописи, а мне, дескать, велел передать, что умирает „с полной беззаветной верой в жизнь, а не от разочарования“. Не ожидал я, что он так грустно кончит. Должно быть, ссыльная „история“, поднятая против него одним скандалистом, страшно на него повлияла».[13]

Трагическая смерть Федосеева очень взволновала Владимира Ильича, и он еще долго не мог успокоиться. В начале августа он писал матери: «Из Верхоленска было подробное письмо от доктора, который описывает кончину Н. Е. Федосеева, возвращает письмо от Ани, посланное к Н. Е., но пришедшее уже после его смерти (он не знает, чье это письмо), и спрашивает, что́ делать с 25 р. денег. (Они собирают там средства для постановки памятника.) Долги Н. Е. (около 80 р.) они тоже (т. е. верхоленские товарищи) берутся уплатить. Пишет доктор, что крайне грустно повлияла на Н. Е. история гнусных обвинений, поднятых против него таким-то негодяем (из политиков же) по денежным вопросам, что Н. Е. решил потом не брать ни от кого *никаких* пособий (а его решения бывали твердые), что терпел поэтому самые крайние лишения, не мог работать и, по его словам, „когда убедился, что не может работать, решил, что не будет жить“… После его смерти пришла в Верхоленск телеграмма о том, что Марии Германовне позволено ехать к нему…».[14]

Отправляя это письмо, Владимир Ильич еще не знал, какое продолжение имела эта трагическая история. Когда стало известно, что Н. Е. Федосеев будет отбывать ссылку в Верхоленске, Мария Германовна начала хлопотать о разрешении поехать к нему. Разрешение наконец было получено, но уже было ненужным. 16 августа 1898 г. Владимир Ильич сообщал Анне Ильиничне: «Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М. Г. тоже застрелилась (18.VII), получив 16.VII известие о кончине Н. Е. Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (*политический!!* ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен. Из-за этого он решил не брать *ни от кого* помощи и терпел страшные лишения.

Говорят, дня за 2—3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Черт знает что такое! Хуже всего в ссылке эти „ссыльные истории“, но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник давно был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу».[15]

Когда позже друзья Федосеева начали собирать деньги ему на памятник, Владимир Ильич не только сам принял участие в этом деле, но и старался помочь сбору денег через своих родных и знакомых. Именно это обстоятельство послужило поводом для новых нападок на него со стороны властей.

Дело в том, что о решении начать сбор денег на памятник Николаю Евграфовичу Федосееву В. И. Ленину написал из Верхоленска Я. М. Ляховский. Вероятно, из конспиративных соображений Ляховский попросил переслать это письмо Ленину одного из ссыльных, Ивана Зобнина из Иркутска. Случилось так, что квитанция о посылке письма Ленину была найдена при обыске у Зобнина в феврале 1899 г. В связи с этим был отдан приказ произвести обыск у Владимира Ильича и учинить ему допрос о переписке с Я. М. Ляховским и другими социал-демократами. 2 (14) мая 1899 г. обыск у Ленина был произведен и найдено письмо Ляховского.

Об этом Н. К. Крупская писала: «А тут еще нагрянули с обыском. Перехватили у кого-то квитанцию письма Ляховского к Владимиру Ильичу. В письме была речь о памятнике Федосееву, жандармы придрались к случаю, чтобы учинить обыск. Обыск произведен был в мае 1899 года. Письмо они нашли, оно оказалось очень невинным, пересмотрели переписку — и тоже ничего интересного не нашли. По старой питерской привычке нелегальщину и нелегальную переписку мы держали особо. Правда, она лежала на нижней полке шкафа. Владимир Ильич подсунул жандармам стул, чтобы они начали обыск с верхних полок, где стояли разные статистические сборники, — и они так умаялись, что нижнюю полку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя педагогическая библиотека. Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накинули еще несколько лет ссылки».[16]

Сохранился протокол допроса В. И. Ленина в связи с этим обыском. (Этот протокол опубликован в 1934 г. в № 1 (62) журнала «Красный архив», в котором приведен еще целый ряд полицейских документов, связанных с революционной деятельностью В. И. Ленина.) В протоколе содержится следующее

показание Владимира Ильича: «Взятое у меня письмо со штемпелем в г. Иркутске 20 ноября 1898 года написано ко мне административным ссыльным по политическому делу Яковом Максимовичем Ляховским, который сослан был из Петербурга одновременно со мной и проживает в городе Верхоленске. Ближайшим предметом переписки служила смерть товарища, Николая Евграфовича Федосеева; Ляховский писал мне о подробностях события и о постановке памятника на могиле покойного. Письмо это передано мне почтарем Шушенской волости, насколько я помню, в первых числах декабря прошлого 1898 года. Что касается Ивана Зобнина, то эту фамилию я слышу в первый раз».[17] Под текстом протокола имеется роспись Владимира Ильича.

Теплые воспоминания о Николае Федосееве В. И. Ленин сохранил на всю жизнь, а в 1922 г. посвятил памяти «этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[18] специальную статью.

А. А. Ванеев

Среди многих товарищей В. И. Ленина, сосланных вместе с ним по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в сибирскую ссылку, был один, к которому Ленин относился с особой теплотой и нежностью. Это был бывший студент Петербургского технологического института Анатолий Александрович Ванеев, известный в среде революционеров под кличками *Минин* и *Антон.*

Небольшого роста, худощавый, с тонкими чертами бледного лица, на котором выделялись глубоко сидящие синие глаза, Ванеев был внешне суров и сдержан. Но все знали, что за этой суровостью скрывается необыкновенно отзывчивое сердце и какая-то удивительная деликатность.

Владимир Ильич познакомился с Ванеевым вскоре после своего приезда в Петербург и не только доверял ему самые опасные и важные дела, но и крепко подружился с ним.

Вместе с Владимиром Ильичем Ванеев входил в ядро петербургского «Союза борьбы» и вместе с ним же был арестован в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г.

При обыске у Ванеева нашли подготовленный «Союзом борьбы» первый номер газеты «Рабочее дело», поэтому он был посажен в одиночную камеру зловеще знаменитой петербургской «предварилки». Там Анатолий Александрович просидел целый год и заболел туберкулезом.

Владимир Ильич, зная о слабом здоровье Ванеева, очень о

нем беспокоился и старался помочь чем мог.

В начале 1897 г. всем осужденным членам «Союза борьбы» дали перед отправкой в ссылку три дня для устройства личных дел. Друзья получили возможность увидеться, обо всем поговорить и детально обсудить планы дальнейшей борьбы. На память об этих днях они сфотографировались, а счастливая случайность сохранила этот снимок до наших дней.

Владимир Ильич и Анатолий Александрович надеялись поехать в одно место, но Ленин был назначен в село Шушенское Минусинского округа, а Ванеев — в Туруханск. Узнав об этом, Владимир Ильич очень расстроился, но не потерял надежды добиться перевода Ванеева в Минусинский округ. Со свойственной ему энергией он взялся за организацию специального прошения в департамент полиции. 5 апреля 1897 г. он писал матери: «Ужасно жаль, что об Анатолии Александровиче не хлопотали тоже, чтобы ему в Минусинский округ: для него, после перенесенного плеврита, это было бы очень и очень важно. Мы послали в С.-Петербург телеграмму, чтобы начали об этом хлопотать: ввиду задержки всей партии времени оказывается предовольно, так что можно надеяться, что успеют еще ему выхлопотать, если возьмутся энергично».[1]

Попытка добиться перевода Ванеева не увенчалась успехом, и Владимир Ильич тяжело переживал эту неудачу. Мысль о больном друге не дает ему покоя. В одном из писем к сестрам он пишет, что совершает прогулки по красивым окрестностям Красноярска, очень доволен этими прогулками, но добавляет при этом, что был бы доволен еще больше, «если бы не воспоминание о наших туруханцах».[2] Между тем положение Ванеева заметно ухудшилось. Во время освидетельствования перед отправкой в Туруханск врач нашел здоровье Анатолия Александровича настолько расшатанным, что предложил на время отложить отъезд.

В связи с этими событиями у друзей опять возникла надежда, что Ванеева, может быть, отправят в Минусинский округ. Ленин писал родным: «Анатолий же остался: врач, освидетельствовавший его по распоряжению генерал-губернатора, нашел его слабым. Вероятно, он попадет теперь в Минусинский округ. Может быть, и ко мне».[3] Однако этой надежде так и не суждено было сбыться: по распоряжению властей Анатолия Александровича решили поселить в Енисейске.

Вторая половина 1897 г. принесла Ванееву немного счастливых дней. Самым большим событием его жизни в это время был приезд к нему Д. В. Труховской.

В то время революционеры нашли хороший способ

скрашивать жизнь своим арестованным товарищам. Если у арестованного не было никого из близких, кто мог бы к нему ходить на свидания и носить передачи, друзья находили ему фиктивную невесту. «Невесте» давали фотографию заключенного, сообщали о нем нужные сведения и посылали к тюремному начальству просить свидания с «женихом». Если замысел удавался, то в один прекрасный день арестованного вызывали для свидания с невестой, которую он зачастую видел первый раз в жизни.

Когда Анатолий Александрович оказался в тюрьме, его товарищи нашли ему такую «невесту» — Доминику Васильевну Труховскую. Вышло, однако, так, что это случайное знакомство переросло в большое чувство. Когда Ванеева выслали в Сибирь, Доминика Васильевна решила последовать за ним в ссылку и выйти за него замуж.

С приездом Доминики Васильевны у Ванеевых наступили счастливые дни. Анатолий Александрович получил в Енисейске работу у инженера Чернцова, изучавшего условия улучшения судоходства по Ангаре. Работа Ванееву нравилась, получал он до 40 рублей в месяц, что обеспечивало молодоженам скромное существование. Забота любимой жены, теплые письма друзей — все это самым благотворным образом повлияло на здоровье Анатолия Александровича. Однако счастливая пора продолжалась очень недолго. 18 ноября 1897 г. Доминика Васильевна была арестована и посажена в тюрьму за участие в деятельности «Союза борьбы» (приговор ей был вынесен еще в Петербурге).

На Анатолия Александровича арест жены произвел самое удручающее впечатление. Владимир Ильич писал родным: «Анатолий все волнуется из-за своей жены, которую посадили в Енисейске (на 3 месяца), камеры-де холодные, а она еще расхворалась. Скверно!»[4]

Хлопоты Ванеева и его друзей кончились в конце концов тем, что Доминику Васильевну освободили из тюрьмы на месяц раньше срока. Об этом радостном событии Владимир Ильич сразу же сообщил родным: «Анатолий „выручил“ наконец, после долгих мытарств, жену».[5] Однако волнения не прошли бесследно для Анатолия Александровича: в ноябре 1898 г. он тяжело заболел с осложнением на сердце и легкие.

С конца 1898 г. в письмах Ленина родным непрерывно появляются печальные строки о больном друге. В довершение всех бед именно тогда произошло событие, резко ухудшившее его и без того тяжелое положение. Владимир Ильич так сообщал М. А. Ульяновой об этом:

«…Анатолий все хворает. С ним случилась еще невзгода:

пришел приказ перевести его в с. Анциферово (несколько десятков верст к северу от Енисейска по дороге в Туруханск) — новая ссылка в наказание за то, что ссыльный Махновец (пришедший нынче зимой) бежал и дал кому-то адрес Анатолия. Из этого заключили каким-то непостижимым образом, что Анатолий должен был знать о бегстве! Пока Анатолия не высылают по болезни, — он и не выходит даже. Подал прошение о переводе в Минусинский округ или о переводе в Россию для лечения».[6]

Ванеев угасал на глазах жены и друзей, а начальство не торопилось переводить его в другое место. «Бедняга Анатолий все болен, температура доходит до 40°. Говорят, что у него чахотка — от него это, разумеется, тщательно скрывают. Дело же об его переводе в Минусинский округ все еще не решается»,[7] — писал Ленин матери.

Только в апреле 1899 г. Анатолию Александровичу разрешили переехать для лечения в Красноярск, а затем, в июне, его перевели в село Ермаковское, находящееся верстах в тридцати от Шушенского.

В Ермаковское, где жили сосланные по делу «Союза борьбы» В. К. Курнатовский, П. Н. и О. Б. Лепешинские, М. А. Сильвин и Н. Н. Панин, Ванеевы приехали в жаркий летний день. Друзья знали о тяжелой болезни Анатолия Александровича, но, только увидев его, с горечью поняли, что дни их соратника сочтены: перед ними предстал совершенно изможденный человек, который не мог даже ходить без посторонней помощи.

Несмотря на тяжелое состояние, Ванеев был глубоко убежден в том, что обязательно поправится, если съездит на лечение в Крым, и он просил товарищей помочь ему в этом. Достаточно ему было высказать такое пожелание, и Владимир Ильич начал хлопоты. 7 августа 1899 г. он писал: «Получил я, дорогая мамочка, письмо твое от 15.VII. Большое mersi за него и за исполнение просьбы относительно Анатолия. Я надеюсь повидать его еще на этих днях: говорят, он совсем плох, кровь идет горлом страшно сильно, отхаркиваются даже куски легкого…».[8]

Друзья всячески поддерживали в Ванееве бодрость духа: старались в его присутствии быть веселыми, затевали горячие политические споры и разговоры. И именно состояние Ванеева предопределило выбор места для проведения в эти дни срочного и важного совещания ссыльных марксистов.

Незадолго до приезда Анатолия Александровича в с. Ермаковское ссыльнопоселенцы Минусинского уезда получили документ, составленный лидерами «экономистов», выступавших против политической борьбы рабочего класса, против создания

политической партии российского пролетариата. Этот документ, носивший претенциозный характер символа веры («Credo»), вызвал возмущение всех подлинных революционеров-марксистов. По просьбе товарищей В. И. Ленин написал глубоко аргументированный «Протест российских социал-демократов»,[9] разоблачавший отступничество «экономистов» от марксизма, их оппортунизм. Решено было срочно собрать совещание ссыльных социал-демократов, на котором обсудить и подписать текст написанного Лениным «Протеста».

Зная, что Ванеев будет благодарен товарищам, если обсуждение и подписание документа состоится с его участием, Владимир Ильич и предложил, несмотря на связанные с этим трудности, собраться в селе Ермаковском. Это было последнее для Ванеева собрание революционеров, в котором он принял активное участие и даже, собравшись с силами, выступил с речью.

Важнейший политический документ российской социал-демократии подписали 17 ссыльных революционеров: В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова, В. К. Курнатовский, П. Н. Лепешинский, Н. Н. Панин, О. Б. Лепешинская, В. В. Старков, А. А. Ванеев, А. М. Старкова, Е. В. Барамзин, А. С. Шаповалов, Д. В. Ванеева, О. А. Энгберг, М. А. Сильвин, Ф. В. Ленгник.

Разосланный текст «Протеста российских социал-демократов» был позднее подписан колониями ссыльных в Туруханске и Орлове (Вятской губернии), а затем переправлен для публикации за границу Г. В. Плеханову. «Протест» получил широкое распространение и сыграл важную роль в борьбе против оппортунизма, способствуя развитию марксистской мысли и созданию пролетарской партии в России.

Через несколько дней после августовского совещания Владимир Ильич с горечью писал матери: «Анатолию все хуже и хуже»,[10] а 11 сентября поведал ей скорбную весть: «Приходится сообщить тебе, дорогая мамочка, очень грустную новость: 8-го IX умер Анатолий и 10.IX мы его похоронили в селе Ермаковском. Надежды на выздоровление не было уже давно, и в последнее время болезнь развивалась страшно быстро. Жена его остается пока в селе Ермаковском».[11]

Хоронили Анатолия Ванеева в один из первых морозных дней сибирской осени. Владимир Ильич произнес прощальную надгробную речь, рассказал, каким замечательным, светлым человеком был его ушедший друг, что погубил его проклятый царский строй, что все они, его товарищи, клянутся продолжать святое революционное дело, за которое он отдал свою молодую жизнь.

Вскоре после смерти А. А. Ванеева на его могиле появилась массивная металлическая плита, на которой значилось: «Анатолий Александрович Ванеев. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 г. 27 лет от роду. Мир праху твоему, товарищ».

Когда в 1936 г. на могиле А. А. Ванеева был установлен памятник, в него бережно вмонтировали старую надмогильную плиту. Сибиряки твердо убеждены, что плита эта была заказана Владимиром Ильичем Лениным.

Г. М. Кржижановский

Глеб Максимилианович Кржижановский родился 12 января 1872 г. в Самаре в семье разночинцев. В 1889—1894 гг. учился в Петербургском технологическом институте, где вступил в марксистский кружок (партстаж с 1893 г.). Будучи студентом, познакомился с В. И. Ульяновым, вместе с ним участвовал в создании петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а затем был сослан в Сибирь.

После сибирской ссылки жил в Самаре, где руководил местным центром «Искры»; вошел в состав Оргкомитета по созыву II съезда РСДРП, на котором был заочно выбран в состав ЦК. Первое время вел борьбу против меньшевиков, но затем склонялся к примирению с ними, за что подвергался критике со стороны Ленина. Активно содействовал подготовке III съезда РСДРП. Участвовал в революции 1905—1907 гг., вел работу в большевистской печати. В 1910 г. переехал в Москву, где служил инженером-электриком. Вошел в местную организацию большевиков. Во время Февральской революции — член большевистской фракции Моссовета. В 1920 г. по поручению Ленина возглавил комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1921—1930 гг. был председателем Госплана, в 1932—1936 гг. — председателем комитета по высшему образованию при ВЦИК СССР и зам. наркома просвещения РСФСР. На XIII—XVII съездах партии избирался членом ЦК ВКП(б). В 1929 г. был избран членом Академии наук СССР и ее вице-

президентом; бессменный директор созданного им Энергетического института АН СССР. С января 1957 г. — Герой Социалистического Труда.

Приступив к изучению взаимоотношений Ленина и Кржижановского, автор обратил внимание на некоторые особенности своего главного источника — писем Владимира Ильича. Выяснилось, в частности, следующее.

1. До сих пор не удавалось обнаружить ни одного письма за время с середины 90-х до начала 900-х гг., хотя точно известно, что такие письма были.

2. Первое из дошедших до нас писем дореволюционного периода датировано сентябрем 1902 г., а последнее — концом 1904 г. Всего за это время известно 16 писем.

3. За время с конца 1904 по 1919 г. не опубликовано ни одного письма. Более того, в литературном наследии Ленина за эти годы имя Глеба Максимилиановича не упоминается.

4. За время с 1919 по 1922 г. опубликовано свыше 60 писем; имеются данные о том, что за эти годы Ленин написал Кржижановскому еще примерно десяток писем, которые, однако, до сих пор не удалось обнаружить.

То обстоятельство, что ряд ленинских писем впервые опубликован в Полном собрании сочинений В. И. Ленина после 1956 г., дает основание надеяться, что теперь, после раскрытия архивов, удастся обнаружить и другие письма или узнать их судьбу. По приблизительным подсчетам автора, до сих пор не опубликовано более 50 документов, хранящихся в ЦПА ИМЛ, на которые имеются ссылки в томах Биохроники.

Все это объясняет отсутствие в настоящем очерке сведений об отношениях Ленина и Кржижановского в те годы, по которым мы пока не располагаем их эпистолярным наследием.

Ленин и Кржижановский познакомились в октябре 1895 г. в петербургском марксистском кружке студентов-технологов, который сыграл важнейшую роль в борьбе с либеральным народничеством и «легальным марксизмом» в России. Совместная работа в кружке и среди рабочих Петербурга сильно сблизила и сдружила молодых людей.

Г. М. Кржижановский принимал активное участие в деятельности созданного В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. они оба в числе других товарищей были арестованы и, просидев 14 месяцев под арестом, высланы в Сибирь.

В период трехлетней ссылки между Лениным и Кржижановским велась оживленная переписка, которая, к сожалению, до сих пор не обнаружена. Однако сохранилась часть

писем В. И. Ленина к родным за эти годы, в которых содержатся сведения и о Кржижановском.

Владимир Ильич выехал из Москвы в сибирскую ссылку 22 февраля 1897 г. Ехал он туда за свой счет, по так называемому «проходному свидетельству». Приговоренные вместе с ним Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, Ю. О. Мартов, А. А. Ванеев следовали в ссылку на казенный счет. Ленин был очень расстроен разлукой с товарищами. Приехав в Красноярск 4 марта и узнав, что они еще не прибыли, он очень тревожился, наводил справки об их судьбе.

В Красноярске был еще человек, который с нетерпением и беспокойством ожидал вестей об этой группе, — сестра Г. М. Кржижановского А. М. Розенберг, последовавшая в Сибирь за своим женихом В. В. Старковым. А. М. Розенберг, или Schwester, как конспиративно называл ее в письмах Владимир Ильич, поступила фельдшерицей на пересыльный пункт в Красноярске. Это давало ей возможность быть в курсе дел многих ссыльных.

Только 25 марта было наконец получено сообщение о судьбе товарищей. 26 марта Ленин писал матери: «…получил вчера вечером, в 10-м часу, телеграмму о выезде, обрадовался ей несказанно и сломя голову полетел к Schwester'у делиться радостью. Теперь мы считаем дни и „едем“ с почтовым поездом, вышедшим из Москвы 25-го. Я понял эту последнюю телеграмму так, что едут на свой счет: иначе не было бы подписи Глеба. Думаем, что матери он тоже дал телеграмму в Челябинск, а то могла бы выйти такая вещь, что он проехал бы мимо нее, а она продолжала сидеть и ждать известий! (письмо к ней от Schwester'а послано недавно, и, пожалуй, она не успеет выехать)». [1]

Надежда на близкую встречу с друзьями, однако, не оправдалась. По прибытии 4 апреля в Красноярск все они были помещены в местную тюрьму до отправки к месту ссылки. Владимир Ильич был этим очень огорчен. В его письмах появляются такие строки: «Глеб с Базилем{29} высмотрят, говорят, очень плохо: бледны, желты, утомлены страшно». [2]

Единственным утешением в эти дни было сообщение о том, что Кржижановский и Старков назначены в село Тесинское Минусинского округа, расположенное верстах в семидесяти от Шушенского. У Ленина появилась надежда, что ему разрешат ехать вместе с ними до Минусинска. Надежда эта оправдалась: из Красноярска до Минусинска они добирались вместе и в Минусинске были с 6 по 8 мая 1897 г., а затем разъехались по своим углам: Ленин — в Шушенское, а Кржижановский и Старков

— в Тесинское.

Владимир Ильич поддерживал с тесинцами регулярную связь, часто писал им, сообщая не только свои новости, но и все, что ему удавалось узнать от своих корреспондентов. Большое место в его письмах к друзьям занимали вопросы, связанные с работой над книгой «Развитие капитализма в России».

О тесинцах В. И. Ленин регулярно писал родным. В его письмах то и дело встречаем: «Они в Теси живут теперь все, и А. М.{30} тоже (службу она бросила). Последнее время у них гостила куча гостей, так что было весело. Устроились недурно, как пишут».[3] Проходит немногим больше месяца, и 19 июля он сообщает родным, что у В. В. Старкова скоро состоится свадьба с А. М. Розенберг и его приглашают шафером.

Друзьям иногда удавалось встретиться. В конце сентября В. В. Старков навестил Владимира Ильича, а вскоре и тот поехал в Тесинское. 30 сентября он пишет матери подробнейшее письмо о житье-бытье друзей. С тревогой сообщает, что «Глеб выглядит не совсем хорошо, все прихварывает, нервничает», с удовольствием рассказывает, что «Базиль процветает. Э. Э.{31} чувствует себя в семье и среди хозяйственных хлопот в общем прекрасно…»[4]

Болезнь и дурное настроение Кржижановского тревожили Владимира Ильича. Он очень хотел, чтобы тот приехал к нему. В декабре Кржижановский написал Ленину, что подал прошение о разрешении съездить в Шушенское. Сообщая об этом родным, Владимир Ильич добавлял: «Для меня это будет очень большое удовольствие».[5]

Глеб Максимилианович, или «друг-поэт», как его иногда называл Ленин, приехал в Шушенское под новый, 1898 г. и пробыл там разрешенные ему десять дней. Эти дни оставили у друзей самые радостные воспоминания. В. И. Ленин писал 4 января 1898 г.: «Глеб уехал от меня 3-го дня, прожив 10 (десять) дней. Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша: он уверяет, что она гораздо лучше Теси (а я то же говорил про Тесь! Я над ним подшучивал, что, мол, там лучше, где нас нет), что здесь есть лес близко (по которому и зимой гулять отлично) и прекрасный вид на отдаленные Саяны. Саяны его приводили в восторг, особенно в ясные дни при хорошем освещении. Кстати, Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом. Но у него не имеется нот и песен. У нас ведь немало было, кажись, этой дряни (от тех времен, когда мы, бывало, тоже „кричали“). Если они теперь никому не нужны, то хорошо бы их послать ему: он был бы рад.

Базиль — музыкант (на гитаре) и стал бы ему перекладывать песни. Здоровье Глеба у меня несколько поправилось благодаря правильному режиму и обильным прогулкам, и он уехал очень ободренный».[6]

Просьба Владимира Ильича прислать Кржижановскому ноты вызвала у родных некоторое недоумение, так как они не знали, для какого голоса нужны ноты. Мария Ильинична специально запросила брата, какой голос у Кржижановского. В ответ на это он шутливо писал: «На вопросы Маняши: какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же веши поет, что́ и мы, бывало, с Марком{32} „кричали“ (как няня выражалась)».[7]

Неизгладимое впечатление оставила поездка в Шушенское в памяти Г. М. Кржижановского. Он рассказал о ней в своих воспоминаниях о Ленине, написанных примерно через 60 лет после этого события. Глеб Максимилианович поражался необычайной продуманности всего распорядка дня Ленина, его умению сочетать напряженную творческую работу с необходимым отдыхом. Он с удовольствием вспоминал о том, как по утрам, сразу после подъема, Владимир Ильич затевал с ним борьбу и заставлял делать утреннюю прогулку, после чего они уже серьезно принимались за дело. У Ленина существовал строгий распорядок рабочего дня: определенные часы были посвящены работе над философскими трудами, западной и русской экономической литературой и т. д. Этот распорядок дня не нарушался даже в связи с приездом дорогого гостя. В качестве отдыха, помимо прогулок, охоты и т. д., полагалось еще чтение беллетристики. У Владимира Ильича был разработан строгий порядок даже чтения газет. Газеты в Шушенское прибывали с опозданием на 13—14 дней и сразу целыми пачками. Для того чтобы правильно оценивать все текущие события, Ленин раскладывал газеты по числам и каждый день читал лишь ту газету, которая соответствовала темпу опоздания. Например, 20 октября он читал газету за 7 октября, 21-го — за 8-е, 22-го — за 9-е и т. д. Получалось так, что он регулярно, ежедневно читал газету, но только с опозданием в 13—14 дней. К приезду в Шушенское Кржижановского эта система чтения газет настолько укоренилась, что, когда нетерпеливый гость начинал громко читать более свежую газету, Владимир Ильич демонстративно затыкал уши, отказываясь его слушать.[8]

С приездом в мае 1898 г. в Шушенское Н. К. Крупской общение с тесинцами не прекратилось. Почти в каждом письме родным Владимир Ильич и Надежда Константиновна сообщали о товарищах. С горечью писал Ленин о том, что в Теси сошел с ума

(мания преследования) ссыльный екатеринославский рабочий М. Д. Ефимов, которого Кржижановский отвез в больницу. Позднее доводил до сведения родных радостное событие — у Кржижановского скоро свадьба, с З. П. Невзоровой, им, а также Старковым разрешают переехать из Теси в Минусинск.[9] Иногда удавалось лично встречаться с тесинцами, хотя местные власти всячески этому препятствовали и приходилось придумывать всевозможные поводы, чтобы получить разрешение.

Тесинцы переехали в Минусинск в конце августа 1898 г., а уже в начале сентября Владимир Ильич получил возможность по дороге в Красноярск побывать у них. Обстоятельства сложились так, что в это время в Минусинске серьезно заболела мать Кржижановского Эльвира Эрнестовна. Было решено, что она, а также сестра Кржижановского А. М. Розенберг поедут в Красноярск и Владимир Ильич возьмет на себя заботу о женщинах. Это было тем более необходимо, что сестра Кржижановского незадолго до этого потеряла ребенка и находилась в очень тяжелом состоянии. Ленин заботливо ухаживал за своими подопечными и очень огорчился, узнав, что ему, возможно, придется ехать обратно из Красноярска без них (он имел разрешение пробыть в Красноярске лишь неделю, а при обследовании Эльвиры Эрнестовны врачи сказали, что, может быть, ей придется задержаться значительно дольше).

Перед отъездом из Красноярска обстановка несколько разрядилась, и Владимир Ильич с радостью сообщал матери: «Сейчас видел А. М. и узнал, что Эльвире Эрнестовне гораздо лучше, так что доктора не видят теперь ничего опасного и обещают, что дней через 8 она выйдет совсем здоровой и в состоянии будет ехать в Минусинск. Это все очень приятные вести».[10] На обратном пути из Красноярска Ленин очень спешил и не задержался в Минусинске, но зато через месяц с небольшим, в начале ноября 1898 г., к Ульяновым приехал Кржижановский, который пробыл у них четыре дня.

Особенно запомнилась друзьям встреча нового, 1899 г. Встреча эта была организована в Минусинске, куда, кроме Ульяновых, приехали супруги Лепешинские, Ф. В. Ленгник и другие, всего более 15 человек. Серьезные беседы и споры уступили место бурному веселью. Варили глинтвейн, пели песни и плясали под аккомпанемент гитары. Много здравиц было провозглашено в эту новогоднюю ночь — за успех революционной борьбы, за отсутствующих товарищей и т. д. 3 января 1899 г. Ленин писал: «Вчера вернулись мы с Надей из Минусы, дорогая мамочка, где провели неделю у Глеба и Базиля очень весело и встретили Новый год среди товарищей. Тостов при встрече

Нового года была масса, и особенно горячо встречен был тост одного товарища „за Эльвиру Эрнестовну и за отсутствующих матерей“».[11]

В конце февраля друзья побывали у Ульяновых в Шушенском. Повод, с точки зрения начальства, был избран самый уважительный: масленица. Владимир Ильич остался доволен этой встречей и писал Марии Александровне: «Сегодня мы проводили гостей, дорогая мамочка: приезжали минусинцы, Глеб, Базиль, З. П.,{33} тамошние рабочие и пр., пробыли с среды до сегодня (воскресенья)».[12]

Ульяновы виделись с минусинцами также летом и осенью 1899 г. В начале августа в Шушенское приезжали Кржижановские и В. В. Старков, а через несколько дней Ленин встретился с Кржижановским и другими товарищами на совещании 17 ссыльных марксистов в селе Ермаковском, на котором был принят «Протест российских социал-демократов», направленный против «Credo» русских «экономистов».

Последняя сибирская встреча В. И. Ленина и Н. К. Крупской с товарищами произошла в конце января 1900 г. в Минусинске, по дороге из ссылки.

В сибирской ссылке Ленин разработал план издания общерусской нелегальной марксистской газеты, главной целью которой являлась подготовка теоретической и практической почвы для создания революционной марксистской партии рабочего класса в России. Известно, что ленинская «Искра», выходившая в 1900—1903 гг., действительно сыграла решающую роль в создании партии.

Кржижановский был одним из первых, с кем В. И. Ленин обсуждал план создания газеты. Но обстоятельства сложились так, что полностью окунуться в дела «Искры» Кржижановский смог только с осени 1901 г. Дело в том, что после отбытия сибирской ссылки Глеб Максимилианович оказался на станции Тайга, где и жил в 1900—1901 гг.

Насколько высоко ценил Ленин участие Кржижановского в будущей газете, можно судить по одному лишь факту. Как известно, с февраля по май 1900 г. Владимир Ильич жил в Пскове, где завершал организацию «Искры», которая должна была издаваться за границей. Летом 1900 г., перед отъездом за границу, он предпринял объезд ряда городов России с целью договориться о сотрудничестве с местными социал-демократическими организациями. Из письма В. И. Ленина М. А. Ульяновой от 2 июля 1900 г. видно, что такую поездку он намечал, в частности, на станцию Тайга для свидания с Кржижановским.[13] Это свидание не состоялось. Встретились

друзья лишь осенью 1901 г., когда Г. М. Кржижановский вместе с З. П. Невзоровой предпринял поездку за границу для встречи с В. И. Лениным. Результатом переговоров Ленина и Кржижановского в Германии было решение о том, что Глеб Максимилианович поселится в Самаре с целью создания там Бюро русской организации «Искры».

С октября 1901 г. Г. М. Кржижановский развернул большую организационную работу. В какой-то мере она нашла отражение в его переписке с редакцией «Искры», с В. И. Лениным.[14] Анализ этой переписки — особая тема; укажем лишь, что примерно до мая 1902 г. письма Кржижановскому (и З. П. Невзоровой-Кржижановской) в основном писала Н. К. Крупская, а В. И. Ленин их лишь правил и дополнял. В следующее время наряду с письмами Надежды Константиновны все чаще появляются письма, написанные самим Владимиром Ильичем. Так, 6 мая 1902 г. он собственноручно пишет письмо, в котором сообщает важные сведения, связанные с решением Белостокской конференции о создании Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП, предлагает Кржижановскому немедленно перейти на нелегальное положение ввиду усилившейся опасности ареста, требует энергичной работы по завоеванию местных комитетов РСДРП.[15]

В ноябре 1902 г. в Пскове состоялось совещание представителей социал-демократических организаций России, на котором было окончательно оформлено образование Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП (ОК). По настоянию В. И. Ленина Г. М. Кржижановский был включен в состав ОК. Ряд писем Владимира Ильича раскрывают роль Кржижановского в деятельности этого комитета.[16]

С конца 1902 г. работа по подготовке к II съезду РСДРП заметно усиливается. В. И. Ленину приходилось много заниматься разработкой не только теоретических, программных и тактических, но и чисто организационных вопросов. Из его писем Кржижановскому весной 1903 г. видно, как активно тот помогал ему в оргвопросах.[17]

17 (30) июля 1903 г. в Брюсселе открылся II съезд РСДРП. После 13 заседаний делегатам съезда во избежание ареста и репрессий со стороны бельгийской полиции пришлось перебраться в Лондон, где состоялись последующие 24 заседания. Съезд закончил работу 10 (23) августа. На съезде, как известно, разгорелась непримиримая борьба между сторонниками В. И. Ленина (большевиками) и сторонниками Ю. О. Мартова (меньшевиками) по многочисленным программным и тактическим вопросам. Главным итогом II съезда было создание в России революционной марксистской партии нового типа, партии

большевиков.

Кржижановский на съезде не присутствовал, но его роль в подготовке и созыве съезда была столь значительной, что по предложению В. И. Ленина его заочно избрали членом ЦК.

Сразу же после съезда как в руководящих органах РСДРП, так и в местных организациях партии развернулась ожесточенная борьба между мартовцами и ленинцами.

В. И. Ленин предпринимает энергичные усилия для утверждения большевистской линии и с этой целью, в частности, неоднократно обращается за помощью к Кржижановскому. Так, в сентябре 1903 г. он просит его написать Мартову, «взывая последний раз к рассудку».[18] В то же время Ленин требует готовности на местах к решительному разоблачению оппортунистов. В последующих его письмах Кржижановскому центральной темой является борьба против дезорганизаторской, раскольнической деятельности меньшевиков.[19]

Положение в партии особенно осложнилось после того, как Г. В. Плеханов, примыкавший поначалу к большевикам, свернул в сторону меньшевиков.

В этих сложных условиях проявил колебания и Г. М. Кржижановский. Явно недооценивая вред и опасность меньшевизма, он стал склоняться к примирению с мартовцами даже ценой принципиальных уступок. Обеспокоенный этим, Ленин настоятельно просит Кржижановского приехать в Швейцарию.[20]

В ноябре 1903 г. состоялась их встреча в Женеве. Ленин осуждает примиренческую позицию Кржижановского, но внимательно относится к его доводам и даже соглашается на обмен записками с Мартовым по поводу «личной стороны» их конфликта.[21]

Дальше этого дело не пошло, однако в Россию Кржижановский уехал с убеждением, что примирение с меньшевиками все же возможно. Именно этим, очевидно, можно объяснить непоследовательность в его действиях. С одной стороны, он сообщает Ленину из России о рассылке меньшевиками местным организациям писем с нападками на Ленина и большевиков, а с другой стороны, вновь ратует за согласие с ними.[22] Такая непоследовательность вызывала сильное возмущение В. И. Ленина, который писал 4 марта 1904 г.: «Я прямо скажу, что взбешен я робостью и наивностью Лани{34} до чертиков».[23]

Примиренческие настроения Кржижановского привели к тому, что он оказался в числе тех членов ЦК, которые под давлением меньшевиков отклонили предложение В. И. Ленина о

созыве нового съезда партии. Поведение Кржижановского и других членов ЦК вызвало самое решительное осуждение Ленина, который и высказал это открыто в своих письмах.[24]

Резкая критика Владимира Ильича, несомненно, произвела сильное впечатление на Кржижановского, который вскоре после этих событий решил выйти из ЦК. В. И. Ленин хорошо понимал смятение друга, его глубокие переживания и всеми силами старался помочь ему. В самом конце мая 1904 г. он писал Глебу Максимилиановичу: «Дорогой друг! Из договора нашего с Нилом{35} ты поймешь, конечно, суть дела. Ради бога, не спеши с решениями и не отчаивайся. Сначала непременно ознакомься с моей брошюрой{36} и с протоколами Совета. Не смущайся своим временным удалением от дела и лучше воздержись от нескольких голосований, но не уходи совсем. Поверь, что ты еще будешь очень и очень нужен и что все друзья рассчитывают на твое близкое „воскресенье“. Масса народа все еще пребывает у нас в партии в недоумении и растерянности, не умея освоиться с новой ситуацией, малодушно теряя веру в себя и в правое дело. Между тем нам здесь становится все яснее и яснее видно, что от отсрочек мы выигрываем, что дрязга замирает сама собой и на сцену неотвратимо выступает вопрос о существе дела, о принципах, а тут новая „Искра“ слаба до чертиков. Не верь вздорным басням о нашем стремлении к расколу, запасись некоторым терпением и ты увидишь скоро, что наша кампания прекрасная и что мы победим силой убеждения. Непременно отвечай мне. Лучше бы всего, если бы ты изловчился выбраться на недельку сюда, — не для дел, а исключительно для отдыха и для свиданья со мной где-либо в горах. Право же, ты еще будешь очень нужен, и хотя Коняга{37} ошибочно отговорил тебя от одного твоего плана, но — что отсрочено, не потеряно! Обязательно соберись с силами, и мы еще повоюем».[25]

Как уже говорилось, после осени 1904 г. имя Г. М. Кржижановского надолго исчезает из писем и статей Ленина. Это тем более странно, что Глеб Максимилианович впоследствии энергично боролся не только против меньшевиков, но и примиренцев, принимал активное участие в революции 1905—1907 гг., в подготовке III съезда партии и неоднократно встречался с Лениным в России. Из переписки семьи Ульяновых видно, что после отъезда Ленина во вторую эмиграцию Кржижановский находился в контакте с его родными.[26]

Первое из опубликованных послеоктябрьских писем Ленина Кржижановскому датировано 26 декабря 1919 г., хотя в журнале исходящих бумаг Совнаркома имеется следующая запись от 24 января 1919 г. под исх. № 100: «т. Кржижановскому письмо от т.

Ленина».[27] В Биохронике приводятся и другие данные о контактах Ленина и Кржижановского в 1919 г.

Большая часть послеоктябрьских ленинских писем носит сугубо деловой характер. Они касаются вопросов о возможности применения торфа в народном хозяйстве, об энергетическом использовании Волги и задачах электрификации, плане ГОЭЛРО и т. д. Содержание этих писем широко используется в работах, посвященных истории ГОЭЛРО, а также в исследованиях жизни В. И. Ленина и Г. М. Кржижановского. Нам хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые стороны их взаимоотношений. Начнем с вопроса источниковедческого характера. Сведения, приведенные в Биохронике, показывают, что в ЦПА хранится много до сих пор не опубликованных документов, характеризующих эти отношения. Вот лишь некоторые.

12 марта 1920 г., между 12 час. 30 мин. и 13 час. 25 мин., В. И. Ленин читает телефонограмму Г. М. Кржижановского с просьбой ускорить снабжение продуктами специалистов, работающих в ГОЭЛРО, делает на ней подчеркивания и пишет записку секретарю: «Созвонитесь с Чуцкаевым»[28] (С. Е. Чуцкаев был в это время членом коллегии Наркомфина).

Не ранее марта того же года Ленин знакомится с докладом «Работа электричества на американской ферме»; на докладе пишет: «Вернуть Кржижановскому».[29]

Не ранее 28 мая 1920 г. Ленин знакомится с письмом Я. С. Ганецкого, являвшегося в то время членом коллегии Наркомфина и Наркомвнешторга, по делу инженеров-железнодорожников, осужденных за саботаж и антисоветские выступления. Ганецкий просил Ленина выяснить по этому делу мнение Кржижановского. На письме Ленин написал: «Кржижановский не знает деталей этого дела. Считает приговор политической ошибкой по тому впечатлению, которое он произведет в широких технических слоях».[30]

В этом же фонде ЦПА ИМЛ под № 14353 хранится дело, которое, вероятно, может пролить свет на историю представленного Г. М. Кржижановским В. И. Ленину доклада профессора Г. К. Ризенкампфа «К вопросу о создании кредита за границей и о подъеме курса русского советского рубля», на котором Владимир Ильич написал: «От Кржижановского (в архив для близких справок)». Дело это тем более интересно, что речь идет о том самом профессоре Ризенкампфе, который был арестован в 1918 г. самарской губчека по подозрению в контрреволюционной деятельности и освобожден по телеграмме Ленина от 6 декабря 1918 г.[31]

Из многочисленных документов, характеризующих

отношение Ленина к Кржижановскому, приведем лишь те, которые показывают, как внимательно он следил за здоровьем Глеба Максимилиановича.

В конце января 1921 г. Ленин уговаривал Кржижановского поехать отдохнуть в дом отдыха Архангельское под Москвой. Известно, что в феврале этого года Кржижановский там действительно отдыхал и к нему приезжал Владимир Ильич.[32]

Отдых в Архангельском был непродолжительным и малоэффективным, так как Кржижановский все время продолжал заниматься делами. Ленин узнал, что здоровье Глеба Максимилиановича ухудшилось, и потребовал, чтобы он поехал лечиться. Кржижановский возражал; в связи с этим появляется следующий документ, направленный Лениным в Оргбюро ЦК РКП (б) 29 августа 1921 г.:

«Прошу *обязать* председателя Госплана тов. *Кржижановского* выехать с Красиным в *Ригу,* дабы там в санатории или на квартире частной пробыть *1 месяц* для лечения и отдыха.

Я очень прошу провести это сегодня, ибо я убедился, по должности Председателя Совета Труда и Обороны, что председатель Госплана *почти надорвался. Его ремонт* ***необходим и неотложно*** необходим.

Без решения Оргбюро ничего не добиться.

Пред. СТО *В. Ульянов* (*Ленин*)».[33]

Поездка Кржижановского в Ригу по какой-то причине не состоялась, и тогда решено было устроить его на отдых под Каширой. 3 сентября 1921 г. Ленин продиктовал следующую телефонограмму главному инженеру Каширстроя. «Каширстрой, Г. Д. Цюрупе. Мне сообщили, что Вы взялись устроить у себя на отдых т. Кржижановского. Возлагаю на Вашу ответственность, чтобы отъезд в Москву в течение месячного отпуска Вы ни в каком случае не допускали…».[34]

Не прошло и полугода, как Ленин 9 марта 1922 г. дает задание управляющему делами СНК Н. П. Горбунову и его помощнику И. И. Мирошникову предписать от его имени председателю Госплана Г. М. Кржижановскому взять отпуск на месяц не позже чем через неделю и о деталях договориться с Горбуновым.[35] Случилось так, что сразу отправить Глеба Максимилиановича не удалось, и 20 марта Ленин дает указание Горбунову отложить отпуск на месяц, устроив предварительно встречу Кржижановского с врачом, чтобы удостовериться, что отсрочка не отзовется губительно на состоянии его здоровья. Ленин не забыл о своем распоряжении: об этом свидетельствует хранящаяся в ЦПА неопубликованная записка И. В. Сталина,

написанная ранее 22 апреля 1922 г., в которой он сообщает Ленину, что просьба об организации отдыха и лечения председателя Госплана Г. М. Кржижановского и его жены З. П. Кржижановской будет срочно исполнена. Ленин не только читал эту записку, но и сделал на ней подчеркивания.[36] Не ограничившись этим, он написал 25 апреля того же года следующее письмо:

«т. Сталину

Прошу Секретариат ЦК (а если это компетенция не его, а Оргбюро, то Оргбюро)

Постановить:

1) поручить немедленно НКидел запросить *визу* для въезда в *Германию* Глеба Максимилиановича Кржижановского, председателя Госплана, и его жены, Зинаиды Павловны Кржижановской;

2) дать отпуск обоим этим товарищам на время, необходимое для лечения Г. М. Кржижановского в Германии;

3) поручить т. Крестинскому оплатить необходимые для сего расходы в Германии, с проверкой (через русского врача при посольстве), чтобы это лечение было закончено.

Речь идет о лечении грыжи.

Г. М. Кржижановский должен выехать вскоре, именно тотчас по возвращении Пятакова, который 26. IV едет недели на 2.

Если к удовлетворению этого моего ходатайства встретятся препятствия, прошу сообщить мне, в чем они состоят.

С ком. приветом *Ленин*».[37]

28 апреля 1922 г. Секретариат ЦК РКП(б) постановил выдать Г. М. Кржижановскому с женой средства на поездку за границу для лечения. В тот же день секретарь СНК Н. С. Лепешинская записала на копии письма Ленина, что, по сообщению помощника секретаря ЦК РКП(б) А. М. Назаретяна, виза для Кржижановских уже получена.[38]

Точное время пребывания Кржижановских в Германии нам установить не удалось, но из хранящихся в ЦПА документов известно, что ранее 14 июля 1922 г. В. И. Ленин беседовал с Глебом Максимилиановичем.[39]

После июля 1922 г. Ленин еще неоднократно встречался с Кржижановским, вел с ним переписку, но подробных известий об этом в опубликованных документах нет.

Свой последний эскиз к личностному портрету Глеба Максимилиановича В. И. Ленин нарисовал 27 декабря 1922 г. в продиктованной им статье «О придании законодательных функций Госплану».

«Я думаю, — сказал В. И. Ленин, — что те нападки, которые слышатся сейчас на председателя Госплана, тов. Кржижановского, и на его заместителя, тов. Пятакова, и которые направляются обоюдно так, что, с одной стороны, мы слышим обвинения в чрезмерной мягкости, несамостоятельности, в бесхарактерности, а с другой стороны, слышим обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке и т. п., — я думаю, что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности, и что на самом деле нам нужно в Госплане умелое соединение двух типов характера, из которых образцом одного может быть Пятаков, а другого — Кржижановский.

Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно, по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей».[40]

Г. М. Кржижановский умер 31 марта 1959 г. в возрасте 87 лет. С конца 30-х гг. он был отстранен от всякой политической деятельности, но оказался одним из совсем немногих ветеранов ленинской гвардии, переживших годы сталинских контрреволюционных репрессий.

Вскоре после XX съезда КПСС вышли в свет воспоминания Г. М. Кржижановского о В. И. Ленине.[41]

Ю. О. Мартов

Юлий Осипович Цедербаум (Л. Мартов) родился 24 ноября 1873 г. в Константинополе (Стамбуле) в купеческой семье. После переезда семьи в Россию поступил в Петербургский университет, где в 1891 г. стал членом студенческого пропагандистского кружка. В 1892 г. был арестован и выслан в Вильно, где принимал участие в движении за создание Всеобщего еврейского рабочего союза (Бунд).

Возвратившись в Петербург, Л. Мартов возобновил кружковую работу и вскоре познакомился с В. И. Ульяновым (Лениным). Их сблизило общее понимание задач революционной борьбы, и осенью 1895 г. на совместном совещании Центральной группы петербургских марксистов, руководимой Лениным, и кружка Мартова была достигнута договоренность о создании единой общегородской организации. Своей целью новая организация ставила развертывание массовой *политической агитации* среди рабочих.

После ареста в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. В. И. Ленина и его ближайших товарищей Л. Мартов написал специальную прокламацию. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса… — говорилось в ней, — будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитализма».[1] Этой прокламацией, размноженной

на мимеографе и распространенной среди петербургских рабочих, было впервые заявлено о существовании в столице России революционной организации под названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».[2] По почину петербуржцев «Союзы борьбы» стали создаваться и в других городах страны.

Мартов был арестован 5 января 1896 г. и вместе с В. И. Лениным и другими товарищами осужден на ссылку в Восточную Сибирь. Перед отправкой туда, между 14 и 17 февраля 1897 г., семерым осужденным по делу петербургского «Союза борьбы» удалось собраться на совещание, которое было проведено в квартире Мартова. Участниками совещания были В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, В. В. Старков, А. Л. Малченко, П. К. Запорожец.

Ленин отправился в ссылку раньше своих товарищей. 4 апреля он встречал поезд со ссыльными на красноярском вокзале и увиделся с ними, за что был подвергнут задержанию и допросу. В «Записках социал-демократа» Мартов подробно рассказал об этой и других его встречах с Лениным.

Владимир Ильич был направлен в Шушенское, а Мартов попал в Туруханск, где условия жизни оказались труднее. Ленин тяжело переживал за друга, о чем свидетельствуют его письма к родным, где то и дело встречаются такие строки: «Анатолия{38} и Юлия опять засадили в тюрьму: они не хотели ехать, не дождавшись навигации, и вот генерал-губернатор распорядился, чтобы они ждали в остроге!!» «От Юлия имел недавно письмо. Пишет, что перешел на новую квартиру, которая гораздо лучше старой, и устроился настолько сносно, что весь последний месяц мог работать: писал и отослал свою работу. Вот посмотрим, как-то проведет в Туруханске зиму». Через месяц, 21 декабря 1897 г., он сообщает родным: «Кстати, получил письмо от 29.X от Юлия. Пишет, что живет сносно, поселились все вместе (это гораздо удобнее и дешевле, и кухонная часть проще устроилась, конечно, на счет единственной ихней „дамы“), пособия получили, так что он высмотрит молодцом и ничуть не унывает». 8 марта 1898 г. Владимир Ильич вновь сообщает матери: «Юлий пишет из Туруханска, что живет сносно — парень не унывающий, к счастью!»[3]

Вскоре, однако, у Мартова начались неприятности. 14 июня 1898 г. Ленин сообщает Марии Александровне: «У Юлия в Туруханске вышла крайне грустная „история“: один из ссыльных (скандалист) поднял против него нелепо-дикие обвинения, последовал разрыв, пришлось разъехаться. Юлий живет теперь один, расхворался, развинтились нервы, не может работать. Упаси, господи, от „ссыльных колоний“! и ссыльных „историй“!

Юлий просит отца хлопотать о его переводе куда бы то ни было в другое место».[4] В последующих письмах родным из ссылки Ленин постоянно информирует их о делах Мартова, о его самочувствии, настроении, работе.

У нас есть основания утверждать, что в не дошедшей до нас переписке в течение трех лет ссылки Ленин и Мартов касались не только (и, вероятно, не столько) вопросов быта, но и теории и практики революционной борьбы. Установлено, в частности, что Мартов присоединился к написанному Лениным в 1899 г. «Протесту российских социал-демократов» против «Credo» «экономистов». 17 октября 1899 г. Ленин пишет матери о том, что получил письмо от Мартова, в котором тот сообщил о появлении в одном из петербургских изданий разносной статьи М. Н. Энгельгардта о книге Владимира Ильича «Развитие капитализма в России».[5]

В воспоминаниях Н. К. Крупской о В. И. Ленине неоднократно упоминается его переписка с Мартовым, в частности по вопросу о создании «Искры». О деловой переписке по вопросам революционного движения рассказывает и сам Мартов в книге «Записки социал-демократа».[6]

В феврале — мае 1900 г. Ленин находился в Пскове, где завершал подготовительную работу по созданию «Искры». Туда к нему дважды приезжал Мартов, с которым согласовывались многочисленные вопросы, связанные с изданием газеты. Мартов принимал участие в историческом *Псковском совещании* в первых числах апреля 1900 г. и оставил ценное описание этого события, положившего начало самой революционной газете в России и во всем тогдашнем мире.

Читая письма Ленина конца 1900 — начала 1901 г., можно увидеть, с каким нетерпением он ждал за границей приезда Мартова, задерживавшегося в России, какие надежды возлагал на него в связи с изданием «Искры» и «Зари».

11 декабря 1900 г. Ленин пишет П. Б. Аксельроду о получении письма от Мартова, где тот сообщает, что «рвется» за границу, но разные обстоятельства задерживают его. Через три дня Ленин сообщает ему же, что Мартов должен приехать недели через две-три. 24 декабря Владимир Ильич пишет Аксельроду: «Алексей{39} не раньше 20.XII. ст. ст. освободится от своих препон и двинется». 3 января 1901 г. в письме В. П. Ногину: «В самом ближайшем будущем ждем сюда нашего полтавского друга» (Мартов жил в это время в Полтаве). В другом письме Ленин сообщает Ногину еще одну важную весть о Мартове: «Алексей выдал еще весной (sic!) деньги одной влиятельной организации на покупку (обещанных ими) чистых паспортных книжек, но пока

ничего не получил». Из этого ясно, что Мартов начиная с весны 1900 г. готовил конспиративные дела для будущей газеты. 21 февраля 1901 г. Ленин сообщает Ногину: «Алексей скоро обещает приехать» — и 27 февраля Аксельроду: «Брат{40} пишет, что скоро приедет». Из письма Аксельроду от 11 марта того же года: «О 20-летии 1/III{41} хотел писать Алексей. Писал ли, — не знаю. Его скоро жду». Совершенно очевидно, что в пропавшей переписке Ленина с Мартовым шла речь и о литературных делах. 20 марта Ленин сообщает Аксельроду: «На днях ждем выехавших уже (наконец!) брата и нашего общего друга — фельда…»{42} [7]

Мартов приехал в Мюнхен между 24 марта и 6 апреля 1901 г. Такой вывод можно сделать из двух писем Ленина В. П. Ногину. В первом из них, от 23 марта, он писал: «Алексея жду на днях. Он получил паспорт и должен был выехать в конце прошлой недели», а в письме от 6 апреля сообщал: «Сейчас получили мы с Алексеем Ваше письмо о „Заре“».[8]

Ленинская «Искра» и журнал «Заря» сыграли огромную роль в создании РСДРП. Мартов принимал самое активное участие в этих изданиях, будучи одним из редакторов и самых активных авторов (он написал 39 статей, в том числе 9 передовых; Ленин — 32 статьи, из них 15 передовых). Мартову, кстати, принадлежит замечательный по своей остроте «Гимн новейшего русского социалиста», в котором едко высмеиваются взгляды «экономистов», их слепое преклонение перед стихийностью. «Гимн» впервые был опубликован в апреле 1901 г. в журнале «Заря» № 1 и подписан шаржированным псевдонимом — *Нарцис Тупорылов*. Текст его опубликован в первом томе «Истории КПСС» (с. 280—281).

Период ленинской «Искры» и «Зари» можно считать временем наибольшей близости Ленина и Мартова. Они вместе дружно и самозабвенно работали в редакции, вели переписку с корреспондентами, организовывали конспиративные связи, часто и подолгу беседовали. Сохранился очень живой рассказ об их общении в воспоминаниях Н. К. Крупской:

«В начале первого — после обеда — приходил Мартов, подходили и другие, шло так называемое заседание редакции. Мартов говорил не переставая, причем постоянно перескакивал с одной темы на другую. Он массу читал, откуда-то узнавал всегда целую кучу новостей, знал всех и вся. „Мартов — типичный журналист, — говорил про него не раз Владимир Ильич, — он чрезвычайно талантлив, все как-то хватает на лету, страшно впечатлителен, но ко всему легко относится“. Для „Искры“ Мартов был прямо незаменим. Владимир Ильич страшно уставал от этих ежедневных 5—6-часовых разговоров, делался от них

совершенно болен, неработоспособен. Раз он попросил меня сходить к Мартову и попросить его не ходить к нам. Условились, что я буду ходить к Мартову, рассказывать ему о получаемых письмах, договариваться с ним. Из этого, однако, ничего не вышло, через два дня дело пошло по-старому. Мартов не мог жить без этих разговоров».[9]

Напомним, что Мартов был одним из тех немногих людей, с которыми Ленин был дружески на «ты».[10]

Однако именно в этот период наибольшей близости выявились первые серьезные разногласия между ними по ряду теоретических и практических вопросов революционного движения. Это особенно проявилось при разработке программы РСДРП. Мартов (вместе с Плехановым и Аксельродом) резко выступал против тезиса Ленина о национализации земли. За этим расхождением крылось по сути дела несогласие по вопросу о руководящей роли пролетариата в демократической революции, об основах союза рабочего класса и крестьянства. Яростные споры разгорелись по поводу индивидуального террора: Ленин был решительным его противником, Мартов же условно допускал применение террора.

Программные вопросы — аграрный, национальный и другие — вызывали ожесточенные дискуссии в редакции. Но следует заметить, что Мартов в то время чаще всего выступал на стороне Ленина. Голоса обычно разделялись так: с одной стороны — Ленин, Мартов и Потресов, с другой — Плеханов, Аксельрод и Засулич.

Однако расхождения между позициями Ленина и Мартова были отнюдь не редкими. Так, Мартов вопреки доводам Ленина о назревшей необходимости созыва II съезда РСДРП, пасуя перед возникшими трудностями, предлагал временно отказаться от идеи общепартийного съезда, заменив его съездом искровцев. Возникали между ними споры и по поводу публикации некоторых статей в «Искре» и «Заре». Так было, в частности, при обсуждении довольно путаной статьи Ю. М. Стеклова (Невзорова) «Социал-демократия как носительница национального освобождения». Не в соответствии с обычной раскладкой голосов против ее публикации выступили Ленин и Плеханов, за публикацию — Мартов и Потресов. Дело кончилось тем, что статья все же была опубликована в «Заре», № 2—3, за 1901 г.

История столкновения и раскола на II съезде партии — тема особая. Напомним лишь о главном.

Принципиальные разногласия выявились, как известно, при обсуждении первого параграфа устава партии, проект которого был предложен Мартовым. Ленин решительно возражал против

него, но при голосовании ленинская формулировка была отклонена. Однако окончательно большинство и меньшинство на съезде определилось при выборах центральных органов. Сторонники Ленина положили начало большевистской партии, сторонники Мартова — меньшевистской.

Не желая, чтобы разногласия между большевиками и меньшевиками привели к полному разрыву между прежними единомышленниками, Ленин в ходе съезда пытался воздействовать на Мартова через близких ему людей (тульского рабочего С. И. Степанова, И. Х. Лалаянца). Так было, например, когда Мартов отказался войти в состав новой редакции ЦО партии.

Насколько тяжело Ленин переживал раскол и как стремился избежать его, видно из письма А. Н. Потресову от 13 сентября 1903 г.: «И вот, я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, „бешено“, я охотно готов признать *пред кем угодно* ***эту свою вину,*** — если следует назвать виной то, что́ естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства».[12]

Однако все попытки образумить Мартова закончились неудачей, и раскол стал реальным фактом.

Вся дальнейшая история отношений Ленина и Мартова является отражением той борьбы, которая велась на протяжении многих лет между большевиками и меньшевиками и которая хорошо известна. Нам бы хотелось обратить внимание лишь на те некоторые детали этой борьбы, которые выявляются при изучении ленинских писем.

Одним из немаловажных пунктов обвинения Лениным Мартова была склонность последнего смешивать личные вопросы с политическими. Ленин указал на это в письме А. М. Калмыковой от 30 сентября 1908 г. Напомнив ей о случае, когда Мартов и его единомышленники «засудили» человека, по выражению Ленина, «политически» за историю чисто личного свойства (о ком шла речь, установить не удалось), Ленин писал: «А ведь это случай совсем, совсем типичный. Ведь и теперь — корень тот же, то же смешение личного и политического, то же заподозривание нас в желании *запятнать* лично, хотя мы только отодвигаем (и передвигаем) политически. И когда Вы мне

напоминаете: вина *должна* быть и у Вас, — я отвечаю: личной не думаю и отрицать, но корректива *политического* требовать за сие не доводится».[13] Ленин и позднее неоднократно обвинял Мартова в том, что тот путает личное с политическим с целью дискредитации большевиков.

Конец 1903 г. и начало 1904 г. — один из самых тяжелых периодов в жизни Владимира Ильича. Одна из причин этого, несомненно, разрыв с Мартовым, хотя раскол с меньшевиками Ленин все больше осознает как неизбежный и принципиальный.

Н. К. Крупская вспоминала: «Ему чрезвычайно трудно было рвать с Мартовым. Период питерской работы, период работы в старой „Искре“ тесно связывал их. Впечатлительный до крайности, Мартов умел в те времена чутко подхватывать мысли Ильича и талантливо развивать их. Потом Владимир Ильич яростно боролся с меньшевиками, но каждый раз, когда линия Мартова хоть чуточку выпрямлялась, у него просыпалось старое отношение к Мартову».[14]

Одной из самых серьезных попыток Ленина спасти партию от окончательного раскола можно считать его письмо в редакцию «Искры» от 12 декабря 1903 г. В нем Ленин писал: «Я считаю своим долгом перед партией последний раз просить редакцию ЦО о том, чтобы побудить оппозицию подписать добрый мир на началах искреннего признания обеими сторонами обоих центров и прекращения взаимных усобиц, делающих невозможной никакую совместную работу».[15]

Призыв этот не возымел действия, и борьба разгоралась все жарче. Она выплеснулась далеко за пределы ЦК и редакции «Искры», захватывая все более широкие круги рядовых членов РСДРП.

Революция 1905—1907 гг. с особой ясностью показала, какой громадный вред пролетарскому движению приносит этот раскол. Было совершенно очевидно, что нужно искать пути для совместных действий. Между тем состоявшийся весной 1905 г. III съезд большевиков и происходившая почти одновременно с ним Женевская конференция меньшевиков, обсуждавшие близкие по своему характеру вопросы теории и практики, пришли к совершенно разным выводам и рекомендовали своим организациям и отдельным членам разные лозунги и практическую деятельность. Сущность этих расхождений изложена в работе В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», и мы их не будем касаться. Укажем лишь, что распри между большевиками и меньшевиками встречали недоумение, а иногда и прямое недовольство наиболее сознательных рабочих, которые ясно видели губительность их для

борьбы с самодержавием. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. и его разгром наглядно показали жизненную необходимость единства РСДРП.

Еще до IV (Объединительного) съезда весной 1906 г. началась фактическая совместная работа большевиков и меньшевиков. Так, например, 7 февраля 1906 г. в Петербурге вышел первый номер объединенного Центрального Органа — «Партийные известия», в редакцию которого вошли Ленин и Мартов.

Заметно меняется в это время тональность отзывов Ленина о Мартове. Если в письмах 1904—1905 гг. можно встретить такие резкие выражение, как «мартовское вранье», «пошлость Мартова и др.», «А Мартов и К° истеричничают» и т. п., то в выступлениях Ленина 1906 г. отзывы о Мартове значительно сдержаннее.

Стенографические протоколы IV съезда показывают, что, хотя на съезде происходили серьезные дискуссии между Лениным и Мартовым, велись они в спокойном и уважительном тоне. Так же прошла дискуссия и на V съезде РСДРП в феврале — марте 1907 г.

Положение меняется по мере появления и развития ликвидаторства и отзовизма, отрекавшихся от идей революционной социал-демократии. Мартов стал одним из ведущих представителей ликвидаторства, и это не могло не отразиться на отношении к нему Ленина. В ходе борьбы ликвидаторов против большевиков Мартов допускал приемы, один из которых Ленин характеризовал как «подлую выходку меньшевика против большевика, попавшего в тюрьму». Дело было в следующем. Н. А. Семашко был арестован в Женеве по обвинению в участии в экспроприационном акте, происшедшем в Тифлисе. Мартов по этому поводу поместил в газете «Бернский часовой» заявление, в котором говорилось, что Семашко не был делегатом Штутгартского конгресса, а просто являлся журналистом. Ленин был возмущен этим шагом Мартова и 2 февраля 1908 г. писал А. М. Горькому: «Подлость тут в том, что косвенно якобы отряхается прах, отрекается социал-демократия от Семашко!»[16]

Конфликт осложнялся еще и тем, что в это же время появилось сообщение меньшевиков о том, что они начинают издавать свой журнал — «Голос социал-демократа», во главе которого стоял Мартов. Складывается чрезвычайно сложная обстановка. По решению V (Лондонского) съезда партии издавалась нелегальная газета «Социал-демократ», в редакцию которой входили Ленин и Мартов. Газета считалась официальным органом РСДРП, но одновременно с ней издавалась нелегальная большевистская газета «Пролетарий», основанная еще в 1906 г.

Таким образом, вместе сотрудничая в газете «Социал-демократ», Ленин и Мартов в то же время вели между собой дискуссии (точнее, они велись между большевиками и меньшевиками) на страницах других изданий. Вполне понятно, что сообщение о выходе журнала меньшевиков-ликвидаторов обострило борьбу (Ленин это предсказывал в письме Горькому от 13 февраля 1908 г.). Добавим к сказанному, что Плеханов, входивший первоначально в состав редакции этого журнала, в 1909 г. вышел из нее, и «Голос социал-демократа» окончательно определился как идейный центр ликвидаторства.

Основным полем брани между большевиками и меньшевиками явился ЦО РСДРП «Социал-демократ». Борьба эта принимала разные формы. Часто она выливалась в ожесточенные споры — помещать или не помещать в газету ту или иную статью. Порой приходилось идти на компромиссы. Типичным примером этого может служить история с публикацией статьи Мартова «За что бороться?», написанной с явно выраженной меньшевистско-ликвидаторской позиции. Ленин был решительно против, но меньшевистская часть редакции настаивала на ее публикации. В конце концов было принято решение публиковать статью Мартова с условием, что в том же номере будет напечатана статья Ленина «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», которая являлась ответом на статью Мартова, и с примечанием редакции: «На затронутые в настоящей статье т. Л. Мартова вопросы дает ответ статья тов. Ленина, к существу которой редакция присоединяется».[17]

По мнению Н. К. Крупской, в период совместной работы Ленина и Мартова в «Социал-демократе» они снова сблизились. Она писала: «Так было, например, в 1910 г. в Париже, когда Мартов и Владимир Ильич работали вместе в редакции „Социал-демократа“. Приходя из редакции, Владимир Ильич не раз рассказывал довольным тоном, что Мартов берет правильную линию, выступает даже против Дана».[18] Нам кажется, однако, что это правильнее было бы отнести к 1909 г. Дело в том, что в январе 1910 г. состоялся в Париже пленум ЦК РСДРП, на котором вновь разгорелись споры большевиков с ликвидаторами. Формально удалось договориться о единстве, но в действительности ликвидаторы продолжали свою дезорганизаторскую работу.

В письме в ЦК РСДРП, написанном около 2 мая 1910 г., Ленин так описывал положение дела: «Только первые два заседания редакции ЦО после пленума давали нам надежду на возможность совместной работы с тт. Мартовым и Даном. Согласие т. Мартова с письмом ЦК о конференции (см. № 11 ЦО.

Мартов *подписал* это письмо) свидетельствовало безусловно о его стремлении *лояльно* выполнять решения пленума. Другой тон ранее всего был взят т. Даном, который объявил передовицу № 11 ЦО{43} *вредною* и при нас обвинил Мартова в *центральноорганском оппортунизме.* Для нас уже из этого стало ясно, что ярые голосовцы считают Мартова „оппортунистом“ в смысле его податливости к решениям партии и что весь вопрос сводится к тому, поддастся ли Мартов их натиску. Статья Мартова „На верном пути“ показала, что да».[19]

Ленин считал, что эти события свидетельствовали «о начале войны». Так оно и оказалось.

До поры до времени эта война велась без особой огласки. Но в сентябре 1910 г. в журнале германской социал-демократии появилась статья Л. Мартова, в которой извращалось содержание внутрипартийной борьбы в период революции 1905—1907 гг. и допускалась клевета на большевиков. Ответом на это явилась статья В. И. Ленина «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», в которой разоблачалась фальшь указанной статьи. (Ленин хотел опубликовать свою статью в газетах немецких социал-демократов, но его попытка закончилась неудачей, и статья появилась только весной 1911 г. в приложении к Центральному Органу РСДРП — «Дискуссионном листке» № 3.)

Конфликты в редакции «Социал-демократа» продолжались. В ноябре 1910 г. при обсуждении статьи Ленина «О демонстрации по поводу смерти Муромцева» и статьи Д. Благоева, направленной против Троцкого, дело дошло до того, что Ленин вынужден был уйти с заседания, объяснив свой поступок антипартийным и клеветническим поведением Мартова и Дана.[20]

Из данных Биохроники видно, что в ЦПА имеются неопубликованные документы о двух заседаниях редакции «Социал-демократа»: в декабре 1910 и в июне 1911 г. На первом из них Ленину поручалось написать ответ на статью Мартова «Куда пришли»; на втором — по поводу заявления Мартова и Дана об их уходе из редакции. Подробности этих заседаний неизвестны.[21] Можно лишь утверждать, что перед вторым заседанием разрыв с Мартовым был уже предопределен. Это видно из письма Ленина Горькому от 27 мая 1911 г.: «Объединение наше с меньшевиками вроде Мартова *абсолютно* безнадежно, как я Вам здесь и говорил. Ежели мы станем учинять „съезд“ для столь безнадежного плана, — выйдет один срам (я лично даже на совещание с Мартовым не пойду)».[22]

В ходе все обострявшейся «войны» Мартов и Ленин в пылу спора допускали чрезмерные резкости и обвинения. Мартов,

например, опускался до обвинения Ленина в обмане Интернационала и в других смертных грехах. Он издал брошюру «Спасатели или упразднители? (Кто и как разрушал РСДРП)», в которой обливал грязью Ленина и большевиков. Ленин резко осудил Мартова и его брошюру. Она была настолько возмутительна, что даже К. Каутский назвал ее «отвратительной». [23] К числу, однако, слишком уж резких обвинений Ленина против Мартова следует, как нам кажется, отнести такую филиппику из написанной Лениным в июне 1911 г. резолюции II Парижской группы РСДРП о положении дел в партии: «Что касается до таких приемов борьбы заграничных ликвидаторов против РСДРП, как политический шантаж и поставка информации в охранку, — чем занялся г-н Мартов при помощи редакции „Голоса“, — то собрание клеймит презрением подобные произведения, на которые достаточно указать, чтобы вызвать отвращение к ним у всех порядочных людей».[24] Обвинение Мартова в том, что он своими действиями «помогает охранке», Ленин повторил в статье «О новой фракции примиренцев или добродетельных», опубликованной в газете «Социал-демократ», № 24, от 18 (31) октября 1911 г.[25]

Бывали случаи, когда резкая критика Мартова и упреки в клевете и недобросовестности позднее не подтверждались. Показательна в этом плане история с провокатором Р. В. Малиновским. Еще в 1906 г. он примкнул к рабочему движению, а с 1907 г. добровольно давал сведения полиции. С 1910 г. Малиновский был зачислен секретным агентом царской охранки. Ничего этого не подозревая, большевики избрали его на Пражской конференции в состав ЦК. Он стал депутатом Государственной думы. Слухи о его провокаторской деятельности начали распространяться еще в 1911 г. В 1914 г. под угрозой разоблачения Малиновский сложил с себя депутатские полномочия и скрылся за границу. Большевики осудили этот его поступок. «Мы дезертира судили, беспощадно осуждаем и осудили его. И точка. Дело кончено»,[26] — писал Ленин в июне 1914 г. Тогда большевики еще не знали о предательстве Малиновского и восприняли намек ликвидаторов во главе с Мартовым на провокаторство Малиновского как стремление бросить тень на большевиков. В связи с этим Ленин писал: «Наш ЦК заявил, что он ручается за Малиновского, расследовал слухи и ручается за бесчестное клеветничество Дана и Мартова».[26]

В 1962 г. вышел 32-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина, где впервые опубликованы хранящиеся в ЦПА документы — показания Ленина в связи с деятельностью Чрезвычайной следственной комиссии для расследования

преступлений царской власти. 26 мая 1917 г. Ленин, привлеченный в качестве свидетеля по делу Малиновского, писал: «Я слышал, что в Москве в эпоху приблизительно 1911 года возникали подозрения насчет политической честности Малиновского, а нам эти подозрения в особенно определенной форме были сообщены после его внезапного ухода из Государственной думы весной 1914 г. Что касается до московских слухов, они относились ко времени, когда „шпиономания“ доходила до кульминационного пункта, и ни одного факта, хоть сколько-нибудь допускавшего проверку, не сообщалось. После ухода Малиновского мы назначили комиссию для расследования подозрений (Зиновьев, Ганецкий и я). Мы допросили немало свидетелей, устроили очные ставки с Малиновским, исписали не одну сотню страниц протоколами этих показаний (к сожалению, из-за войны многое погибло или застряло в Кракове). Решительно никаких доказательств ни один член комиссии открыть не мог. Малиновский объяснил нам свой уход тем, что не мог дольше скрывать своей личной истории, заставившей его переменить имя, что история эта связана-де была с женской честью, что история имела место задолго до его женитьбы, он назвал нам ряд свидетелей, в Варшаве и в Казани, между прочим, одного, помнится, профессора Казанского университета. История казалась нам правдоподобной, бурный темперамент Малиновского придавал ей обличие вероятности, оглашать такого рода дела мы считали не нашим делом. Свидетелей мы постановили вызвать в Краков или послать к ним агентов комиссии в Россию. Война помешала этому. Но общее убеждение всех трех членов комиссии сводилось к тому, что Малиновский не провокатор, и мы заявили это в печати».{44} [27]

Таким образом, и Ленин и двое других членов комиссии ошиблись: провокаторство Малиновского уже в июне 1917 г. подтвердилось. Обвинение Мартова и др. в клевете оказалось несостоятельным.

Мы сообщаем эти факты, чтобы показать, что ничто человеческое не было чуждо Владимиру Ильичу, в том числе и ошибки. Важно, однако, то, что он имел мужество признавать их и не уклоняться от ответственности.

Мировая война еще больше обострила борьбу между большевиками и меньшевиками. Мартов, правда, не примкнул к социал-шовинистам, которые пошли на измену принципам интернационализма и оказались в лагере буржуазии. Он даже разоблачал царское правительство и российскую буржуазию, критиковал явных социал-шовинистов. Но он не был последователен в своих взглядах и действиях, и потому у

В. И. Ленина были все основания писать 17 октября А. Г. Шляпникову: «Мартов всех приличнее в „Голосе“. Но устоит ли Мартов? ***Не верю***».[28] Эти сомнения проглядывают и в других письмах Ленина конца 1914 г.

Но позиция Мартова в это время импонировала Ленину. Выступая 1 (14) октября 1914 г. в Лозанне, он говорил: «Чем чаще и сильнее я расходился с Мартовым, тем определеннее я должен сказать, что этот писатель делает теперь именно то, что должен делать социал-демократ. Он критикует свое правительство, он разоблачает свою буржуазию, он ругает своих министров».[29]

Отношение большевиков к Мартову и мартовцам в этот период Ленин так оценивает позднее в своей книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», вышедшей в 1920 г.: «Во время войны мы заключили некоторый компромисс с „каутскианцами“, левыми меньшевиками (Мартов) и частью „социалистов-революционеров“ (Чернов, Натансон), заседая вместе с ними в Циммервальде и Кинтале и выпуская общие манифесты, но мы не прекращали и не ослабляли никогда идейно-политической борьбы с „каутскианцами“, Мартовым и Черновым…»[30]

3 (16) декабря 1914 г. Ленин присутствовал в Берне на обсуждении реферата Мартова «Война и кризис социализма». Выступая с критикой позиции Мартова, Владимир Ильич заметил, что докладчик повернул к социал-шовинизму. Об этом Ленин постоянно пишет с явным сожалением Г. Е. Зиновьеву, А. Г. Шляпникову, И. Ф. Арманд и другим товарищам в течение 1915—1916 гг. При всем том можно заметить, что в письмах, устных и печатных выступлениях Ленина, где он решительно критикует Мартова, нет той резкости, которая встречалась до этого. Н. К. Крупская писала: «В частных разговорах Ильич не раз говорил, как бы хорошо было, если бы Мартов совсем перешел к нам. Но Ильич плохо верил, что Мартов удержится на занятой им позиции. Он знал, как поддается Мартов чужим влияниям».[31]

Перед Февральской революцией Мартов заметно разошелся с большинством меньшевиков по вопросам об отношении к военно-промышленным комитетам, к лозунгу «защиты отечества» и др. Ленин, конечно, знал об этом, но считал, что Мартов не до конца порвал с оборонцами, и критиковал его за это. В то же время в статье «Поворот в мировой политике», опубликованной 31 января 1917 г., Ленин подчеркивал, что Мартов с презрением отворачивается теперь от таких правых деятелей меньшевистской партии, как Потресов, Маслов и др.[32]

2 (15) марта 1917 г. Ленин получил известие о победе революции в России и стал рваться на родину. Через несколько дней на частном совещании российских партийных центров в

Берне Мартов выдвинул план переезда эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России немцев. В тот же день Ленин написал В. А. Карпинскому: «План Мартова хорош: за него *надо* хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. *Нас* заподозрят».[33] Далее в письме Ленин излагает план действий.

Уезжая в Россию, Ленин прекрасно понимал, что большевиков ждет на родине отчаянная борьба не только с Временным правительством, но и с многочисленными противниками из лагеря мелкобуржуазных партий — оборонцами. 12 апреля он писал Я. С. Ганецкому и К. Б. Радеку: «Буржуазия (+Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удается: есть сторонники и верные».[34] В числе тех, кто не участвовал в этой травле, Ленин называет «малую частичку друзей Мартова».

Заметное сближение Мартова и некоторых его сторонников с большевиками нашло отражение в работе VII (Апрельской) конференции РСДРП 24—29 апреля 1917 г., на которой была принята написанная Лениным резолюция «Об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока». Конференция постановила: «…признать сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма, необходимым на основе разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму».[35] Однако на полный разрыв со своими друзьями-оборонцами меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым не пошли, оставшись тем самым в рядах противников социалистической революции.

В июльские дни 1917 г., когда усилилась контрреволюционная травля Ленина и даже предпринимались попытки его физического уничтожения, Мартов оказался одним из его идейных противников, которые ни в коей мере не поддерживали этой травли.[36]

К сожалению, нам мало известно о деятельности Мартова в июльские дни. В статье В. И. Ленина «О конституционных иллюзиях», написанной 26 июля, есть упоминание о том, что Мартов повторял «мещанские хныканья по поводу 4-го июля».[37] Как бы раскрывая суть этого «хныканья», Ленин 19 августа 1917 г. публикует в «Пролетарии» статью «За деревьями не видят леса», где детально анализирует и критикует теоретические взгляды и практическую деятельность Мартова, которого называет одним «из наиболее „левых“, из наиболее революционных, из наиболее сознательных и искусных» публицистов мелкобуржуазной массы, считая, что «полезнее разобрать как раз его рассуждения, чем какого-нибудь кокетничающего пустым набором слов Чернова

или тупицы Церетели».[38] Ленин показывает несостоятельность Мартова в оценке современного момента, в отношении к Временному правительству и лозунгу «Вся власть Советам», к отсрочке созыва Учредительного собрания и др. Разоблачая прокадетскую, контрреволюционную политику Временного правительства, Ленин пишет: «И Мартов не видит, где главный штаб буржуазной контрреволюции… Поистине — за деревьями не видят леса».[39]

Вместе с тем Ленин одобрительно отозвался о подготовленной Мартовым резолюции об отмене смертной казни на фронте, которая обсуждалась на пленарном заседании Петроградского Совета 18 августа 1917 г.[40]

В своих выступлениях накануне Октября Ленин неоднократно критикует Мартова за его сотрудничество с Церетели, за позицию в отношении к Циммервальдскому объединению социалистов, большинство которого состояло в то время из оппортунистов. Вместе с тем Владимир Ильич одобрительно отзывается о позициях Мартова в развитии интернационалистского течения по вопросу о Советах рабочих депутатов и др.[41]

Постоянные колебания Мартова определили его отрицательное отношение к Октябрьской революции. С полной очевидностью это проявилось уже во время конфликта большевиков с Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожного профсоюза (Викжель), который требовал многопартийного правительства, т. е. разделения власти с соглашательскими мелкобуржуазными партиями. 3 ноября 1917 г. на совещании при Викжеле, где шли переговоры о создании так называемого «однородного социалистического правительства», Мартов и его единомышленник Р. Абрамович предъявили ультиматум: никаких переговоров, пока Советское правительство не прекратит арестов и закрытия буржуазных газет, Ленин резко осудил этот ультиматум, объявив его антипролетарским и контрреволюционным.[42]

Многократно Ленин критикует Мартова в своих устных и печатных выступлениях 1918 г. по вопросам о Брестском мире, Учредительном собрании, об очередных задачах Советской власти и Советах вообще и др.

Несмотря на крайнюю занятость, Ленин внимательно следит за выступлениями Мартова даже в заграничной печати. Узнав о появлении в журнале каутскианцев «Sozialistische Auslandspolitik», выходившем в Берлине, статьи Мартова «Маркс и проблема диктатуры пролетариата» (июль 1918 г.), Ленин просит нашего полпреда в Германии А. А. Иоффе прислать этот номер журнала, подчеркивая: *«Такие* вещи надо бы посылать тотчас».[43]

Ленин внимательно следил за публикациями Мартова и в 1919 г. Занимая левую позицию среди меньшевиков, Мартов в то же время не выступал решительно против демагогических, антисоветских по сути актов этой партии. Так, например, когда, используя тяжелое продовольственное и денежное положение в стране, меньшевики организовали забастовку рабочих тульских оружейного и патронного заводов, Мартов выступил против подстрекательских действий правых меньшевиков, но решительной борьбы против них не повел, за что был осужден Лениным.[44]

Ленин подверг беспощадной критике Мартова за его поведение в период борьбы с деникинщиной. В статье «Все на борьбу с Деникиным!» Ленин в июле 1919 г. писал: «Мартов, Вольский{45} и К° мнят себя „выше“ обеих борющихся сторон, мнят себя способными создать „третью сторону“. Это желание, будь оно даже искренне, остается иллюзией мелкобуржуазного демократа, который и теперь еще, 70 лет спустя после 1848 года, не научился азбуке, именно, что в капиталистической среде возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата и невозможно существовать ничему третьему. Мартовы и К°, видимо, умрут с этой иллюзией. Это их дело. А наше дело помнить, что на практике неизбежны колебания подобной публики, сегодня к Деникину, завтра к большевикам».[45]

Еще более резко Ленин осудил Мартова за статью «Мировой большевизм», опубликованную в меньшевистском журнале «Мысль» в апреле — июле 1919 г. Установлено, что Ленин предполагал написать большую работу, из семи глав, в которой собирался подвергнуть критике Мартова и его единомышленников по вопросам о гражданской войне, об отношении к Антанте и др. Статья не была закончена, сохранились лишь две главы: «Лакеи» и «Гражданская война», где детально разбираются ошибки Мартова и его деятельность, которая квалифицируется как лакейство перед буржуазией, подлость и ренегатство.[46] Не менее разгромной критике Ленин подверг Мартова в статье «Как буржуазия использует ренегатов», напечатанной в журнале «Коммунистический Интернационал», № 5, за сентябрь того же года.[47]

Последним выступлением Ленина против Мартова в 1919 г. было, видимо, его заключительное слово по докладу ВЦИК (Мартов был членом ВЦИК) и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов 6 декабря, в котором он критиковал речь и декларацию Мартова по вопросу о терроре, о статусе и деятельности ВЧК и др.[48]

Во второй половине февраля — начале марта 1920 г. состоялись выборы в Московский Совет рабочих и красноармейских депутатов, куда вошло 3 процента от его состава (46 человек) меньшевиков, в том числе Ю. О. Мартов и Ф. И. Дан. На записке председателя Моссовета Каменева, присланной по этому поводу, Ленин написал: «По-моему, Вы должны „загонять“ их *практическими* поручениями: Дан — ***санучастки,*** *Мартов* — контроль за ***столовыми***».[49] Странное занятие для опытных профессиональных политиков… Но, видимо, в тот момент Владимир Ильич не считал возможным доверить более серьезное дело в системе Советской власти лидерам обанкротившегося меньшевизма.

К концу января 1920 г. относится документ, хранящийся в ЦПА, который требует дальнейшего исследования. По данным Биохроники, ранее 24 января этого года Ленин, ознакомившись с телеграммой заместителя управделами Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта П. Е. Померанцева по вопросу образования буферного государства на территории Восточной Сибири, пишет записку секретарю ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому: «Пожалуй, передать Мартову. Опросить всех членов Политбюро. *Ленин*».[50] Подробности этого дела пока не удалось выяснить. Можно лишь предположить, что политический опыт Мартова мог пригодиться при создании буржуазно-демократической по форме Дальневосточной республики (ДВР).

Требует исследования и такое место из Биохроники: «Март, позднее 13 [1920 г.]. Ленин знакомится с „Тезисами Мартова на меньшевистской конференции“ 13 марта 1920 г., направленными Ленину Наркоминделом; на конверте делает подчеркивания, зачеркивания и пишет: „Sic! Тезисы Мартова“». То же относится и к записи не ранее 17 мая 1920 г.: «Ленин знакомится с тезисами Мартова „Платформа всем марксистским социалистическим партиям“, принятыми на съезде меньшевиков; на препроводительном письме сотрудника ВЧК М. И. Лациса в Секретариат ЦК РКП(б) от 17 мая 1920 г. делает пометку: „В архив о меньшевиках“».[51]

29 июня 1920 г. Ленин получает письмо А. М. Горького от 26 июня о том, что среди отправляемых им за границу для издания рукописей имеются мемуары Л. Мартова и В. М. Чернова, которые Наркоминдел может не пропустить, и отзыв Горького о них; Ленин направляет письмо и отзыв заместителю наркома иностранных дел Л. М. Карахану с запиской: «т. Карахан! т. Каменев просит показать ему брошюры Чернова и Мартова. Устройте это ***поскорее*** и ***поаккуратнее.*** Ваш *Ленин.* P. S. Верните мне ***прилагаемое***».{46} [52]

Ленин продолжает следить за устными и печатными выступлениями Мартова. Установлено, что 14 декабря 1920 г. он ознакомился с присланным ему Г. В. Чичериным интервью Мартова корреспонденту нью-йоркской газеты «Новое русское слово».[52]

Выступая на VIII Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1920 г., Ленин анализирует речь Мартова на съезде немецких независимых в Галле, указывая, что ее содержание пришлось по вкусу «самой реакционной и империалистической печати».[53]

В 1920 г. Мартов эмигрировал за границу. Сделано это было с ведома и разрешения компетентных советских органов. В своей известной брошюре «О продовольственном налоге» (апрель 1921 г.) Ленин заметил: «…мы охотно пустили Мартова за границу».[54]

В связи с появлением этой брошюры произошла любопытная история, связанная с И. М. Майским (будущим академиком и видным советским дипломатом), ставшая известной благодаря следующему письму Ленина в редакцию газеты «Известия ВЦИК»:

«Мне случилось в последнее время упоминать имя бывшего меньшевика И. Майского, который был министром при Колчаке. Тов. И. Майский в письме ко мне протестует против смешения его с Мартовыми и Черновыми и указывает, что он, Майский, теперь уже член РКП и работает на советской должности в Омске в качестве заведующего экономическим отделом Сибревкома. Считаю долгом довести до сведения читающей публики это указание тов. И. Майского. *Н. Ленин.* 1.VI. 1921».[55]

Поселившись в Германии, Мартов начал издавать в 1921 г. журнал «Социалистический вестник», который вел антибольшевистскую пропаганду, но в то же время содержал полезную информацию. Ленин следил за этим журналом и резко полемизировал с некоторыми статьями Мартова, например, о Кронштадтском мятеже.[56] Видимо, из этого же источника Ленин узнал о «бешеной агитации» Мартова против советизации Грузии, о чем он предупреждал Г. К. Орджоникидзе в телеграмме от 18 апреля 1921 г.[57]

Ленин до последних дней продолжал интересоваться жизнью и деятельностью своего бывшего друга и многолетнего противника.

Мартов умер в Германии 4 апреля 1923 г. Н. К. Крупская вспоминала: «Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен, он мне как-то грустно сказал: „Вот и Мартов тоже, говорят, умирает“». Крупская рассказывает, что незадолго до смерти Ленин «в связи с Аксельродом спросил о Мартове. Я сделала вид, что не поняла. На другой день он спустился вниз в библиотеку, в

эмигрантских газетах разыскал сообщение о смерти Мартова и укорительно показал мне». Из хранящихся в ЦПА материалов видно, что этот эпизод произошел между августом и 6 ноября 1923 г.[58]

Сейчас наступило великое время восстановления исторической истины и прежде всего высветления всей исторической правды об отечественной политической истории XX века. Переосмысливаются факты, пересматриваются оценки. И это уже коснулось личности и деятельности Ю. О. Мартова, его сложных взаимоотношений с В. И. Лениным. «Несмотря на яростное внутрипартийное соперничество, — пишет современный публицист, — Ленин испытывал к этому человеку глубокую привязанность и любовь, которые он сохранил до последних дней своей жизни. Да и сама их жизнь переплелась в такой причудливый и трагический клубок, что распутать его даже и теперь, когда из запасников истории к нам возвращаются спрятанные звенья, не так-то просто. Нетерпимость первых лет революции требовала раскалывать, рвать, резать. Но рвать чаще всего приходилось по живому…».[59] И вот уже вызревает новый эскиз к историческому портрету ленинского друга-противника, обозначенный этим же публицистом: «… в „мемориале“ русской демократии достойное место должен занять и непременно займет революционер с незапятнанной совестью и руками, социал-демократ самой чистой пробы — Юлий Осипович Мартов».[60]

Л. Б. Каменев

13 июня 1988 г. Верховный суд СССР аннулировал неправедный приговор по сфальсифицированному «делу» Льва Борисовича Каменева, казненного по злой воле Сталина в 1936 г.

20 лет в народное сознание усиленно внедрялось, что Каменев — шпион, диверсант, вредитель и террорист, а после XX съезда КПСС, когда полная абсурдность этих обвинений стала очевидной, еще более 30 лет поддерживалась ложь, что Каменев — «троцкист», враг нашей партии, постоянный политический противник и чуть ли не личный враг Ленина.

Историкам еще предстоит исследовать биографию и нарисовать правдивый политический портрет этого выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, многолетнего соратника В. И. Ленина. Перед нами же более скромная задача — разглядеть штрихи этого портрета, начертанные рукой Владимира Ильича в его переписке с Каменевым, попытаться составить по возможности адекватное представление об отношениях В. И. Ленина и Л. Б. Каменева на протяжении более чем двадцатилетнего периода их совместной работы. Поскольку подавляющее большинство известных нам писем относится к 1909—1923 гг., то и речь пойдет преимущественно о событиях этих лет.

Переписка между Лениным и Каменевым началась не позднее 1904 г. и продолжалась до последних лет жизни Владимира Ильича. По нашим подсчетам, к настоящему времени выявлено

примерно 300 писем и записок Ленина Каменеву. Они начали появляться в печати еще в 20-х гг. До середины 30-х гг. было опубликовано не менее трех десятков писем, а затем их публикация надолго прекратилась.

Стремление всячески исказить политическое лицо Каменева, перечеркнуть все его заслуги перед партией и страной наглядно проявилось при подготовке к публикации 4-го издания Сочинений В. И. Ленина. Одной из задач этого издания, начатого в 1941 г., являлось раздувание культа Сталина, непомерное возвеличение его роли и места в истории партии и революции, что, разумеется, принижало и искажало представление о роли и личности вождя партии В. И. Ленина. Предполагалось издать 35 томов, без включения в них многих произведений, в частности писем Ленина. В первую очередь изымались, конечно, многочисленные письма Владимира Ильича к «врагам народа».

После XX съезда КПСС общественность подвергла справедливой критике это издание, и оно было дополнено еще десятью томами, в которые входили и письма. Однако и тогда в собрание сочинений не вошли многие ленинские письма к «одиозным» лицам, в том числе к Л. Б. Каменеву. Были допущены и явные передержки. Так, два письма Ленина Каменеву — от 25 февраля и 29 марта 1913 г. — были приведены лишь в отрывках, и именно в тех отрывках, где Владимир Ильич положительно отзывается о Сталине. Полностью эти письма опубликованы лишь в 1962 г.[1]

Дело изменилось с выпуском 5-го издания Сочинений В. И. Ленина (Полн. собр. соч.) в 55 томах, из которых десять последних содержат письма. В этом издании опубликовано свыше 200 писем и записок Ленина Каменеву, более 60 из них изданы впервые. Там же приводится список почти трех десятков до сих пор не разысканных писем. В 1970—1982 гг. было осуществлено издание 12-томной Биографической хроники В. И. Ленина, при подготовке которой выявлено еще не менее 60 неопубликованных писем и записок Каменеву. Публикация этих материалов и тех, что еще будут обнаружены, безусловно обогатит нашу Лениниану.

Напомним кратко биографические сведения о Каменеве.

Лев Борисович Розенфельд (Ю. Каменев) родился 18 июля (ст. ст.) 1883 г. в Москве. Отец его, рабочий, окончил Петербургский технологический институт и стал инженером. Мать училась на знаменитых Бестужевских курсах.

Каменев начал учебу в виленской гимназии и продолжал ее в Тифлисе, куда семья переехала в 1896 г. Там он вступил в контакт с марксистами и в 1901 г. стал членом РСДРП. В том же году он поступает на юридический факультет Московского

университета и принимает активное участие в студенческом революционном движении. В 1902 г. Каменев был арестован и посажен в Бутырскую, затем в Таганскую тюрьму, после чего выслан в Тифлис. Осенью 1902 г. он уезжает за границу, где устанавливает связь с ленинской «Искрой», пишет для нее статьи. В Париже Л. Б. Каменев знакомится с В. И. Лениным.

В авторизованной биографии Каменева, опубликованной в Энциклопедическом словаре «Гранат»,[2] подчеркивается, что с этого времени он испытывает на себе огромное влияние Ленина. После переезда «Искры» в Женеву осенью 1903 г. Каменев тоже переезжает туда. После II съезда РСДРП возвращается в Россию, где ведет партийную работу в Тифлисе и других местах. После обыска в январе 1904 г. уезжает в Москву, где продолжает вести активную работу. Снова арестован и, пробыв несколько месяцев в тюрьме, выслан в Тифлис. Предпринял неудачную попытку поступить в Юрьевский (Тартуский) университет. В Тифлисе вошел в состав Кавказского комитета (членом которого был также Сталин), активно работал в газете «Вперед».

К осени 1904 г. относится начало известной нам переписки Ленина и Каменева (хотя, по всей вероятности, она велась и до того времени). Не позднее ноября этого года Каменев направил Ленину письмо и начало своей статьи «Военная кампания „Искры“», в которой он подвергал критике меньшевиков. Ранее 1 (14) декабря 1904 г. Ленин написал ему письмо, посланное через Кавказский союзный комитет, в котором предлагал шире ознакомить сторонников большевиков со своим «Письмом к товарищам (К выходу органа партийного большинства)». Ленин пишет: «Мне кажется, что Ваша статья несомненно свидетельствует о литературных способностях, и я очень прошу Вас не оставлять литературной работы. ‹…› Постарайтесь как можно скорей ответить на это письмо и завязать с нами ***непосредственные*** письменные сношения, регулярнейшую переписку».[3] (Это письмо Ленина, как и письмо Каменева к нему, было впервые опубликовано в пятом Ленинском сборнике, вышедшем в 1926 г.) С этого времени между Лениным и Каменевым устанавливается регулярная переписка, благодаря которой можно проследить их отношения вплоть до кончины Владимира Ильича.

По поручению Ленина Каменев вел активную работу по созыву III съезда партии, был участником этого съезда как делегат от Кавказского комитета РСДРП. По заданию ЦК он объезжает ряд городов России, пропагандируя и защищая позиции большевиков.

После приезда Ленина в Россию в ноябре 1905 г. и вплоть до

его возвращения в эмиграцию в конце 1907 г. Каменев выполнял его многочисленные поручения.

Участвовал в работе V съезда партии. В годы реакции занимал порой примиренческую позицию по отношению к противникам Ленина.

18 апреля 1908 г. был арестован. После освобождения работал вместе с Лениным в газете «Пролетарий», участвовал в нескольких конференциях и совещаниях большевиков.

Каменев побывал у Ленина в Кракове (июнь 1912 г.). В начале 1914 г. он был направлен в Петербург для руководства большевистской фракцией IV Думы. 4 ноября 1914 г. вместе с другими большевиками — депутатами Думы был арестован и после громкого процесса в 1915 г. сослан в Сибирь, где пробыл до Февральской революции.

После свержения царизма Каменев возвратился в Петроград, стал одним из редакторов «Правды».

Вернемся, однако, в дореволюционные годы, так как дальнейших событий и фактов биографии Л. Б. Каменева мы коснемся по ходу изложения очерка.

В декабре 1907 г. В. И. Ленин, спасаясь от преследований царского правительства, вынужден был уехать за границу. Началась его вторая дальняя эмиграция, продолжавшаяся до апреля 1917 г.

Еще задолго до отъезда представитель легального большевистского издательства «Зерно» Н. С. Ангарский явился к В. И. Ленину с предложением издать трехтомное собрание его сочинений под общим названием «За 12 лет». Во время этой встречи, состоявшейся между 20 июля и 1 августа 1907 г., была достигнута принципиальная договоренность. Из хранящихся в ЦПА документов видно, что между 4 и 10 августа Ленин получил от издательства проспект собрания своих сочинений, сделал поправки и отослал Л. Б. Каменеву с доверенностью на заключение договора с издательством «Зерно».[4] 11 августа Каменев заключил договор на издание трехтомного собрания сочинений В. И. Ленина. Но из-за вмешательства царской цензуры удалось издать только первый том и первую часть второго.[5]

7 января 1908 г. В. И. Ленин прибыл в Женеву и уже 13 января написал Каменеву. Само письмо до нас не дошло, но о его существовании и частично даже о содержании мы знаем из сохранившегося письма Ленина младшей сестре Марии Ильиничне от 14 января 1908 г., в котором есть такие строки: «Вчера я писал Льву Борисовичу по поводу статейки и просил раздобыть мне протокол III Думы (официальное издание стенографических отчетов, а также заявления, запросы и

законопроекты, вносимые в Думу). Достать это можно только через личные связи». Есть в этом письме еще одно интересное для нас место: «Если Л. Б. ленив писать или занят, узнавай от него, пожалуйста, ответ (на мои вопросы) и сообщай мне. Между прочим: мне нужен ответ насчет Граната (Истории России); заключен с ним договор о моей статье или дело расстроилось? Пусть Л. Б. разведает это и передаст тебе».[6]

Из приведенных отрывков становится очевидным, что Каменев имел отношение к переговорам Ленина с издательством «Гранат» о статье «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», которая тогда по цензурным условиям так и не была опубликована. Из письма также явствует, что Мария Ильинична являлась как бы посредником между Владимиром Ильичем и Каменевым.

18 апреля 1908 г. Л. Б. Каменев был арестован, чем, очевидно, объясняется отсутствие переписки между ним и Лениным до августа 1909 г. В авторизованной биографии Льва Борисовича есть указание на то, что Ленин был обеспокоен этим арестом и, узнав об освобождении Каменева, вызвал его через И. Ф. Дубровинского за границу.[7]

В эмиграцию Каменев выехал не позднее июня 1909 г. (участвовал в совещании «Пролетария» 21—30 июня (н. ст.) 1909 г.). Жил одно время в Аркашоне (Франция), откуда установил переписку с Лениным, отдыхавшим в Бомбоне. Из письма Ленина Каменеву от 27 августа 1909 г. видно, что к этому времени он успел получить от Льва Борисовича два письма и статью для «Пролетария». Есть основание утверждать, что это было не первое письмо Ленина Каменеву в 1909 г.

Письмо это дает возможность выяснить одну деталь в отношении Ленина к Каменеву. Ленин неоднократно критиковал его за неумение писать ясно, четко и доходчиво. В письме Г. Е. Зиновьеву (август 1909 г.) он писал: «Последние две трети статьи Каменева совсем плохи и едва ли поддаются переделке. Я выправил первую треть (стр. 1 — стр. 5 до конца), но дальше не в состоянии выправить, ибо вижу, что дело тут идет не о *правке,* а о *переделке заново.* Свою мысль ‹…› Каменев в этой части выражает донельзя сбивчиво, запутано, с тысячами лишних завитушек. По-моему, в таком виде пускать ***нельзя***».[8] В другом письме Зиновьеву об этой же статье Каменева Ленин писал: «Досадно, что Каменев небрежно работает. Благодарнейшая тема, — а он расплывается, распыляется, ходит кругом да около, не умеет настоящим образом взять центр и суть дела». При этом он подчеркнул: «Это — важная статья, и над ней приходится повнимательней поработать».[9] К сказанному добавим, что, судя

по всему, Ленин действительно немало потрудился над этой критической статьей Каменева о меньшевистском пятитомном издании «Общественное движение в России в начале XX века», которая и была напечатана в трех номерах газеты «Пролетарий» за сентябрь — октябрь 1909 г.

В это время Ленин иногда просил Крупскую писать за себя Каменеву. Так, в частности, было с письмом от 4 сентября 1909 г., в котором она сообщала Льву Борисовичу о работе Ленина над статьей «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», о сдаче в набор статьи Каменева и др.[10]

На январском пленуме ЦК 1910 г. под давлением ликвидаторов и с согласия примиренцев было постановлено выдавать «надфракционной» газете Троцкого «Правда», издававшейся в Вене, ежемесячную субсидию из общепартийной кассы и делегировать в ее редакцию в качестве представителя ЦК Л. Б. Каменева. И хотя это решение было принято вопреки позиции Ленина, Владимир Ильич продолжал тесные контакты с Каменевым, переехавшим на время в Вену. Показателем их отношений в этот период является письмо Каменеву от 21 марта 1910 г. с сообщением о тяжелом положении, создавшемся в редакции газеты «Социал-демократ» в связи с фракционным поведением меньшевистских редакторов; Ленин просит Каменева написать доклад РСДРП Копенгагенскому конгрессу, информирует о разных делах.[11]

6 апреля 1910 г., получив письмо Каменева, Ленин пишет, что считает его намерение выйти из редакции венской «Правды» преждевременным и рекомендует обставить это, коль скоро выход неизбежен, «архитщательно». В этом письме Ленин критикует по форме и содержанию статью Каменева в № 11 «Правды» и вновь напоминает ему об обещанном докладе Копенгагенскому конгрессу.[12]

Важным показателем отношений Ленина и Каменева в этот период является их совместная работа над брошюрой Каменева «Две партии», направленной против ликвидаторства. План этой брошюры они впервые обсудили в мае 1911 г., находясь в Лонжюмо под Парижем, где была организована школа для большевиков из России. Потом Ленин неоднократно просматривает рукопись и корректуру, пишет предисловие, делает добавления к тексту и т. д. О высокой оценке Лениным этой брошюры можно судить не только по весьма положительному предисловию, но и по письму А. М. Горькому от 15 сентября 1911 г., где имеются такие строки: «Получили ли и читали ли брошюру Каменева? Я питаю надежду, что она должна рассеять некоторые предубеждения, имеющиеся у Вас, по-

видимому, против ее автора».[13]

Осенью 1911 г., находясь недолгое время в Лондоне, Ленин пишет 10 ноября Каменеву о своей работе в библиотеке Британского музея и просит, «не медля ни одного дня, сходить (или *верного* человека попросить сходить)» в Национальную библиотеку в Париже и узнать, «что̀ там есть из литературы социалистов 60-х годов».[14]

Летом 1912 г. В. И. Ленин переехал из Парижа в Краков. Каменев остался во Франции, но вел постоянную переписку с Владимиром Ильичем. По самым осторожным подсчетам с июня по декабрь 1912 г. Ленин написал Каменеву не менее 30 писем. Кратко остановимся на содержании некоторых из них.

Создается впечатление, что, уезжая из Парижа в Краков, Ленин возлагал большие надежды на то, что Каменев сумеет поддерживать в парижской организации большевиков активный тонус деятельности, который Ленину удалось установить за время своего пребывания там. В впервые опубликованном в 48-м томе ПСС письме Каменеву, написанном ранее 28 июня (к сожалению, оно частично разрушено), есть такое место: «„Париж захиреет“, — говорили все. Это теперь на Вашей ответственности, то есть Вы должны этого не допустить. Собирайте публику хоть раз в неделю, беседуйте, организуйте ˂…˃. Нельзя „бросать своих“ на произвол судьбы. Не гоже дезорганизовать главный (до сих пор) центр. Помните же, что это на Вашей ответственности!!»[15]

Одним из заданий, которые поручались Каменеву в Париже, был немаловажный для партии вопрос о «держателях». История его такова.

13 февраля 1907 г. в Бутырской тюрьме в Москве был убит владелец большой мебельной фабрики большевик Николай Павлович Шмит. Незадолго до своей смерти он завещал большую сумму денег большевистской партии. Ленин был в курсе этого дела и добивался, чтобы деньги были переведены в Париж и руководство партии могло ими распоряжаться. Однако получилось так, что деньги эти пришлось передать в руки так называемых «держателей» (К. Каутского, Ф. Меринга, К. Цеткин), которые выдавали их не только большевикам, но и другим людям и организациям. «Держатели» неоднократно пытались использовать эти деньги для нажима на большевиков. Вот почему вопрос о «держателях» требовал постоянного внимания и контроля со стороны Ленина и большевиков. Для связи и контактов с «держателями» большевики решили нанять адвоката Ж. Дюко, с которым Ленин имел дело, живя в Париже. В связи с переездом в Краков Ленин поручает дело «держателей» Каменеву, который был знаком с Дюко. Хранящиеся в ЦПА документы

позволяют в какой-то мере осветить роль Каменева в этом вопросе.

28 июня 1912 г. Ленин пишет Каменеву в Париж, сообщает деловой адрес для немедленной передачи его адвокату Ж. Дюко, запрашивает, посланы ли Дюко документы о «держательских» деньгах, пишет о своих первых впечатлениях от пребывания в Кракове, о налаживании связей.[16] Ранее 23 июля Ленин вновь возвращается к «держательским» деньгам, пишет справку о происхождении этих денег, в которой указывает на незаконные действия «держателей», и посылает подготовленные документы в Париж для передачи Ж. Дюко. Из хранящихся в ЦПА документов видно, что по вопросу о «держательских» деньгах Ленин продолжал писать Каменеву в декабре 1912 г. и в первые месяцы 1913 г. Из переписки следует, что Л. Б. Каменев сыграл важную роль в решении этой сложной задачи. В то же время эти письма дают возможность проследить, как Ленин руководил Каменевым и использовал его опыт в борьбе большевиков на международной арене.[17]

После поражения революции 1905—1907 гг. усилилось наступление против большевиков не только со стороны российских ликвидаторов и других противников революционного марксизма, но и со стороны международного оппортунизма. Заметным событием в истории борьбы большевиков с ликвидаторством на международной арене явился конфликт с Правлением германской социал-демократической партии, которое взяло под свою защиту оппортунистов всех стран и оттенков и угрожало большевикам лишением материальной поддержки, если они не пойдут на соглашение с меньшевиками, бундовцами и другими партиями социал-демократической ориентации. Столь грубое и открытое вмешательство в дела РСДРП вызвало решительное осуждение большевиков. Считая, что точка зрения Правления не отражает настроений рядовых членов СДПГ, большевики решили разоблачить руководителей этой партии и показать их стремление навязать РСДРП союз с ликвидаторами. Эта важная задача легла главным образом на В. И. Ленина, который использовал для этой цели помощь Каменева. Именно ему Владимир Ильич поручил поехать в качестве представителя ЦК РСДРП на Хемницкий съезд СДПГ и апеллировать к ее рядовым членам. Из хранящегося в ЦПА неопубликованного документа видно, что не позднее 2 августа 1912 г. Ленин в письме Каменеву сообщает о решении ЦК послать его своим представителем в Хемниц.

23 или 24 августа Владимир Ильич сообщает Каменеву о решении печатать в Лейпциге свою брошюру «К современному

положению в РСДРП», направленную против ликвидаторства и руководства СДПГ, и предлагает ему приехать в Хемниц заранее, чтобы лучше подготовиться к серьезной борьбе с ликвидаторами. Понимая, что Каменеву надо быть в курсе событий, связанных с его миссией, Ленин регулярно пишет ему, посылая подробную информацию и инструкции. Так, 27 августа Владимир Ильич сообщает о полученном от Л. Д. Троцкого приглашении на августовскую конференцию ликвидаторов и об отказе участвовать в ней. Ранее 31 августа он обсуждает с товарищами содержание речи Каменева на предстоящем съезде в Хемнице. 6 сентября уведомляет Каменева об отправке ему денег для поездки в Хемниц и ряд других городов для чтения рефератов. 7 сентября пишет о том, что ему посылается мандат.

В письме от 15 сентября Ленин сообщает Каменеву, что высылает ему дополнения к своей брошюре «К современному положению в РСДРП», которую необходимо распространить среди делегатов съезда.

Не забывает Ленин и о житейских делах: ранее 6 сентября он пишет Каменеву: «Я видел в немецкой газете, что в Хемнице мало квартир и надо заранее обращаться…»[18]

Съезд в Хемнице проходил с 15 по 21 сентября 1912 г. Каменев, несомненно, проделал там большую работу, но, судя по всему, был не до конца последователен в борьбе с ликвидаторством, признавая, в частности, необходимость более уступчивой политики по отношению к Правлению СДПГ. Такую же непоследовательность он проявил и во время международного конгресса в Базеле, куда был направлен от РСДРП в ноябре 1912 г.

К 1912 г. относится резкое обострение борьбы большевиков с Международным социалистическим бюро (МСБ), созданным во II Интернационале в 1900 г. С 1905 г. представителем РСДРП в МСБ был Ленин, относившийся к своим обязанностям с присущей ему ответственностью. Серьезные столкновения по политическим вопросам между большевиками и МСБ происходили и ранее 1912 г., так как руководство II Интернационала и МСБ состояло из оппортунистически настроенных лиц, стремившихся вмешиваться в дела РСДРП и навязывать большевикам примирение с меньшевиками и другими соглашательскими партиями. Появление ликвидаторства и отзовизма усилило эту борьбу. Особого накала она достигла после Пражской партийной конференции, в январе 1912 г.

Между тем в связи с резким ухудшением международной обстановки и опасностью войны II Интернационал решил в ноябре 1912 г. созвать Чрезвычайный конгресс в Базеле. По ряду причин

Ленин не мог поехать на этот конгресс и предложил послать туда Каменева.

Базельский конгресс был назначен на 24 ноября. Ленин узнал об этом 10 ноября и немедленно проинформировал Каменева, попросив подготовиться к ответственной миссии. С этого дня и до окончания конгресса Ленин регулярно пишет Каменеву, дает ему советы и поручения. По неполным данным, только за время с 10 ноября по 8 декабря таких писем было примерно десять. В декабре 1912 г. Ленин пишет Г. Л. Шкловскому: *«Итогами* Базеля я доволен ***отменно…***»[19] Можно полагать, что эта оценка в какой-то мере относится и к деятельности Каменева.

В январе 1913 г. в Кракове состоялось совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, целью которого было определить задачи партии в условиях нового подъема революционного движения. В период прохождения совещания (с 8 по 14 января) Владимир Ильич написал Каменеву не менее пяти писем, информируя его о важнейших новостях и ходе совещания. «Ужасно все жалеем, — писал он, — что Вас нет и что Вам не удалось приехать».[20]

Письма позволяют выяснить некоторые детали их личных отношений.

7 апреля 1913 г. Ленин пишет Каменеву. «Итак, летом свидимся. Милости просим. Мы сняли дачу около Закопане (4—6 час. от Кракова, станция Поронин) с 1.V до 1.X; есть комната для Вас. Зиновьевы — недалеко. ***Привезите*** побольше книг, особенно журналов, коих у нас нет».[21] В ЦПА хранится документ, из которого видно, что 24 мая Ленин подробно разъяснял Каменеву, как проехать из Парижа в Поронин, и даже набросал план пути от Закопане до Поронина.

Ленин интересовался материальными делами Каменева и старался ему помочь. Характерно в этом плане письмо Ленина в «Правду» от 16 июня 1913 г. Поздравляя редакцию и сотрудников с расширением формата газеты и желая им увеличить ее тираж до 100 тыс., он писал: «Насчет Ю. К. я уже писал раз. Его статья об Алексеенко превосходна. И, конечно, автор может давать постоянно такие статьи. Но вы ему не пла̀тите — это безобразие!! Он пишет мне, что прекращает писать. ‹…› Конечно, вы рассчитывали и на неизбежное увеличение расходов и на *литературную сторону*. Ю. К. должен быть поставлен в 1-ю голову. Жить ему теперь нечем. Терять сотрудника и „Правды“ и „Просвещения“ *невозможно*. Поэтому я самым настоятельным образом советую принять тотчас же решение о плате Ю. К-ву по 75 (семидесяти пяти) рублей в месяц. Это — minimum для постоянного сотрудника и газеты и журнала…»[22]

Обращает на себя внимание постоянный обмен литературой между Лениным и Каменевым и стремление Ленина помочь Каменеву в его литературной деятельности. 17 апреля 1913 г. Владимир Ильич пишет: «Дорогой Л. Б.! Посылаю просимый Вами *свод* №№ 1—20 *„Пролетария“*. Часть перечитал. Не забудьте для Вашей легальной брошюры (из „Двух партий“) обязательно вставить целую главку о ликвидаторах энесах».[23]

Нередко Ленин не только подсказывал Каменеву темы статей и брошюр, но и набрасывал план работы. В мае 1913 г. меньшевик-ликвидатор С. Ю. Семковский написал статью, которая вызвала возмущение большевиков. В связи с этим Ленин писал Каменеву: «По-моему, стоит ответить мерзавцу Семковскому. ‹…› Напишите коротко, но решительно и твердо об изменниках и социализму и демократии, о штрейкбрехерской газете „Луч“, о большинстве рабочих, идущих с „Правдой“».[24]

29 октября 1913 г. секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала К. Гюисманс (он занимал эту должность в 1904—1919 гг.) обратился к Ленину с письмом, где спрашивал, кто является представителем РСДРП в МСБ. 3 ноября Ленин ответил ему: «Вследствие моего отъезда из Парижа я вынужден был попросить тов. Каменева, живущего в Париже, заменить меня».[25] Из письма видно, что в это время Каменев находился у Ленина в Кракове.

Можно полагать, что именно в это время был решен вопрос о переезде Каменева в Петербург для руководства работой большевистской фракции IV Государственной думы.

В Петербург Каменев приехал в начале 1914 г., о чем свидетельствует письмо Ленина к нему от 27 февраля этого года. Из хранящихся в ЦПА материалов видно, что в начале марта Ленин получил от Каменева письмо, в котором сообщалось о переговорах с издательством «Прибой» в Петербурге об издании сборника «Марксизм и ликвидаторство».

В связи с началом первой мировой войны переписка Ленина с Каменевым усложнилась. Есть сведения, что какое-то время она велась через третьих лиц. Положение усугубилось после ареста Л. Б. Каменева вместе с другими большевиками — депутатами Думы 4 ноября 1914 г. Ленин узнал об этом не сразу. 28 ноября он в письме к А. Г. Шляпникову спрашивал: «Цел ли К[аменев]?».[26]

Во время процесса над большевиками Каменев отрекся от лозунга о поражении царского правительства в мировой империалистической войне. В связи с этим Ленин в статье «Что доказал суд над РСДРП фракцией?», опубликованной в газете «Социал-демократ» 29 марта 1915 г., писал: «Но стараться

доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал тов. Розенфельд, или свое несогласие с ЦК, есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый».[27] Это публичное осуждение Каменева не повлияло, однако, на их отношения и переписку.

Каменев был сослан в Енисейский край (с. Яланское), где пробыл до Февральской революции.

Установлено, что 24 сентября 1915 г. Ленин написал Каменеву письмо, которое до сих пор не разыскано, а 21 декабря этого года Каменев ответил на него.[28] Не позднее 25 января 1916 г. Ленин послал Каменеву в Яланское открытку и письмо, которые также не разысканы.[29]

В письме Ленина И. Ф. Арманд от 21 января 1916 г. читаем: «Получили сегодня открытку от Вашего брата.{47} Очень приятно, что он что-то получил (не то письмо, не то № нашей газеты от конца марта) и пишет о „сочувствии“. Там-де, в его краях, сочувствия больше, чем он ждал».[30]

В апреле 1917 г. Ленин вернулся из вынужденной эмиграции в Россию. На станции Белоостров его встречала делегация от петроградских рабочих и редакции «Правда». В составе делегации был и Л. Б. Каменев, незадолго до этого возвратившийся из ссылки.

6 апреля В. И. Ленин принимает участие в заседании ЦК РСДРП, посвященном обсуждению его Апрельских тезисов, где подвергает критике выраженные в статьях в «Правде» взгляды Каменева на характер и перспективы революции, на отношение к буржуазному Временному правительству. В брошюре «Письма о тактике», написанной между 8 и 13 апреля и опубликованной в этом же месяце издательством «Правда», Ленин также критикует Каменева, утверждавшего, что незаконченность буржуазно-демократической революции исключает возможность перехода к революции социалистической. С подобной критикой Ленин выступал неоднократно в своих речах в апреле и мае 1917 г.

Резкая критика взглядов Каменева не помешала Ленину написать именно ему 7 июля 1917 г. следующую записку: «Entre nous:{48} если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: „Марксизм о государстве“ (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous!»[31]

Полное доверие к Каменеву не мешало Ленину критиковать

его и подчас очень резко.

Летом 1917 г. между ними возник новый конфликт в связи с намерением социал-шовинистов нейтральных стран созвать международную конференцию. Ленин был против участия в этой конференции. Его единогласно поддержали члены ЦК. 23 мая (5 июня) 1917 г. в «Правде» было опубликовано сообщение, в котором говорилось: «Само собой разумеется, что никакого участия ни в комиссии, ни вообще в созываемой конференции с участием перешедших на сторону своей буржуазии якобы социалистических министров наша партия не примет».

Однако вопреки этому сообщению Каменев 6 августа выступил на заседании ЦИК с речью, в которой настаивал на пересмотре решения ЦК. В связи с этим Ленин опубликовал в газете «Пролетарий» статью «О выступлении Каменева в ЦИК по поводу Стокгольмской конференции», в которой заявил, что Каменев «нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю…».[32] Стокгольмская конференция так и не была созвана.

В конце августа — начале сентября Ленин вновь был вынужден выступить против Каменева, который в ответ на шантаж со стороны буржуазной и мелкобуржуазной печати решил устраниться от общественной деятельности. По этому поводу Ленин писал в «Пролетарии»: «По нашему мнению, это — ошибка. Шантажистам только того и надо было. Разбирать дело они не хотят. Каменеву достаточно было противопоставить негодяям доверие *своей* партии — и пусть потом лают собаки „Речи“, „Биржевки“, „Дня“, „Рабочей Газеты“ и прочих подлых газет». Осуждая поведение Каменева, Ленин подчеркивал, что такая позиция «принесет вред пролетариату, доставит удовольствие врагам его».[33]

Кульминацией расхождений между Лениным и Каменевым явилось известное выступление последнего в газете группы литераторов и меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь» от 19 (31) октября 1917 г. Напомним вкратце эту историю.

Каменев, считая, что соотношение политических сил в стране не в пользу большевиков, упорно выступал против вооруженного восстания. Потерпев поражение на заседании ЦК 10 октября, где обсуждался вопрос о вооруженном восстании, он вместе с Г. Е. Зиновьевым обратился на следующий день с письмом в ЦК и ряд партийных организаций, выступая против решения ЦК. Не получив и на этот раз поддержки, Каменев от своего имени и от имени Зиновьева опубликовал в «Новой жизни» заметку, в которой не только выдал важнейшее секретное решение своей партии, но и фактически раскрыл намеченный срок восстания.

В ответ на это Ленин обратился с письмами к членам партии и в ЦК, в которых заклеймил этот поступок как предательский и назвал Каменева и Зиновьева штрейкбрехерами революции. В «Письме к членам партии большевиков» В. И. Ленин писал: «Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии».[34]

Письмо Ленина в ЦК обсуждалось на заседании Центрального Комитета. Мнение Ленина оспаривалось Дзержинским, Свердловым и особенно Сталиным, находившимся тогда под влиянием Каменева. В конечном счете ЦК принял решение о выводе Каменева из ЦК; Зиновьеву и Каменеву было категорически предложено не выступать с какими бы то ни было заявлениями, направленными против решений ЦК и намеченной им политической линии. Ленин был не согласен с половинчатостью этого решения.

Обращает на себя, однако, внимание следующий факт. Резкий конфликт с Каменевым накануне Октябрьского восстания не помешал Ленину поддержать его кандидатуру на пост Председателя II Всероссийского съезда Советов, а затем ВЦИКа.

Однако вскоре после победы Октябрьской революции возник новый конфликт. Он был связан с требованием Центрального исполнительного комитета Всероссийского железнодорожного союза (Викжель) создать так называемое «однородное социалистическое правительство», в которое должны были войти представители всех социалистических партий — от большевиков до народных социалистов включительно. Ленин был решительно против этого, а Каменев и несколько его сторонников считали, что необходимо пойти на такое соглашение.

На заседании ЦК 1 ноября 1917 г. большинство высказалось за осуждение соглашательской политики Каменева и его единомышленников и потребовало прервать переговоры с Викжелем. Такое же решение принял и ВЦИК.

Сторонники Каменева продолжали настаивать на своем. В связи с этим Ленин 2 ноября пишет «Резолюцию ЦК РСДРП(б) по вопросу об оппозиции внутри ЦК», в которой констатирует полный отход Каменева и его единомышленников от всех основных позиций большевиков. Поскольку оппозиционеры и после этого пытались навязывать партии свою линию, Ленин на следующий день пишет «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству», в котором требует их письменного отказа от подобной деятельности. Так как антипартийные демарши

оппозиционеров продолжались, то 5 или 6 ноября Ленин пишет повторный ультиматум — Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину, требуя, чтобы они либо подчинялись решениям ЦК, либо отстранились от всякой публичной партийной деятельности и покинули «все ответственные посты в рабочем движении, впредь до партийного съезда».[35]

Логическим следствием всех этих событий было отстранение Л. Б. Каменева от поста Председателя ВЦИК и назначение на этот пост Я. М. Свердлова. Произошло это 8 ноября 1917 г. Еще раньше Каменев и др. вышли из состава ЦК партии и СНК.

Снятие Л. Б. Каменева с поста Председателя ВЦИК не привело к отстранению его от политической деятельности. Уже 27 ноября В. И. Ленин подписал Каменеву удостоверение ВЦИК, дававшее ему полномочия для участия в переговорах о заключении мира с государствами германской коалиции. Лев Борисович был в составе первой советской мирной делегации в Бресте.

Итог этим самым драматическим страницам истории взаимоотношений Ленина и Каменева подвел через три года сам Владимир Ильич. В статье «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии», опубликованной в «Правде» 7 ноября 1920 г., он писал: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Для итальянских рабочих полезно напомнить эту ошибку. Такие виднейшие большевики и коммунисты, как Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин, Милютин, проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и „социалистов-революционеров“. Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты».[36]

Есть сведения (словарь «Гранат»), что в январе 1918 г. Каменев по поручению Ленина ездил со специальной миссией в Англию и Францию. Из записки В. И. Ленина К. Б. Радеку следует, что незадолго до этой поездки Каменев встретился с Лениным и

уяснил его точку зрения на пути выхода России из войны.[37] Но совсем пока не исследованным «белым пятном» является история ареста и высылки Каменева из Англии через Финляндию, где он был интернирован, а в августе 1918 г. обменен на пленных финнов.

После возвращения на родину Л. Б. Каменев какое-то время болел. Об этом свидетельствует записка ему от Владимира Ильича (конец сентября или начало октября 1918 г.), которая начинается словами: «Дорогой Л. Б.! Выздоравливайте скорее» — и кончается: «Выздоравливайте!» Речь в записке идет о пересмотре Брестского договора, об отношениях с Англией, об изменении дипломатической тактики в связи с поражением Германии.[38]

Л. Б. Каменев занимал ряд важнейших партийных и государственных постов. Он был членом Политбюро ЦК, членом ВЦИК, председателем Моссовета, затем чрезвычайным уполномоченным Совета обороны на Южном фронте, неоднократно выполнял специальные поручения В. И. Ленина.

Переписка между ними дает возможность судить об их не только официальных, но и личных отношениях. При этом надо иметь в виду, что, помимо письменных, у них бывали и личные контакты во время заседаний Политбюро, ЦК, ВЦИК, на съездах, совещаниях и конференциях. Естественно, что переписка отражает лишь небольшую часть их совместной деятельности.

Обилие опубликованных и неопубликованных записок Ленина за 1919—1922 гг. лишает нас возможности не только прокомментировать, но даже просто перечислить их. Отметим поэтому лишь тематику переписки по годам.

В 1919—1920 гг. значительное место занимает переписка по продовольственным вопросам вообще и снабжению москвичей в частности. В. И. Ленин высказал одобрение деятельности Каменева как председателя Моссовета с первых же его шагов на этом поприще.[39]

В 1921 г. нашу страну, особенно Поволжье, поразил сильнейший голод. В связи с этим Советское правительство было вынуждено пойти на переговоры с Американской администрацией помощи{49} (АРА), во главе которой стоял бывший президент США Г. Гувер. По поручению Ленина Каменев принимал активное участие в этих переговорах.[40]

В условиях гражданской войны и иностранной интервенции Советское правительство вынуждено было ввести продразверстку на сельскохозяйственные продукты. К 1921 г. стала очевидной необходимость замены ее продналогом. Мысль об этом принадлежала Ленину, но Каменев был одним из первых ее

популяризаторов. В феврале 1921 г. он написал статью о преимуществах продналога перед продразверсткой, предложив напечатать ее в «Правде». Секретарь ЦК Н. Н. Крестинский усомнился в целесообразности ее публикации и обратился за советом к В. И. Ленину. 16 февраля Ленин ответил Крестинскому: «Я статьи не видал, но, полагаясь на Каменева (что *вредного* он не рекомендовал бы), подаю голос за то, чтобы ***печатать завтра***». [41] В эти же дни Ленин и Каменев обменялись записками относительно объявления о продналоге весной 1921 г.[42] 25 марта 1921 г. Политбюро постановило создать комиссию по разработке практических мероприятий по проведению продналога, а 29 марта СНК утвердил Л. Б. Каменева председателем этой комиссии.

Свою оценку роли Каменева в деле подготовки и проведения продналога В. И. Ленин дал в докладе 9 апреля 1921 г.: «Товарищи, по вопросу о продовольственном налоге и об изменении продовольственной политики, а также об экономической политике Советской власти, приходится слышать самые различные мнения, которые порождают много недоразумений. Позвольте мне, по соглашению с т. Каменевым, так разделить наши темы, что на его долю придется изложить только что вышедшие законы во всех их подробностях. Это будет тем более целесообразно, что тов. Каменев был председателем комиссии, которая была назначена сначала ЦК нашей партии, а затем подтверждена Совнаркомом и которая в целом ряде совещаний с представителями заинтересованных ведомств выработала все законы, изданные за последнее время».[43]

На X съезде партии (8—16 марта 1921 г.) было принято решение о новой экономической политике, основы которой Ленин разрабатывал еще с 1918 г. Его письма и выступления дают возможность уяснить степень участия Л. Б. Каменева в разработке и реализации нэпа.

Ввиду того что на местах не всем была ясна суть новой экономической политики, возникла необходимость экстренно созвать X Всероссийскую конференцию РКП(б) 26 мая 1921 г. С докладом о продналоге и с проектом резолюции по вопросам новой экономической политики выступил В. И. Ленин. Каменев сделал доклад о кооперации.

Во исполнение решений конференции был проведен ряд практических мер, в частности создана специальная комиссия во главе с Каменевым по выработке тезисов о проведении нэпа. Получив и изучив эти тезисы, В. И. Ленин 21 июля 1921 г. написал Каменеву: «Предлагаю следующие поправки к Вашему черновому наброску тезисов о проведении в жизнь экономической

политики». Далее следовало семь поправок. 9 августа тезисы с учетом ленинских поправок были приняты пленумом ЦК и в тот же день утверждены СНК как «Наказ СНК о проведении в жизнь новой экономической политики».[44]

В ЦПА хранится ряд записок и материалов, расширяющих наши знания о работе Каменева над реализацией этого наказа.[45] Не имея возможности изложить их содержание, отметим лишь следующий факт.

В середине ноября 1921 г. Ленин подготовил к печати брошюру «К вопросу о новой экономической политике (Две старые статьи и одно еще более старое послесловие)» и до публикации послал ее Каменеву. Прочитав брошюру, Лев Борисович написал Ленину записку (она не опубликована), в которой не советовал публиковать предисловие к ней. На записке Ленин сделал помету: «Согласен. Я должен послать в типографию».[46]

С января 1922 г. Ленин вплотную занялся подготовкой к Генуэзской конференции, на которой формально речь шла об экономических, а в действительности — о политических вопросах, связанных с отношениями РСФСР и капиталистического мира. Уже в самом начале работы над этими вопросами Ленин решил привлечь в помощь себе ряд лиц, в том числе Каменева. Его помощью и консультацией Ленин пользовался начиная с января по май 1922 г.[47]

Изучение переписки В. И. Ленина позволяет узнать о поручениях, которые он давал Каменеву по вопросам внешней политики нашей страны вообще и отношений с Англией в частности.

Потерпев поражение в своих попытках свергнуть Советскую власть в период гражданской войны и иностранной интервенции, английское правительство оказалось вынужденным в 1920 г. приступить к экономическим переговорам с РСФСР.

9 июля 1920 г. Л. Б. Каменев написал письмо о характере англо-русских переговоров, в котором предлагал использовать их «в самом широком агитационном духе», раскрыв всю историю интервенции Англии против Советской России. Чичерин поддержал Каменева и предложил использовать переговоры для разоблачения Англии. Делать это предлагалось, «не срывая переговоров и в мягком тоне, — преподнести Ллойд Джорджу историю английского грабительства в мировом масштабе».

Ознакомившись с этим письмом, Ленин написал 10 июля Каменеву и Чичерину:

«План товарища Каменева в корне неправилен. С Англией дело *только* торговое. Чичерин не прав. В Англию надо послать

только „купца“: дают за $2^1/_4$ коп., сторгуй за $1^3/_4$ коп.

Разоблачения тут вредны. Это не 1918 год. Есть на то Коминтерн. Все доводы Каменева = доводы *против* его поездки. ‹…›

P. S. Назначим пока Красина, Воровского и еще 2—3 помощников».[49]

11 июля 1920 г. секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский сообщил В. И. Ленину, что Чичерин настаивает на том, чтобы руководителем советской делегации, направляемой в Англию, был Каменев, а не Красин. На этом письме Ленин написал: «Согласен: Каменева — председателем, Красина — зам. председателя».

Между тем в тот же день министр иностранных дел Англии Керзон направил Советскому правительству телеграмму, в которой на определенных условиях предлагал посредничество в переговорах с Польшей и Врангелем. В. И. Ленин отнесся к этому предложению недоверчиво, подозревая, что нота Керзона «сплошное жульничество ради аннексии Крыма».[50]

13 или 14 июля Каменев написал письмо Ленину с изложением своей тактики по отношению к Англии в связи с нотой Керзона. Содержание этого письма неизвестно. Накануне отъезда Каменева в Англию Ленин передает ему 17 июля из Горок телефонограмму, содержащую своеобразную инструкцию о том, что и как он должен там делать. Из пяти пунктов этой инструкции один, последний, содержит такую просьбу: «Мне лично прошу прислать: 1 — хорошие новейшие справочники и сводные статистические издания, географические, политические и экономические, особенно на английском и французском языках, которые легче достать в Лондоне, и 2 — два хороших термоса».[51] В тот же день Ленин передает Каменеву еще одну телефонограмму, в которой просит его взять с собой русский и английский экземпляры своей книги «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и просить видного деятеля русского и международного движения Ф. А. Ротштейна, находившегося в Англии, сделать необходимые исправления в английском переводе книги.[52]

18 июля Ленин подписал на французском и русском языках полномочия Л. Б. Каменеву и другим членам делегации на право ведения переговоров с Англией и другими странами. Случилось, однако, так, что по причине событий на польско-советском фронте Англия отказалась тогда вести торговые переговоры с нашей страной и миссия Каменева была отложена до августа.

Не имея возможности осветить деятельность Каменева в Англии, отметим лишь, что Ленин оценил ее положительно.[53]

Укажем еще, что миссия Каменева в Англию сыграла важную роль не только для налаживания советско-английских отношений, но и для заключения перемирия с Польшей 12 октября 1920 г., а затем и мирного договора с этой страной в марте 1921 г.

Интересные подробности о миссии Каменева в Лондон Ленин рассказал 2 октября 1920 г., выступая на съезде рабочих и служащих кожевенного производства.[54] Речь эта была опубликована 9 и 10 октября 1920 г. в двух номерах «Правды». Одна любопытная деталь. Вскоре после своего возвращения из Англии Каменев опубликовал в газете «Петроградская правда» статью о результатах поездки советской делегации, не согласовав эту публикацию с Наркоминделом. В связи с этим Г. В. Чичерин обжаловал действия Каменева. «Необходимо, — писал Чичерин, — принять решительные меры. Наша цензура должна быть абсолютно обязательной, — это постановлялось, но нарушение этого проходит безнаказанно».[55] По этому поводу Ленин написал записку Каменеву такого содержания: «Не стану читать. Я уже не первый раз *писал* Чичерину: довольно *воркотни,* вносите в Цека ***деловые*** предложения».[56]

Историкам предстоит еще изучить и проанализировать письма и записки В. И. Ленина Л. Б. Каменеву как председателю Моссовета. Многие из них иллюстрируют состояние Москвы в те годы.

В июле 1919 г. Ленин писал Каменеву: «12 или 13 приезжает Горький. Можете ли распорядиться дать ему ***дров?***»[57]

В 1921 г. в Москву приехал французский социалист журналист Анри Гильбо, который написал Ленину несколько писем с жалобами на всякого рода неурядицы житейского характера. 29 ноября 1921 г. Ленин получил очередное письмо от Гильбо с жалобой, что ему до сих пор не доставили обещанных дров. Владимир Ильич в тот же день пишет записку следующего содержания (она впервые опубликована в 11-м томе Биохроники):

«Тов. Каменев! Очевидно, Ваше распоряжение о дровах для т. Гильбо не выполняется. Кормят обещаниями. Тов. Гильбо жалуется. На квартире у него 0°. Нужно отдать под суд виновного в неисполнении Вашего распоряжения и добиться, чтобы *сегодня* тов. Гильбо были доставлены дрова.

Тов. Каменев! *Пожалуйста,* обратите внимание. Приказали Вы, да или нет? Кому? За неисполнение *Вашего* приказа *кого* посадить?»

На заседании СНК 21 января 1920 г. рассматривалась записка Каменева о необходимости расчистки московских улиц. Он предлагал использовать для этого части Московского гарнизона. Ленин полностью поддерживал это предложение.[58]

Для характеристики отношений Ленина и Каменева несомненный интерес представляет письмо, написанное 24 апреля 1921 г. и впервые опубликованное в 1965 г.: «Т. Каменев! Дети Инессы Арманд обращаются ко мне с просьбой, которую я усердно поддерживаю: 1) Не сможете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд? 2) То же — о небольшой плите или камне? Если можете, черкните мне, пожалуйста, через кого (через какие учреждения или заведения) это Вы сделали, чтобы дети могли туда дополнительно обратиться, проверить, дать надписи и т. п. Если не можете, черкните тоже, пожалуйста: может быть, можно приватно заказать? или, может быть, мне следует написать куда-либо, и не знаете ли, куда? Ваш *Ленин*».[59]

16 ноября 1921 г. Ленин отправил ряд писем (не разысканных до сих пор), в том числе М. И. Ульяновой, Л. Б. Каменеву и А. А. Арманду (сыну И. Ф. Арманд). Можно предположить, что и в них шла речь об увековечении памяти Инессы Федоровны Арманд.[60]

Иногда Ленину приходилось заниматься конфликтными делами Каменева.

В начале 1920 г. возник конфликт между Л. Б. Каменевым как председателем Моссовета и А. В. Луначарским как наркомом просвещения в связи с решением Моссовета о закрытии некоторых театров в Москве. Каменев пожаловался Ленину на Луначарского, обвиняя последнего в «интриганстве». Владимир Ильич отверг эти обвинения. «Театральная» тема нашла свое отражение и в других документах.[61] Конфликт между Каменевым и Луначарским принял, очевидно, чрезмерно личный характер. Известно, что 27 января 1920 г. Политбюро, в числе прочих вопросов, рассматривало записку А. В. Луначарского, где он выступал против назначения О. Д. Бронштейн (сестры Каменева, жены Троцкого) на пост заведующей художественным подотделом Моссовета.

Специального освещения требует история помощи Л. Б. Каменева в издании ленинских работ.

Выше уже приводились данные о роли Каменева в подготовке и издании сочинений Ленина «За 12 лет». Мы помним также, что в своей записке накануне Октября Ленин просил его позаботиться об издании своей книги «Государство и революция». После революции Каменев начал работу по изданию Собрания сочинений В. И. Ленина. Это 1-е издание вышло в 1920—1926 гг., оно состоит из 20 томов (26 книг). При всем его несовершенстве 1-е издание представляет большой интерес и сейчас. Важно подчеркнуть, что при его подготовке Каменев пользовался

консультацией самого Владимира Ильича.

Незадолго перед смертью В. И. Ленин передал Каменеву свой личный архив, который стал впоследствии базой Института Ленина (предшественника ИМЛ при ЦК КПСС), первым директором которого был Л. Б. Каменев. Он же принял самое большое участие в редакционной подготовке и публикации 2-го и 3-го изданий Собрания сочинений В. И. Ленина, также не потерявших научного значения до настоящего времени.

В январе 1922 г. В. Д. Бонч-Бруевич, организовавший в это время издательство «Жизнь и знание», просил Владимира Ильича разрешить ему издание ряда его работ, на что Ленин 18 января ответил: «К издательским предприятиям Вашим отношусь с большим скептицизмом. В частности, о моих вещах прошу запросить т. Каменева, ибо я заняться этим вопросом не в состоянии». В тот же день Ленин написал Каменеву: «Посылаю Вам копию моего письма к Бонч-Бруевичу и добавляю, что если Вы разрешите издание моих вещей, согласно просьбе Бонч-Бруевича и моему ответу ему, то возьмите это всецело на Вашу ответственность».[62] К помощи Каменева Ленин прибегал и в тех случаях, когда речь шла об издании работ Маркса — Энгельса.

Известно, что Ленин был инициатором издания трудов Г. В. Плеханова. В 1964 г. впервые опубликовано следующее постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 27 апреля 1922 г.: «Поручить т. Каменеву переговорить с т. Тером{50} и осуществить издание революционных сочинений Плеханова в одном сборнике».[63]

В письмах и выступлениях В. И. Ленина можно встретить весьма положительные отзывы о работе Л. Б. Каменева. Выступая 20 ноября 1922 г. на пленуме Московского совета, Ленин, в частности, сказал: «Мне пришлось также очень значительную долю работы, которую я вначале, как вы помните, взвалил на тов. Цюрупу, а потом на тов. Рыкова, еще дополнительно взвалить на тов. Каменева. И надо сказать, что на нем, выражаясь сравнением, которое я уже употребил, оказалось внезапно два воза. Хотя, продолжая то же сравнение, надо сказать, что лошадка оказалась исключительно способной и ретивой».[64]

Высокую оценку деятельности Каменева мы находим в выступлениях Ленина на XI съезде партии и других. Вместе с тем, как мы видели, Ленин неоднократно и нелицеприятно критиковал Каменева.

Напомним, что в ленинском «Письме к съезду» (запись 24 декабря 1922 г.) есть такие слова: «…октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но ‹…› он также мало может быть ставим им в вину лично, как

небольшевизм Троцкому».[65]

В связи с резким ухудшением здоровья Ленина в 1922 г. и категорическим требованием врачей и ЦК свести его работу до минимума было решено сначала назначить Л. Б. Каменева заместителем председателя Совнаркома, а затем и председателем Совета труда и обороны (СТО).

После этого личные и письменные контакты между Лениным и Каменевым еще больше возросли. По нашим подсчетам, с января по декабрь 1922 г. Владимир Ильич лично принимал Каменева до тридцати раз.

Приведем только перечень данных, имеющихся на этот счет в Биохронике:

Ранее 11 февраля 1922 г. Ленин пишет: «Лидия Александровна!{51} На среду мне, пожалуйста, 12—1 Сталин и Каменев».

17 марта. Ленин беседует по телефону с Л. Б. Каменевым по поводу телеграмм одного из лидеров II Интернационала Э. Вандервельде с требованием отложить судебный процесс над эсерами.

21 марта. Ленин диктует по телефону (в 22 час. 35 мин.) секретарю М. И. Гляссер текст письма Л. Б. Каменеву о своей работе над политическим докладом ЦК РКП(б) XI съезду партии.

(В связи с первым приступом болезни, приведшим к частичному параличу правой руки и правой ноги, а также к расстройству речи, врачи резко ограничили деятельность и контакты Ленина. Более или менее регулярные его контакты начинаются только в июле. 13 июля Ленину разрешили прогулки в саду и парке.)

14 июля в 12 час. он принимает Каменева и беседует с ним в течение полутора часов о работе ЦК, состоянии финансов, видах на урожай и о других делах.

Между 28 июля и 3 августа беседует с Каменевым и другими о подготовке XII партийной конференции[66] (этот факт не упоминается в Биохронике).

(11 сентября 1922 г. консилиум профессоров разрешает Ленину с 1 октября приступить к работе.)

13 сентября. Беседует с Каменевым в течение двух часов о возможности установления экономических связей с деловыми кругами Америки.

10 октября. Беседует с 12 час. с заместителем председателя СНК и СТО Каменевым.

16 октября утром принимает Каменева.

17 октября с 12 до 13 час. 40 мин. совещание со Сталиным и Каменевым.

20 октября. С 21 час. беседует с Каменевым.

24 октября. С 12 час. принимает Каменева. В тот же день, вторично, беседует с Каменевым, врачом Кожевниковым и проф. Крамером.

25 октября с 20 час. беседует с Каменевым о мерах стабилизации курса бумажных денег.

Не позднее 26 октября пишет заметку с Каменевым о Красине.

29 октября. Беседует с 13 час. 20 мин. с Каменевым о смете военного ведомства.

1 ноября утром — совещание с Каменевым и Сталиным.

8 ноября вечером принимает Каменева.

10 ноября с 13 час. 30 мин. до 14 час. беседует с Каменевым.

13 ноября с 19 час. 30 мин. принимает Каменева.

14 ноября с 17 час. 20 мин. беседует с Каменевым.

15 ноября с 21 час. до 21 час. 20 мин. принимает Каменева.

17 ноября принимает Каменева.

21 ноября с 11 час. 30 мин. принимает Каменева.

С 21 час. 15 мин. до 22 час. 45 мин. — то же.

22 ноября с 22 час. — то же.

24 ноября с 17 час. 15 мин. беседует с Каменевым.

29 ноября. Беседует с Каменевым о строительстве и ремонте военно-морских судов.

2 декабря 1922 г. с 20 час. до 21 час. 30 мин. беседует с Каменевым.

12 декабря с 12 до 14 час. беседует с Каменевым.

В ночь с 22 на 23 декабря состояние здоровья Ленина ухудшается. После совещания 24 декабря 1922 г. Бухарина, Каменева, Сталина и врачей принимается решение разрешить Ленину диктовать ежедневно 5—10 минут, запретить свидания и не сообщать ему никаких новостей политической жизни.

Последние из известных нам писем Ленина Каменеву датированы 5 и 6 марта 1923 г.[67] Сведений об их личных встречах после 12 декабря 1923 г. у нас нет.

10 января 1925 г., в канун годовщины со дня смерти В. И. Ленина, Л. Б. Каменев выступил с докладом на собрании Московского городского комитета РКП(б). Этот свой доклад он начал такими словами:

«Владимир Ильич на грани новой всемирно-исторической эпохи возглавил трудящееся человечество в его борьбе за лучшее будущее. Это лучшее будущее представлялось Владимиру Ильичу как коммунизм. Что это такое, что собственно имел в виду Владимир Ильич, когда звал нас вести мировой пролетариат и все угнетенное человечество к борьбе за коммунизм? Если вы

развернете сочинения Владимира Ильича и будете искать в них детального описания того общества, того строя, за который он боролся, — вы этой детальной картины там не найдете. Так же, как и все подлинные революционеры, Владимир Ильич не любил рисовать картин будущего строя; он знал, что этот будущий строй сложится в результате усилий десятков и сотен миллионов людей и что предугадать детали этого общества невозможно. ‹…› Но основные черты этого будущего, единственного будущего, которое может освободить человечество от ярма всяческого рабства, были ясны Владимиру Ильичу и они ясны нам: — и это именно те черты, которые способны вдохновить миллионы на борьбу и ради которых миллионы действительно борются».[68]

Это живые, нехрестоматийные слова о Ленине и ленинизме. Они зовут к революционному творчеству.

Г. Е. Зиновьев

Григорий Евсеевич Зиновьев принадлежал к числу тех виднейших представителей старой ленинской гвардии, которых Сталин особенно ненавидел и боялся. Ненавидел из-за их многолетней близости к Ленину, из-за их дружбы с Ильичем, коей сам был лишен, боялся приоритетного, уникального знания ими правды о всех важнейших событиях истории партии и революции, в которых многие из них играли роль несравненно более значительную, чем он сам.

Это, очевидно, и явилось одной из причин того, что Г. Е. Зиновьев был фальсификаторски опозорен и злодейски убит уже осенью 1936 г., в преддверии массированного сталинского удара по всей партии, нанесенного в следующем году.

И поэтому же в течение десятилетий сталинского самовластья казненные соратники В. И. Ленина, в том числе Г. Е. Зиновьев, методично и непрестанно клеймились как политические и уголовные преступники, как враги народа, враги Ленина и ленинизма.

Этой заданной Сталиным инерции надругательства частично хватило и на годы брежневского безвременья, когда Зиновьева и его товарищей уже не обвиняли в шпионаже и террористических диверсиях, но продолжали третировать как врагов Ленина и партии.

И только сейчас, в свете решений XXVII съезда КПСС, наступило время восстановления исторической правды и

справедливости.[1]

В очерке сделана попытка осветить отношения В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева на протяжении 20 лет их знакомства, дружбы и совместной работы, основываясь главным образом на их переписке.

Переписка Ленина и Зиновьева не была еще предметом специального исследования и таит в себе много нераскрытого, неясного. Мы ограничимся, естественно, лишь имеющимися в нашем поле зрения данными.

Сейчас известно около 200 писем, телеграмм и записок Ленина Зиновьеву. Установлено, что не менее 19 писем до сих пор не обнаружено. Из почти 100 писем дореволюционного периода в 4-м издании Сочинений В. И. Ленина опубликовано менее десяти, поскольку при Сталине старались замолчать почти все, что освещало подлинное отношение Ленина к его оклеветанному соратнику.

Большая часть этих писем впервые опубликована в Полном собрании сочинений В. И. Ленина (5-е изд.). По данным ленинской Биохроники, изданной в 1970—1982 гг., в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС обнаружены еще многие неопубликованные письма и записки Ленина Зиновьеву.[2] Но до сих пор недоступны исследователям многие десятки, а может быть, и сотни писем и записок Зиновьева Ленину, которые могли бы существенно расширить наши историко-партийные знания.

Перед тем как перейти к анализу ленинских писем, напомним некоторые страницы биографии Григория Евсеевича Зиновьева (Радомысльского).

Родился в 1883 г. в семье владельца молочной фермы в г. Елисаветграде на Украине. С конца 90-х гг. начал изучать марксизм, а в 1901 г. вступил в социал-демократическую организацию своего города. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам и проводил активную революционную работу в их рядах. Подвергался преследованиям со стороны царских властей. Уехал за границу, где несколько лет обучался в Берлинском университете, одновременно ведя партийную работу.

В 1903 г. Зиновьев лично познакомился с Лениным, и не позднее следующего года началась их переписка, практически продолжавшаяся всю жизнь.

С началом революции 1905—1907 гг. Зиновьев вернулся в Россию, вел большую работу как член Петербургского комитета РСДРП. За Московской заставой он был хорошо известен как агитатор *Григорий Московский*. В 1907 г. Зиновьев — делегат V съезда РСДРП, на котором вошел в состав ЦК и Большевистского

центра. Вместе с Лениным он участвует в ряде большевистских изданий и является одним из редакторов газеты «Социал-демократ». После очередного ареста в 1908 г. в Петербурге Г. Е. Зиновьев вслед за В. И. Лениным уезжает в эмиграцию.

Н. К. Крупская вспоминала: «Приехали из России Зиновьев и Лилина.{52} У них родился сынишка, занялись они семейным устройством».[3]

Поражение первой народной революции в России и наступление реакции поставили перед большевистской партией новые задачи: сохранение нелегальной организации, укрепление связей партии с массами, накопление сил, подготовка новой революции. Решение этих задач усложнялось борьбой против меньшевиков-ликвидаторов и отзовистов — «ликвидаторов наизнанку», как назвал их В. И. Ленин. Борьба принимала тем более острый характер, что против Ленина и большевиков выступили их противники на международной арене. Сразу после приезда в Швейцарию Зиновьев активно включается в эту ожесточенную борьбу. В августе 1908 г. меньшевики предприняли настойчивую попытку ликвидировать ЦК и сорвать созыв партийной конференции. В борьбе против ликвидаторов партии Зиновьев активно помогал Ленину, о чем свидетельствуют впервые опубликованные в 1933 г. материалы Пленума ЦК РСДРП, состоявшегося 11—13 (24—26) августа 1908 г.[4]

В декабре 1908 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская переезжают в Париж, куда вскоре приехали и Зиновьевы. 21—27 декабря 1908 г. (3—9 января 1909 г.) там состоялась V Общероссийская конференция РСДРП. Важнейшим ее результатом было осуждение ликвидаторства. На Пленуме ЦК, состоявшемся после конференции, было принято решение о том, что «Социал-демократ» становится общим органом партии. В редакцию газеты от большевиков вошли В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев.

Важную роль в борьбе против ликвидаторства сыграла газета большевиков «Пролетарий», в которой Зиновьев принимал самое активное участие, являясь одним из ее редакторов и подписывая вместе с Лениным некоторые официальные редакционные документы.[5]

В апреле 1909 г. между редакцией «Пролетария» и историком М. Н. Покровским возник конфликт, в котором некоторые большевики (например, И. Ф. Дубровинский) винили редакцию. В связи с этим Ленин писал Дубровинскому: «Пусть мы сделали с Покровским ошибку (я готов это допустить и вину всецело взять на себя, ибо уговорил Григория я)…».[6]

Летом 1909 г., отдыхая вместе с Надеждой Константиновной в Бомбоне, Ленин регулярно писал Зиновьеву, инструктируя его

насчет «Пролетария» и «Социал-демократа», давая советы, рассказывая о планах своих статей. Есть в этих письмах очень ценные характеристики некоторых людей, в том числе Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Д. Б. Рязанова и др. Владимир Ильич рекомендует Зиновьеву написать статьи по ряду вопросов и помогает ему в их подготовке.

В Бомбоне Ульяновы пробыли немногим больше месяца, и за это время Ленин написал Зиновьеву не менее четырех писем.

Из письма Ленина ученикам Каприйской школы, написанного в Бомбоне, видно, что они приглашали на Капри в качестве лектора не только его, но и Зиновьева.[7] Из писем Ленина 1909—1910 гг. явствует, что он был солидарен с Зиновьевым в решении большинства вопросов.[8]

Важным событием в деле борьбы партии против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов явилось расширенное совещание редакции газеты «Пролетарий», состоявшееся 8—17 (21—30) июня 1909 г. в Париже. Совещание проходило под руководством В. И. Ленина, который его подготовил и написал тексты основных документов. Г. Е. Зиновьев занял здесь примиренческую политику по отношению к Троцкому. Это, в частности, выражалось в том, что он и Л. Б. Каменев добивались, чтобы органом ЦК была признана венская газета Троцкого «Правда». Совещание приняло предложение Зиновьева: договориться с Троцким о превращении его газеты в орган ЦК. В связи с этим В. И. Ленин писал Зиновьеву 11 (24) августа 1909 г.: «Насчет *„Правды“* читали ли Вы письмо Троцкого к Иноку?{53} Надеюсь, убедились, если читали, Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер *типа* Рязанова и К°».[9]

В январе 1910 г. в Париже состоялся пленум ЦК, на котором разгорелась ожесточенная борьба по ряду вопросов, в частности об отношении к Троцкому. На этом пленуме взгляды Ленина и Зиновьева также разошлись. Однако оба они были избраны в состав редакции «Социал-демократа», и разногласия не мешали им совместно работать, причем Ленин поручал Зиновьеву важнейшие дела как теоретического, так и практического плана.

В конце августа — начале сентября 1910 г. Ленин и Зиновьев принимали участие в работе Международного социалистического конгресса в Копенгагене (VIII конгресс II Интернационала). В это время состоялось совещание с Плехановым и другими, на котором решено было издавать популярный заграничный орган — «Рабочую газету».[10]

Примерно в это же время В. И. Ленин при участии Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева написал письмо историку и идейному руководителю ликвидаторства Н. А. Рожкову с

критикой его взглядов.[11]

Г. Е. Зиновьев оказал Ленину большую помощь в подготовке и проведении VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, которая открылась 5 (18) января 1912 г. и продолжалась 12 дней. По своей значимости конференция соответствовала съезду. Сообщая о ней А. М. Горькому в феврале 1912 г., В. И. Ленин писал: «Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами».[12] Ленин присутствовал на конференции в качестве делегата от центральных организаций и заграничных учреждений партии, а Зиновьев — от Московской организации. Оба они были избраны членами ЦК и вошли в состав редакционной коллегии «Социал-демократа».

Еще до Пражской конференции Ленин организовал партийную школу в местечке Лонжюмо под Парижем. Летом 1916 г. туда приезжают Ульяновы и Зиновьевы. Н. К. Крупская приводит в своих воспоминаниях такой факт: «…нянька-француженка, которую Зиновьевы взяли к своему трехлетнему сынишке, держалась тех же взглядов, и когда мальчонка стремился проникнуть в парк замка, находившегося рядом с Лонжюмо, она ему объясняла: „Это не для нас, это для господ“. Мы очень потешались над малышом, когда он глубокомысленно повторял это изречение своей нянюшки».[13] Из этих воспоминаний мы узнаем, что Зиновьев вел в партийной школе курс истории РСДРП.

Летом 1912 г. Ленин решил переехать из Парижа в Краков, чтобы быть ближе к России и оперативнее руководить революционным движением и газетой «Правда». Вместе с Ульяновыми туда переехали и Зиновьевы. Вначале они жили в одном доме, потом Зиновьевы поселились рядом (Ульяновы жили на ул. Любомирского, в д. 47, а Зиновьевы — в д. 35). Надежда Константиновна приводит в своих воспоминаниях много любопытных деталей их повседневной жизни в Кракове, рассказывает о быте и настроении местных жителей. Жена Зиновьева З. И. Лилина помогала им знакомиться с городом и его жителями, так как знала польский язык.

Годы жизни бок о бок сдружили Владимира Ильича и Григория Евсеевича. Ленин постоянно помогал Зиновьеву в работе над статьями, которые тот, как и Владимир Ильич, писал для «Правды», «Социал-демократа» и других изданий. На лето они вместе ездили на дачу, совершали прогулки. За время с сентября 1909 г. по июль 1914 г. не имеется ни одного письма Ленина Зиновьеву. Живя рядом, они, естественно, не переписывались, и потому многие детали их общения мы узнаем из писем Ленина

разным людям и из сохранившихся писем Зиновьева. Много интересных фактов об их общении приводится в ленинской Биохронике.

Письма Ленина и другие источники дают основание утверждать, что в период совместной работы в Польше они в основном были солидарны. Из письма к И. Ф. Арманд, написанного в апреле 1914 г., видно, что Ленин и Зиновьев имели единую точку зрения на немецких оппортунистов.[14] Ей же он сообщал о своем согласии с Зиновьевым и по другим вопросам.

О том, что Ленин высоко ценил Зиновьева как теоретика партии, говорит следующий факт. В самом начале 1913 г. Владимир Ильич получил письмо от известного писателя и библиографа Н. А. Рубакина с просьбой написать для его издания «Среди книг» статью с изложением сути большевизма и приложением библиографии. Ленин написал статью (заметку) «О большевизме», где имеются такие строки: «Главные писатели-большевики: Г. Зиновьев, В. Ильин,{54} Ю. Каменев, П. Орловский{55} и др.»[15] О положительном отношении Ленина к теоретическим работам Зиновьева этого периода свидетельствуют также его одобрительные отзывы на статью Зиновьева «О том, как бундисты разоблачили ликвидаторов»[16] и некоторые другие.

Бывали ли у них в эти годы разногласия? Несомненно. Но, как нам кажется, по вопросам скорее частным, чем общим, принципиальным. В качестве примера укажем на разногласие в том, стоит ли приглашать в число лекторов намечавшейся в Поронине партийной школы Г. А. Алексинского — отзовиста, организатора антипартийной группы «Вперед». Зиновьев был за приглашение, Ленин — против.[17]

В конце июля 1914 г. В. И. Ленин по провокационному обвинению был арестован. Зиновьев так вспоминал об этом событии: «И сидел тов. Ленин в тюрьме в Галиции, где в начале войны и был арестован австрийским правительством по обвинению — ни больше, ни меньше — как в военном шпионаже. Он сидел в деревне Новый Тарг, недалеко от Кракова, и мы его там навещали. Он сразу стал любимцем всей тюрьмы, где отбывали наказание несколько крестьян и с десяток уголовных преступников. И вот все эти люди сошлись на том, что сделали Ленина чем-то вроде своего старосты, и Ильич с величайшей готовностью отправляется, под конвоем тюремной стражи, покупать для всей этой компании махорку. В то же время он разъяснял арестованным местные законы, которые изучил по книжкам, стремясь помочь темным поселянам выбраться из поглотившей их долговой ямы. И галицийские мужики сразу

полюбили Ленина за бодрость духа, за силу воли, за готовность помочь им и за ласку к простому человеку».[18]

После освобождения из галицийской тюрьмы в августе 1914 г. Ленину удалось выехать в Швейцарию, где он прожил до марта 1917 г. В течение этого периода ему пришлось вести большую теоретическую и практическую работу, связанную с разразившейся мировой войной и новыми явлениями в революционном движении в России и на международной арене. Много сил пришлось потратить на борьбу с лидерами II Интернационала, с международными оппортунистами всех оттенков, не говоря уже о продолжавшейся борьбе с меньшевиками и различными оппортунистическими группами в русском революционном движении. Важной составной частью деятельности В. И. Ленина в это время являлось руководство изданием журнала «Коммунист», газет «Социал-демократ», «Правда» и др.

В. И. Ленин взял на себя руководство борьбой большевиков на международных конференциях и выступил с предложением о создании нового, III Интернационала. К этому периоду относится подготовка и издание ряда ленинских теоретических работ об империализме, по национальному вопросу и др. Отражением многогранной деятельности Ленина явились многие десятки работ, ныне опубликованные в его Полном собрании сочинений. Значительно расширяют эти сведения многочисленные письма Владимира Ильича Зиновьеву и о нем; они также позволяют еще больше расширить наши представления об их отношениях в этот период.

Г. Е. Зиновьев приехал в Швейцарию вскоре после Ленина. В сентябре 1914 г. Владимир Ильич сообщал разным адресатам: В. А. Карпинскому 6 сентября в Женеву: «Зиновьев тоже приедет»; И. Ф. Арманд до 28 сентября в Лез-Аван: «Григорий с семьей приехал. Остаемся в Берне»; Я. С. Ганецкому 28 сентября в Поронин: «Григорий с семьей уже давно здесь и кланяется Вам».[19]

С сентября 1914 г. по март 1917 г. Ульяновы и Зиновьевы, живя или в одном, или в разных городах Швейцарии, находились в самом тесном контакте. Об этом можно судить хотя бы по тому, что за период их коротких разлук в 1915—1916 гг. Ленин написал Зиновьеву не менее 100(!) писем и записок, часть которых до сих пор не разыскана. Письма эти дают основание утверждать, что, помимо деловых, между ними существовали и добрые личные отношения. В ленинских письмах то и дело встречаем такие строки: «За вишни все благодарят сугубо!»; «Надеюсь, грибы дошли хорошо?»; «Что же это Вы хвораете? Обязательно поехать к

Сали{56} и соблюдать все строжайше! Покажите это Зине».[20]

Жена Зиновьева З. И. Лилина, член РСДРП с 1902 г., сотрудничала в газетах «Звезда», «Правда», журнале «Работница». Во время войны ведала транспортировкой большевистской литературы и являлась секретарем Бернской секции большевиков. Многократно выполняла поручения В. И. Ленина. Об отношении Владимира Ильича к ней свидетельствует его письмо, написанное позднее 27 июня 1916 г., в котором он сообщает, что видел ее статью «Проблема женского труда», напечатанную в газете «Berner Tagwacht», и слышал положительные отзывы о ее реферате; предлагает ей написать статью на ту же тему для «Сборника „Социал-демократа“». Письмо кончается так: «…привет Степке, {57} который, должно быть, так уже вырос, что к потолку подбросить я его не смогу!»[21] Статья З. И. Лилиной появилась в «Сборнике „Социал-демократа“» № 2 в декабре 1916 г. под названием «Очередной вопрос».[22]

Отметим одну примечательную деталь: все дореволюционные письма Ленина Зиновьеву начинались, как правило, обращением «Дорогой друг!», «Дорогой Григорий!» (или не содержали никакого обращения). Послереволюционные письма и телеграммы носили более официальный характер: «т. Зиновьев!», «тов. Зиновьеву» и т. п.

Отношения Ленина и Зиновьева определялись их совместной работой, в которой главную роль, разумеется, играл Владимир Ильич. Обычно Зиновьев принимал все указания и советы Ленина, но бывали случаи серьезных разногласий и ожесточенных споров. Оба они долгое время являлись членами редакции главных большевистских изданий, тщательно обсуждали план каждого номера журнала или газеты, советовались друг с другом и правили статьи многочисленных авторов и свои собственные. Только в сентябре 1914 г. по апрель 1917 г. через руки Владимира Ильича прошли десятки статей Зиновьева. Иногда это была обычная редакционная правка, но большей частью она выливалась в диалог, в котором спорящие отстаивали свои позиции.

Летом 1916 г. Зиновьев написал статью «Второй Интернационал и проблема войны», послал ее на отзыв и правку Ленину, но не согласился с его замечаниями и начал их оспаривать. Ранее 22 августа Ленин писал Зиновьеву: «Если хотите столковаться о намечаемых Вами разногласиях, шлите скорее еще раз Вашу статью и точные отметки, с чем Вы несогласны».[23]

Между 27 и 31 августа Ленин снова пишет ему: «Вы не прислали мне моих замечаний на Вашу статью!!! Как же я могу

без них разобраться??? Зарез! Пришлите».[24] Из хранящихся в ЦПА материалов видно, что в августе он послал Зиновьеву записку: «Верните мне мои письма и замечания по поводу Вашей статьи».

Вторично получив статью, Ленин решил прочесть ее Надежде Константиновне, которая предложила ее сократить. В связи с этим Ленин пишет Зиновьеву: «Это — Надин проект сокращений. Я прочитал статью второй раз (однажды уже читал). Решительно против сокращений. Это значит портить статью». Дальше Ленин обосновывает свой вывод, что статью пока следует отложить. «Пишите *откровенно,* — продолжает он, — как Вы относитесь к этому предложению: с точки ли зрения деловых редакторских соображений (и каких) или с точки зрения обиды? А наши споры и спевку продолжать во ***всяком*** случае ***необходимо***».[25]

Зиновьев отнесся к предложению «с точки зрения обиды», дело дошло до конфликта. В связи с этим Ленин пишет: «Ну, и договорились же Вы!! Ей-ей, не мог удержаться от улыбки. Дописались до „суда“… Право, всякий „суд“ и во всяком случае нашел бы, что объявлять „нетоварищеским“ предложение отложить статью значит делать коллегиальную работу невозможной. Счастье Ваше, что „суда“ нет, а то он Вас „засудил“ бы наверняка».[26]

Через некоторое время Ленин снова пишет Зиновьеву: «Конфликта нет: это Вам, ей-ей, „чересчур“ померещилось. Припомните (или перечтите) мое письмо: я не заявлял, что *голосую* против Вашей статьи, а только писал: „напишите откровенно“, как относитесь к такому-то плану. Вы написали. И все. Статья идет, значит».[27]

Статья Г. Е. Зиновьева «Второй Интернационал и проблема войны» была опубликована в декабре 1916 г. в «Сборнике „Социал-демократа“», № 2.[28]

Серьезный спор разгорелся и в связи со статьей Зиновьева «Пацифизм или марксизм», в которой, по мнению Ленина, Зиновьев недостаточно разоблачает соглашательскую позицию по вопросу о войне меньшевистской газеты. «С концом Вашей статьи (о „Нашем Слове“), — писал Ленин, — я не согласен. Надо во 100 раз резче напасть на „мир“ в постановке *„Нашего Слова“*. Не оправдываться („не в том дело“, „мы признаем“), а нападать: нашесловцы дают пустые фразы о „мире“, ***ища мира с социал-шовинистами***».[29]

Подобных примеров можно привести много.

В свою очередь, В. И. Ленин посылал свои статьи на отзыв Зиновьеву, и тот не всегда с ними соглашался. Как правило, Владимир Ильич отстаивал свои положения, формулировки, но

бывало и так, что принимал многие поправки.

Укажем еще, что ряд работ В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев писали вместе. Особый интерес в этом плане представляет их совместная брошюра «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)», написанная в июле — августе 1915 г.[30] Некоторое представление об их работе над брошюрой может дать такая справка: не менее чем в двадцати письмах Ленина Зиновьеву и другим лицам за эти месяцы речь идет о вопросах, связанных с ее написанием и изданием.{58}

Заметную помощь Зиновьев оказал Ленину в организации «Циммервальдской левой» — международной группы революционных социалистов, сформированной по инициативе Ленина 4 сентября 1915 г. для выработки единой линии на международной Циммервальдской конференции, выступившей против развязанной империалистической войны. Целью «Циммервальдской левой» было противостоять центристским и полуцентристским делегатам, составившим большинство конференции. В начале июля Ленин пишет Зиновьеву о необходимости тщательно подготовить все для конференции: состав делегации ЦК, переводчиков с английского и французского, уточнить место и время проведения конференции, необходимые расходы, собрать нужные документы и т. д.; спрашивает, не начать ли готовить проект манифеста. Вскоре Ленин посылает Зиновьеву свой проект.

В течение июля — августа Ленин написал Зиновьеву около десяти писем, в которых большое место занимали вопросы, связанные с «Циммервальдской левой». После окончания конференции, где Ленин и его соратники дали решительный бой центристам и полуцентристам, было создано бюро «Циммервальдской левой» во главе с Владимиром Ильичем. Зиновьев сыграл здесь заметную роль в пропаганде идей большевиков.

Циммервальдская, а затем Кинтальская конференции со всей очевидностью показали необходимость создания нового, III Интернационала, в организации которого Зиновьев позднее также сыграл большую роль.

Отмечая согласованную деятельность Ленина и Зиновьева в период подготовки и проведения международных конференций, нельзя не обратить внимание на то, что в это же время между ними происходили серьезные споры по национальным проблемам, а также по вопросу о целесообразности продолжения выпуска журнала «Коммунист» (вышел всего один сдвоенный номер в сентябре 1915 г.), относительно которого Ленин писал Зиновьеву в марте 1916 г.: «Вот мое мнение. „Коммунист“ есть

труп, и я не участвую в его оживлении. ‹…› „Коммунист“ отвечал задаче *того* времени: сплотить всех *против* социал-шовинизма и каутскианства. Теперь задача стала **иная:** на очереди ***борьба*** с „империалистическим ***экономизмом***“».[31]

Из многочисленных событий, характеризующих отношения Ленина и Зиновьева в дореволюционную пору, отметим еще одно.

В январе 1916 г. В. И. Ленин писал А. М. Горькому: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме».[32] Мыслями о своей работе Ленин поделился с Зиновьевым, а тот сообщил об этом известному историку-большевику (правда, в то время стоявшему на центристских позициях) М. Н. Покровскому. С этого времени и до издания книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» Зиновьев принимал самое живое участие в переговорах Ленина с Покровским, помогал добывать нужную литературу, участвовал в организации пересылки рукописи в Россию.

В марте 1916 г. Г. Е. Зиновьев получил письмо от М. Н. Покровского с просьбой передать В. И. Ленину предложение издать его работу об империализме в издательстве «Летопись». Между 23 и 25 марта Ленин писал Зиновьеву: «Предложение Покровского, конечно, принять. Сажусь за работу (здесь библиотека лучше, особенно по новой экономической литературе: если можно взять дня на 2 — хотя бы воскресенье — корректуру нового каталога, постарайтесь добыть для меня). Пусть Покровский *официально* ответит *мне* и Вам, что условия *приняты* (N.B. пришлите его старые письма о размере и прочем)…».[33]

2 (15) марта 1917 г. Ленин узнает о победе Февральской революции в России и в тот же день или на следующий дает телеграмму из Цюриха в Берн Зиновьеву с просьбой срочно приехать. Зиновьев приехал немедленно, о чем свидетельствует письмо В. И. Ленина А. М. Коллонтай от 4 (17) марта: «Сейчас удалось составить, вместе с Зиновьевым, первый набросок тезисов, *черновой,* очень неудовлетворительный редакционно (мы, конечно, ***так*** его не напечатаем), но дающий, надеюсь, представление об основном».[34]

Началась многотрудная подготовка к возвращению в Россию. В эти дни Владимир Ильич пишет Инессе Арманд: «Григорий был здесь, условились ехать вместе с ним».[35]

3 апреля 1917 г. с В. И. Лениным в Петроград из эмиграции возвращается и Зиновьев. 5 апреля в «Правде» и «Известиях» появилась статья «Как мы доехали». В «Правде» статья имела подзаголовок: «Сообщение, сделанное Исполнительному Комитету тт. Лениным и Зиновьевым по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии».[36]

В первые дни пребывания на родине Ленину и Зиновьеву приходилось неоднократно вместе выступать на многочисленных собраниях, совещаниях и митингах. Временное правительство и буржуазная печать развернули клеветническую кампанию против них, которая была настолько опасной, что Ленину пришлось написать от имени ЦК и ПК РСДРП специальное обращение к рабочим, солдатам и всему населению Петрограда — «Против погромщиков», которое было напечатано в «Правде» 15 апреля 1917 г.[37] Но преследования продолжались, а после июльских дней приняли такой характер, что Ленину и Зиновьеву пришлось перейти на нелегальное положение и укрыться на Карельском перешейке, у озера Разлив.

Между тем еще до этого, на VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции, выявились разногласия между Лениным и Зиновьевым по вопросу о Циммервальдском блоке. Ленин, в частности, выступил против резолюции «Положение в Интернационале и задачи РСДРП», предложенной Зиновьевым. О своих расхождениях с Зиновьевым по этому вопросу он писал 17 июня К. Б. Радеку: «„Вот бы хорошо захватить теперь Циммервальдский Интернационал“, — говорил сегодня Григорий. По-моему, это — архиоппортунистическая и вредная тактика».[38] Циммервальд изжил себя, считал Ленин, пришло время основания III Интернационала.

Однако расхождение по этому вопросу не воспрепятствовало их совместной работе. В статье «Презренные приемы», опубликованной в «Правде» 16 мая, Ленин разоблачает кадетскую газету «Речь» за клевету на большевиков вообще и Зиновьева в частности.[39]

Разногласия между Лениным и Зиновьевым чуть не привели к полному разрыву между ними, когда встал вопрос о вооруженном восстании. Известно, что Зиновьев и Каменев не только выступили против восстания, но и опубликовали в небольшевистской газете «Новая жизнь» свое несогласие с резолюцией ЦК по этому вопросу, раскрыв тем самым секретное решение партии. (Суть этого конфликта, а также неверного поведения Зиновьева и Каменева в борьбе с оппортунистическим Викжелем мы рассмотрели в очерке «Л. Б. Каменев».)

Во время и после конфликтных событий октября и ноября 1917 г. Зиновьев не отстранялся от работы, выполнял ряд партийных поручений как член ЦК РСДРП. В декабре 1917 г. он возглавил Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В период борьбы за Брестский мир Зиновьев был на стороне Ленина, однако не всегда правильно оценивал последствия и перспективы мирного договора с Германией. В протокольной

записи заседания ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г. читаем: «Тов. Ленин указывает, что он не согласен в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым. ‹…› С Зиновьевым он не согласен в том, что заключение мира на время ослабит движение на Западе».[40]

Есть основания считать, что к концу января того же года отношения Ленина с Зиновьевым вполне наладились. Одним из показателей этого, по нашему мнению, может служить записка Ленина Зиновьеву от 30 января 1918 г.[41] Об этом же говорит и следующая протокольная запись выступления В. И. Ленина на заседании ЦК 4 февраля 1918 г.: «Тов. Ленин считает, что необходимо сохранить преемственность с предыдущей делегацией, а так как одного тов. Карахана недостаточно, то очень желательно, чтобы поехали тт. Иоффе и Зиновьев».[42] Добавим, что накануне этого заседания Ленин имел беседу с Зиновьевым и Свердловым о германских условиях мира.[43]

6—8 марта 1918 г. в Петрограде, в Таврическом дворце, состоялся VII (экстренный) съезд РКП(б), который должен был принять окончательное решение о заключении мирного договора с Германией. После ожесточенной борьбы была выработана резолюция, написанная В. И. Лениным и дополненная тремя абзацами, предложенными Г. Я. Сокольниковым и Г. Е. Зиновьевым. Ленин выступил с требованием не публиковать резолюцию в печати из политических соображений, но Зиновьев внес поправку — поручить ЦК найти форму для ее публикации. В своем выступлении 8 марта Ленин отверг эту поправку.

В ЦПА имеются сведения, что 10 марта 1918 г. Ленин и Зиновьев обменялись записками о неком Игнатьеве из Николаева. Содержание записки Зиновьева пока неизвестно, но мы знаем, что Ленин сделал на ней такую запись: «Может быть, я забыл фамилию. Если это важно, пусть он зайдет в комн. 49 ко мне».[44]

С переездом Советского правительства в Москву в марте 1918 г. деловое общение Ленина с Зиновьевым, оставшимся в Петрограде, велось по телефону или с помощью писем и телеграмм. Часть этой переписки до сих пор не опубликована. У нас нет возможности даже просто перечислить все эти документы — их много десятков. В отдельные дни Ленин посылал Зиновьеву по нескольку писем или телеграмм.

Содержание переписки чаще всего касается Петрограда, культурной жизни, хозяйственной работы и т. д. Нередко в ленинских письмах выражается недовольство действиями Зиновьева и его аппарата, но часто встречаются и положительные оценки.[45]

Как пример резкой критики Зиновьева можно привести

историю попытки эвакуации из Петрограда в мае 1919 г. ряда заводов и даже потопления судов Балтийского флота в связи с ухудшением военного положения города. Совет Обороны во главе с Лениным резко осудил эти панические настроения и взял на себя контроль за действиями Комитета обороны Петрограда.[46]

Из событий 1918 г. отметим выход в Петрограде в издательстве Петроградского Совета сборника статей 1914—1916 гг.: *Г. Зиновьев и Н. Ленин. Против течения.* В сборник были включены статьи, направленные против международного оппортунизма.[47] Нет сомнений, что Владимир Ильич предварительно обсуждал с Зиновьевым выход этого сборника, но подробностей мы не знаем.

В письмах Ленина Зиновьеву в период 1918—1919 гг. часто поднимаются вопросы о судьбе отдельных лиц: могилевского архиепископа Роппа, дипломата М. Г. Лейтейзена, кадета В. И. Добровольского, рабочего Н. А. Емельянова, заслуженной революционерки В. И. Засулич и др.[48]

Значительное место в переписке занимают вопросы создания и деятельности Коминтерна.

В начале марта 1919 г. в Москве под руководством В. И. Ленина состоялся Учредительный конгресс Коминтерна. Зиновьев принимал активное участие в его подготовке и работе, а затем был избран председателем Исполкома Коминтерна. О деятельности Зиновьева на этом посту можно и следует написать особую работу. Мы укажем лишь, что именно по просьбе Зиновьева Владимир Ильич написал ряд статей для журнала «Коммунистический Интернационал».[49] В свою очередь, Ленин внимательно относился к статьям Зиновьева. В предисловии к статье Зиновьева «О численном составе нашей партии» Ленин заметил, что она «заслуживает перепечатки во всех газетах».[50]

В те дни, когда Ленин писал это предисловие, он получил письмо от Г. В. Чичерина с жалобой на Зиновьева, который, по его мнению, выступает с политически вредными публичными речами о внешней политике. В ЦПА хранится это письмо Чичерина с пометой Ленина: «Показано Зиновьеву 27/IX. В архив».[51] Сущности разногласий между Чичериным и Зиновьевым и как отнесся Ленин к этому конфликту мы не знаем.

Бывали случаи, когда Ленин публично благодарил Зиновьева за его работу. В начале октября 1919 г. Зиновьев доложил Ленину об успехах по мобилизации питерских рабочих на Южный фронт. 2 октября Ленин отправил ему следующую телеграмму: «Письмо получил. Горячо приветствую Вас и всех питерских рабочих за энергичную работу. Уверен, что доведете мобилизацию до максимальных размеров». На рукописи телеграммы, хранящейся в

ЦПА, имеется пометка Ленина: «По прямому проводу в Смольный. Сообщить мне час, в каком часу доставлено в Смольный». Укажем также, что телеграмма эта была опубликована в газете «Петроградская правда» 3 октября 1919 г.[52]

Опубликованные письма, записки и телеграммы Ленина Зиновьеву не дают полного представления об их контактах в 1920 г. И дело здесь не только в том, что многие письма еще не обнаружены или не опубликованы; надо иметь в виду, что часто Ленин и Зиновьев просто встречались и беседовали, разговаривали по телефону.

Для характеристики отношения Ленина к Зиновьеву большое значение имеют высказывания Владимира Ильича о нем в письмах и телеграммах другим лицам, а также в его устных и печатных выступлениях. Проиллюстрируем это на материалах 1920 г.

По данным Полного собрания сочинений, в течение этого года Ленин послал Зиновьеву всего четыре письма и пять телеграмм. Они касались следующих вопросов: 1) необходимости принять меры по охране библиотеки Вольно-экономического общества (28 февраля 1920 г.); 2) содействия строительству железной дороги Александров Гай — Эмба (19 марта); 3) оказания помощи академику И. П. Павлову (25 июня); 4) посылки Зиновьеву статей по вопросам Коминтерна (июль); 5) работы конгресса Коминтерна (4 июля); 6) издания работы «Империализм, как высшая стадия капитализма» (июль); 7) того же вопроса (ранее 6 июля); 8) оказания помощи профессору Г. О. Графтио (август); 9) издания нового атласа с административным делением (август).

Изучая сочинения Ленина, и особенно его переписку, можно понять, что это лишь небольшая часть дел и вопросов, которые они с Зиновьевым обсуждали письменно и устно в это время. Многие другие вопросы выявляются при знакомстве с документами ЦПА, до сих пор не опубликованными (по данным Биохроники).

В январе 1920 г. Ленин направил Зиновьеву материалы, связанные с вопросом о задержке почты по линии Москва — Петроград. Между 1 и 14 февраля Ленин отправляет ему резолюцию РВС о трудовом использовании военной флотилии. 9 марта, получив телеграмму Зиновьева с просьбой назначить М. М. Лашевича заместителем председателя Петроградской революционной армии труда, Владимир Ильич пишет на ней: «Поставим завтра в Совете Обороны». На заседании Совета Обороны это утверждение состоялось. В марте — апреле обсуждался вопрос об улучшении положения петроградской

группы работников ГОЭЛРО. В июне — о деятельности латиноамериканского бюро Коминтерна. В августе — о положении норвежских рабочих в Петрограде. Ранее 15 сентября Ленин и Зиновьев обмениваются записками по вопросу о сроке представления статьи о Серрати для журнала «Коммунистический Интернационал»[53] и т. д.

Имеются достоверные сведения о неоднократных личных встречах Ленина и Зиновьева в 1920 г.[54]

Мы еще мало знаем об их телефонных разговорах, хотя некоторые из них представляют несомненный интерес как по существу, так и с точки зрения источниковедения. Вот один лишь пример. Из «Петроградской правды» от 13 января 1920 г. мы узнаем, что не позднее 12 января Ленин подтвердил по телефону Зиновьеву, что Колчак арестован: «…захватили его чешские солдаты, давно озлобленные той ролью, которую им навязали белогвардейцы».

По телефону обсуждались и такие вопросы: о введении 35-верстной полосы вокруг Петрограда для вывоза дров; о петроградской трудовой армии; об учете и распределении оставленного белогвардейцами имущества; о получении сведений о возможном нападении Финляндии на Советскую Россию и др.[55] Все это относится только к первой половине 1920 г.

Приведем еще некоторые сведения об участии Зиновьева в издании ленинских работ.

Ранее 6 июля 1920 г. Ленин обменялся с Зиновьевым записками по вопросу о переиздании своей книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Ленинские записки опубликованы, а содержание записок Зиновьева нам известно лишь частично, благодаря комментариям редакторов Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

В. И. Ленин пишет: «Надо бы издать по-немецки (и на других языках) мою книжечку об *империализме,* ибо постоянно *стоит* основной вопрос. Ваше мнение? Если да, *кому* поручить?»

Зиновьев отвечает, что книга уже переведена в Петрограде на немецкий и французский языки и находится в стадии редактирования.

Ленин: «Я бы хотел написать новое предисловие. Когда ***крайний*** срок?»

Полного содержания ответа Зиновьева мы не знаем; известно лишь, что новое предисловие к книге было написано 6 июля 1920 г. и впервые опубликовано в октябре того же года в журнале «Коммунистический Интернационал», № 18, под заглавием «Империализм и капитализм». В своей записке Зиновьев, в частности, отметил, что «некоторая трудность получается с

цитатами (из немецких и английских изданий)».

Ленин отвечает на это: «Посадите 1—2 приват-доцентов: в лучших библиотеках найти источники. ***Найдут***».

Добавим к сказанному, что отдельные издания книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» вышли при жизни Ленина на немецком языке в 1921 г., на французском и английском (не полностью) — в 1923 г.[56]

В ЦПА имеются документы, свидетельствующие о том, что Зиновьев имел прямое отношение к изданию брошюры В. И. Ленина «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого». Из этих материалов видно, что 3 января 1921 г., в самый разгар дискуссии о профсоюзах, Зиновьев послал Ленину телеграмму об окончании набора этой его брошюры с просьбой сообщить, когда Ленин вышлет предисловие к ней, и спрашивал, настаивает ли Владимир Ильич на том, чтобы на брошюре было написано: «Только для членов партии». Ленин дал Зиновьеву утвердительный ответ по телефону, а на тексте его телеграммы написал: «В архив, сказано по телефону 4/I—1921 г.: „Только для членов РКП“. Ленин». Текст самой телеграммы он перечеркнул.{59}

В 42-м томе Полн. собр. соч. В. И. Ленина сказано, что работа печатается по тексту брошюры, сверенному со стенограммой, исправленной В. И. Лениным, и что напечатана она была в Петрограде в 1921 г.[57]

Показателем высокой оценки Лениным организаторских способностей Зиновьева может служить то, что он поручал ему важные партийные задания, выходившие за рамки повседневной работы. Когда осенью 1920 г. сложилось тяжелое положение на Южном фронте, Ленин писал Троцкому: «Необходимо, по-моему, послать и ***Каменева*** и ***Зиновьева тотчас*** на Югофронт (и в особенности в ***Конармию 1)***. Цель — *инспекция* ***политработы, подтянуть, оживить*** ее, ***ускорить*** весь темп. Иначе не переломим настроения».[58] Осенью того же года Зиновьев был послан в Германию с целью оказать влияние на развитие революционного движения в стране. По этому поводу Ленин говорил на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября: «…несомненно, приезд т. Зиновьева ускорит и углубит раскол среди „независимых“, который уже наметился. Часть отколовшихся „независимцев“ и до миллиона членов Коммунистической партии Германии составят грандиозную революционную силу».[59]

В ноябре 1920 г. на Пленуме ЦК рассматривался вопрос о необходимости составления инструкции для советских сотрудников в Германии. В «Проекте постановления Пленума ЦК

РКП(б)», написанном В. И. Лениным, читаем: «Поручить Зиновьеву составить подробную директиву Коппу{60} и другим товарищам от НКВТ и товарищам, работающим в Германии».[60]

Из писем Ленина видно, что иногда, перед тем как принять то или иное решение, он советовался с Зиновьевым.[61]

Исследуя историю отношений В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева в 1921 г., приходим к выводу, что круг обсуждаемых ими вопросов продолжает расширяться. Как и прежде, заметное место занимают дела, касающиеся собственно Петрограда. Большое значение среди них имеет недостаточно исследованное до сих пор дело о конфликте в Петроградской партийной организации осенью 1921 г. История такова.

К этому времени в Петрограде начали раздаваться голоса, обвинявшие Зиновьева в бюрократических методах руководства. В связи с этим Ленин пишет 20 сентября 1921 г. членам Политбюро ЦК РКП(б): «Зиновьев по телефону сообщает сегодня, что в Питере тяжелый партийный конфликт, разделивший, между прочим, двух членов Цека Зиновьева и Комарова. Зиновьев просит вызвать в Москву сегодня же обоих членов ЦК (Зиновьева и Комарова) и обоих кандидатов (Угланова и Милютина) для товарищеских переговоров».[62]

Это предложение было принято в тот же день. 21 сентября на заседании Политбюро была создана комиссия в составе В. И. Ленина, В. М. Молотова и И. В. Сталина для разбора конфликта в Петроградской партийной организации. Была подтверждена необходимость вызова в Москву Зиновьева и Угланова.

Однако Зиновьев, считая, что время не терпит, так как разногласия в Петрограде приняли принципиальный характер и чреваты, по его мнению, появлением «уклона», 29 сентября отправил на имя Ленина телеграмму, в которой просил прислать комиссию ЦК в Петроград. На бланке этой телеграммы Ленин написал: «Предлагаю ответить телефонограммой: „Не согласны с Вами. Письмо посылаем сегодня“».[63] И в тот же день В. И. Ленин послал письмо, впервые опубликованное в 1965 г., в 53-м томе Полного собрания сочинений:

«т. Зиновьев! Мы втроем (Молотов, Сталин и я) обсудили, как комиссия, выбранная ЦК, Ваше письмо.

По-прежнему не можем согласиться с Вами.

В Москве были крупные принципиальные разногласия, была „рабочая оппозиция“, осужденная съездом партии за „уклон“, не только московский, а общерусский, с длинной историей этого уклона.

В Питере нет никаких принципиальных разногласий, нет

даже уклона к уклону. Нет этого ни у Комарова, ни у Угланова, кои на X съезде РКП были надежнейшими, то же на съезде металлистов. Не могли эти товарищи так внезапно впасть в уклон. Ни тени фактов мы не видим, доказывающих это.

Есть законное желание большинства быть большинством и заменить ту группу, через которую Вы „управляли“ другою. Люди выросли, и уже потому их желание законно.

Не надо их толкать в уклон, говоря о „принципиальных разногласиях“. Надо осторожно осуществить *идейное* руководство, *вполне* давая новому большинству быть большинством и *управлять*. Мы уверены, что, захотев этого, Вы вполне достигнете такой цели, а „старой группе“ поможете переместиться в иной город и освежиться».[64]

Письмо это было подписано также Молотовым и Сталиным.

Приведенный документ настолько красноречив, что не требует комментариев. Однако все другие документы по этому делу хранятся в ЦПА и до сих пор не опубликованы.[65]

Заметное место в переписке 1921 г. занимают вопросы Коминтерна. Как известно, Г. Е. Зиновьев стоял у истоков его создания. Его перу принадлежит один из важнейших документов — «Основы III Интернационала», подготовленный к I конгрессу Коминтерна в 1919 г. В 1965 г. в 54-м томе Полного собрания сочинений впервые опубликованы ленинские замечания к тезисам этой работы, из которых видно, насколько тщательно Владимир Ильич отредактировал все 10 тезисов. Это особенно заметно при сопоставлении ленинских замечаний с зиновьевским текстом тезисов, которые, кстати, также впервые опубликованы в 1965 г.[66]

В. И. Ленин постоянно руководил деятельностью Зиновьева, советуя ему, поправляя и критикуя. Руководство Ленина касалось деятельности не только ИККИ в целом, но и отдельных коммунистических партий. Это можно проследить на примере подготовки «Проекта об организационном строительстве коммунистических партий, о методах и содержании их работы», написанного О. В. Куусиненом в 1921 г. для III конгресса Коминтерна. Тезисы были посланы Куусиненом Ленину в июне 1921 г. Владимир Ильич дал ряд советов и замечаний по их доработке. Из переписки видно, что Ленин несколько раз правил работу Куусинена. 11 июня он писал Зиновьеву: «Я только что прочел тезисы и $^1/_2$ статьи (реферата) Куусинена. Вернул ему с заметками. Безусловно настаиваю, чтобы реферат дали ему ***и только ему*** ((т. е. не Бела Куну)) непременно на этом конгрессе».[67] Добавим к сказанному, что исправленные Лениным тезисы были приняты с некоторыми изменениями III конгрессом

Коминтерна.

Примером критики Лениным позиции Зиновьева как председателя ИККИ может служить история с «Открытым письмом», направленным ЦК Объединенной Коммунистической партии Германии (ОКПГ) всем организациям рабочего класса Германии с призывом к борьбе против реакции и совместным действиям в этой борьбе. Зиновьев и Бухарин выступили против «Открытого письма». Ленин решительно осудил их позицию. В письме Кларе Цеткин и Паулю Леви от 16 апреля 1921 г. он писал: «Я видел только Открытое письмо и считаю его *совершенно правильной* тактикой (я осудил противоположное мнение наших „левых“, которые были против этого письма)».[68] И хотя имя Зиновьева в письме не названо, совершенно ясно, что Ленин имел в виду и его.

Критиковал Ленин Зиновьева за попустительство «левым глупостям» и в последующее время. Так, он не только подверг основательной критике проект резолюции Первого расширенного пленума Исполкома Коминтерна об участии в конференции трех Интернационалов, который был разработан Зиновьевым в феврале 1922 г., но и внес в этот проект существенные изменения. Приведем характерный отрывок из письма В. И. Ленина членам Политбюро ЦК по этому поводу: «Самое главное предлагаемое мною изменение состоит в том, чтобы вычеркнуть абзац, называющий вождей II и II$^1/_2$ Интернационалов пособниками всемирной буржуазии. Это все равно, что употреблять слово „гусак“. Совершенно неразумно рисковать срывом громадной важности практического дела из-за того, чтобы доставить себе удовольствие лишний раз обругать мерзавцев, которых мы ругаем и будем ругать в другом месте 1000 раз».[69] «Левые глупости» нашли отражение и в разработанном Зиновьевым проекте директив ИККИ делегации Коминтерна на конференции трех Интернационалов (Берлин, 2—5 апреля 1922 г.). Критикуя Зиновьева, Ленин писал, в частности: «… нашим делегатам быть архисдержанными, *пока* не потеряна надежда достигнуть цели…».[70]

Обращая внимание на критику Лениным Зиновьева, нельзя не сказать, что в то же время в ленинских статьях и письмах содержится немало и положительных отзывов о его деятельности в этот период.[71]

Владимир Ильич продолжал советоваться с Зиновьевым по самым разным вопросам. Так, в марте 1921 г., когда возникла необходимость послать делегатов X съезда РКП(б) на подавление кронштадтского мятежа, Ленин писал Каменеву и Сталину: «Сейчас говорил с Зиновьевым. Говорит: посылать стоит либо

рядовых *боевиков,* кои вольются в части, либо единицы вроде *Ворошилова* (если его можно дать), который будет очень полезен. Иного-де типа людей посылать не стоит, ибо обычный делегат будет ни к чему. ***Сообщаю к сведению это***».[72]

Советуется Ленин с Зиновьевым по вопросу о переговорах с известным издателем З. И. Гржебиным об издании за границей книг издательства «Всемирная литература».[73]

Впервые опубликованные в 53-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина документы ЦПА позволяют выяснить некоторые сведения об участии Зиновьева, по поручению Ленина, в переговорах с Ф. Нансеном об оказании помощи голодающим в нашей стране.[74]

В 1921 г. продолжались регулярные личные встречи Ленина с Зиновьевым. Есть основание утверждать, что Владимир Ильич постоянно интересовался самочувствием Зиновьева. Известно, в частности, что в сентябре 1921 г. Ленин получил письмо ординатора кремлевской больницы Л. Г. Левина, где говорилось о состоянии здоровья Зиновьева и давались рекомендации по созданию необходимых условий для его улучшения. Владимир Ильич тут же распорядился составить от его имени соответствующее предписание. Не ограничившись этим, Ленин вынес вопрос о состоянии здоровья Зиновьева на заседание Политбюро ЦК 14 сентября, а затем написал записку секретарю ЦК о наблюдении за здоровьем Зиновьева и передал телефонограмму наркомздраву Н. А. Семашко о необходимости создать для Г. Е. Зиновьева консилиум лучших врачей-кардиологов.[75]

На протяжении всего 1921 г. В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев продолжают обсуждать друг с другом свои выступления и печатные труды. Известно, например, что, просматривая корректуру брошюры Зиновьева «О роли профессиональных союзов», Ленин сделал на ней многочисленные пометки и подчеркивания.

В 1922 1923 гг. встречи Ленина с Зиновьевым заметно сократились, что объясняется болезнью Владимира Ильича. По очень неполным данным, Ленин принял Зиновьева за весь 1922 г. менее десяти раз.[76] Уменьшилась, но отнюдь не прекратилась и их переписка.

Анализируя эту переписку, приходим к выводу, что одной из главных ее тем оставался Коминтерн.

12 января 1922 г., узнав из газет о предстоящих парламентских выборах в Англии, Ленин обращается с письмом к Зиновьеву, в котором предлагает обсудить на заседании ИККИ вопрос о тактике английских коммунистов на этих выборах. Не

ограничившись этим, Владимир Ильич назначил еще телефонный разговор с Зиновьевым.

25 января Зиновьев попросил Ленина выступить на пленуме ИККИ с докладом о едином фронте. На следующий день Владимир Ильич сообщил, что по состоянию здоровья доклад сделать не может, но, возможно, приготовит тезисы или дополнение к тезисам по этому вопросу. Он вынужден был отказаться также от доклада о нэпе на пленуме. Через несколько дней Зиновьев написал Ленину, что ИККИ считает важным его выступление с таким докладом. Ленин ответил в письме от 31 января: «К сожалению, моя болезнь не может с этим сообразоваться»,[77] но сообщал, что начал писать статью по этому вопросу. К несчастью, написать ее он не успел…

В связи с планировавшейся весной 1922 г. конференцией трех Интернационалов В. И. Ленин продиктовал для Н. И. Бухарина и Г. Е. Зиновьева письмо, которое начинается так: «Надо заранее обдумать, кто именно из наиболее зубастых людей будет представлять Коминтерн на конференции со II и II$^1/_2$ Интернационалами. Также заранее надо обдумать основные вопросы тактики и стратегии на этом совещании».[78] Далее в письме даются важные указания о том, что и как надо делать. В последующие дни Ленин также занимался делами этой конференции.

Письма В. И. Ленина по самым разным вопросам деятельности Коминтерна в целом и отдельных компартий в частности ярко показывают его руководящую и направляющую роль в разработке тактики и стратегии Коминтерна, в деятельности его председателя Г. Е. Зиновьева.[79]

Ряд писем Ленина Зиновьеву в 1922 г. связан с отношениями с американским бизнесменом и общественным деятелем Армандом Хаммером. В 1921—1922 гг. Ленин вел с ним переговоры о закупках хлеба для голодающих, о концессии на асбестовые разработки на Урале и др. Владимир Ильич придавал этим переговорам особое значение, считая, что «тут маленькая дорожка к американскому „деловому“ миру, и надо ***всячески*** использовать эту дорожку».[80] Создается впечатление, что Зиновьев не разделял этой точки зрения и потому допустил, что его подчиненные проявили по отношению к Хаммеру и его коллеге невнимание и волокиту, о чем Хаммер сообщил Ленину. 22 мая 1922 г. Ленин написал Зиновьеву резкое письмо, требуя выяснить, кто в этом виноват. И хотя 24 мая по телефону Зиновьев объяснял случившееся простым недоразумением, дело здесь, видимо, сложнее.[81] История эта требует дальнейшего исследования.

Последняя из известных нам характеристик Лениным Зиновьева относится к 24 декабря 1922 г. В ленинском «Письме к съезду» сказано: «Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому».[82]

Многое в отношениях В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева остается до сих пор не совсем ясным. Будем надеяться, что полная публикация их переписки сотрет здесь многие «белые пятна».

Л. Д. Троцкий

Этот очерк написан на основе писем В. И. Ленина Л. Д. Троцкому, а также тех ленинских писем, в которых речь идет и о нем. Поэтому уместно начать с кратких сведений об этом источнике.

Сейчас в поле зрения советских историков около 100 писем, записок и телеграмм Ленина Троцкому. Первая телеграмма датирована 30 декабря 1917 г., последняя записка (копия Троцкому) — 6 марта 1923 г.[1] По самым осторожным подсчетам, до 20 писем или телеграмм не разыскано. Установлено, что они *были,* но удастся ли их обнаружить — неизвестно. По всей вероятности, отдельные ленинские письма хранятся в личном архиве Л. Д. Троцкого, часть которого находится в Нидерландах, часть — в США. Основная масса известных нам писем хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 78 из них опубликованы в 1958—1965 гг. в 5-м издании Сочинений В. И. Ленина (Полн. собр. соч.); в приложениях к этому изданию 16 писем Троцкому числятся в «Списке писем В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных» (основанием для включения их в этот перечень является, как правило, запись в хранящемся в ЦПА ИМЛ «Журнале регистрации исходящих документов от В. И. Ленина»).

По Полному собранию сочинений В. И. Ленина мы можем также судить, что в письмах к другим лицам Владимир Ильич впервые упомянул о Троцком в 1902 г., в последний раз — в

сентябре 1922 г.[2]

Сведениями о действительном количестве, состоянии и сохранности писем Л. Д. Троцкого В. И. Ленину мы пока не располагаем, а имеющиеся на этот счет отрывочные данные могут послужить лишь отправным моментом для научного поиска.

Приведем краткую биографическую справку о самом начале жизненного пути Троцкого (до его встречи и знакомства с В. И. Лениным).

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) родился 26 октября 1879 г. в деревне Яновке Елисаветградского уезда Херсонской губернии в семье колониста-переселенца. Учился в Одесском реальном училище, затем жил в Николаеве, где в 1897 г. принял участие в деятельности местного «Южно-русского рабочего союза» (другое название — «Союз николаевских рабочих»), войдя в его руководящий центр.[3] Был известен в рабочих кружках под фамилией *Львов*. В январе 1898 г. по доносу провокатора был арестован вместе с другими руководителями «Союза» и после двухлетнего тюремного заключения сослан на 4 года в Восточную Сибирь. В ссылке начал свою литературно-публицистическую деятельность, подписывая статьи псевдонимом *Антид Ото*. В августе 1902 г. бежит из ссылки (из поселка Усть-Кут на Лене). При оформлении «чистого» паспорта на конспиративной явке двадцатидвухлетний революционер (вероятно, лишь из юношеского озорства) решил вписать в него фамилию старшего надзирателя, который стерег его в одесской тюрьме, — *Троцкий*. Так и возник его общеизвестный псевдоним.

Вскоре беглец оказывается за границей, в Англии. Позднее Троцкий вспоминал: «В Лондон я приехал осенью 1902 г., должно быть в октябре, ранним утром. Нанятый мною мимическим путем кэб доставил меня по адресу, записанному на бумажке, к месту назначения. Этим местом была квартира Владимира Ильича (Ленина)».[4]

Можно предполагать, что рекомендовал Троцкого Ленину Г. М. Кржижановский, который писал в редакцию «Искры» из Самары 8 сентября (ст. ст.) 1902 г.: «У нас был только что бежавший из Сибири Бронштейн. Запомните следующую его характеристику (его имя в письмах к вам *П. А. Александров;* организационное — *Перо*). Он будет писать Фекле{61} по адресу Пинкау ключом Гамбета…».{62} [5]

Ленин впервые упоминает о Троцком в письме к Л. И. Аксельрод, посланном 18 декабря 1902 г. из Лондона в Берн: «Может быть нам удастся вскоре послать к Вам на подмогу молодого и очень энергичного и способного товарища отсюда (кличка: „Перо“)».[6] Троцкий остался, однако, в Лондоне («„Перу“

не хочется уезжать, — пишет в конце января Ленин. — Паспортов нет, копий нет»)[7] и начал сотрудничать в «Искре». В Швейцарию же он уехал в конце апреля 1903 г., вместе с В. И. Лениным и всей редакцией.

Об активной работе Троцкого в редакции «Искры» свидетельствует частое упоминание его имени в переписке Ленина и других членов редколлегии с многочисленными корреспондентами начиная с января 1903 г. Из писем В. И. Ленина Г. В. Плеханову видно, что с начала 1903 г. Троцкий стал печататься в «Искре». В № 33 от 1 февраля была опубликована его статья «Благородство, вместо программы, и нервность, вместо тактики».[8]

Создается впечатление, что в первое время знакомства и совместной работы Ленин весьма высоко ценил Троцкого. 2 марта (н. ст.) 1903 г. в письме Плеханову он предлагал кооптировать Троцкого в члены редакции «Искры», характеризуя его как «энергичного», «недюжинного», «убежденного» человека.[9]

Но это продолжалось недолго. На II съезде РСДРП разногласия Ленина и Троцкого (последний был делегатом от Сибирского союза) выявились в полной мере при обсуждении аграрной программы, устава партии, выборах редакции «Искры» и др., что можно видеть из выступлений В. И. Ленина и протоколов съезда.[10] Примкнув к меньшевикам, Троцкий подвергается резкой критике Ленина и на самом съезде, и после него.

Вскоре после съезда вышла брошюра Троцкого «Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы)», по поводу которой В. И. Ленин писал: «Брошюра представляет собою самое наглое лганье, извращение фактов. ‹…› Читая такую брошюру, ясно видишь, что „меньшинство“ так изолгалось, так фальшивит, что ничего жизненного создать будет неспособно…»[11] Ленин в сердцах назвал автора брошюры *«Балалайкиным»*.[12]

Вспыхнувшая в 1905 г. первая русская революция вызвала резкую полемику о характере и сущности революции. Положению Ленина о том, что данная революция является буржуазно-демократической, которая должна затем перерасти в социалистическую, Троцкий противопоставил свою модификацию теории «перманентной революции». Ревизованная им теория игнорировала буржуазно-демократический этап революции, отрицала революционную роль крестьянства как союзника пролетариата и способность пролетариата повести за собой демократические элементы населения. По Троцкому, сразу после падения царизма к власти должен прийти рабочий класс, но поскольку крестьянство его не поддержит, то удержаться у власти

он сможет лишь при условии, если к тому времени вспыхнет революция на Западе.

Теоретические расхождения приводили Ленина и Троцкого к серьезной борьбе и в практической деятельности.

Разбор теоретических и практических ошибок Троцкого Ленин сделал в ряде статей, посвященных анализу брошюры Троцкого «До девятого января». Их можно найти в 10-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Что касается его практической деятельности, то напомним лишь, что, оказавшись в составе Петербургского Совета рабочих депутатов, а позднее став его председателем, Троцкий не сумел превратить его в орган восстания. Более того, пассивность Троцкого привела к тому, что он не смог оградить Совет и себя самого от ареста, хотя, по мнению многих современников, такие возможности у него имелись.

Революция, как известно, потребовала от РСДРП совместных действий большевиков и меньшевиков. Это не могло не сказаться на отношениях Ленина и Троцкого. Они вынуждены были всячески смягчать свои разногласия, но настоящего примирения между ними не произошло. Это особенно выявилось на V съезде РСДРП в мае 1907 г., где они выступали с различных позиций, когда обсуждался отчет ЦК, сделанный Мартовым, по вопросу о думской фракции и др.

Однако там же, выступая 14 (27) мая по вопросу об отношении к буржуазным партиям, Ленин говорил: «Несколько слов о Троцком. Останавливаться на наших разногласиях с ним мне здесь некогда. Отмечу только, что Троцкий в книжке „В защиту партии“ печатно выразил свою солидарность с Каутским, который писал об экономической общности интересов пролетариата и крестьянства в современной революции в России. Троцкий признал допустимость и целесообразность левого блока против либеральной буржуазии. Для меня достаточно этих фактов, чтобы признать приближение Троцкого к нашим взглядам. Независимо от вопроса о „непрерывной революции“ здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям».[13]

Известно, что в 1906 г. была сделана попытка привлечь Троцкого к сотрудничеству в нелегальной большевистской газете «Пролетарий». Вот как позднее описывал В. И. Ленин в письме А. М. Горькому от 13 февраля 1908 г. это событие: «Насчет Троцкого хотел Вам прошлый раз ответить, да забыл. Мы (т. е. здешняя редакция „Пролетария“, Ал. Ал.,{63} я и „инок“{64} — очень хороший коллега из беков{65} русских) сразу решили пригласить его в „Пролетарий“. Написали письмо, наметили и

предложили одну тему. Подписали *по общему согласию* „редакция „Пролетария““, желая поставить дело на более коллегиальную почву (у меня, например, лично с Троцким большая баталия, драка была отчаянная в 1903—5 годах, когда он был меньшевиком). Троцкий обиделся что ли на эту форму, не знаю, но прислал письмо, писанное не им: „По поручению т. Троцкого“ извещалась редакция *„Пролетария“,* что он писать отказывается, занят. Это — позерство, по-моему. И на Лондонском съезде он держался позером. Не знаю уж, пойдет ли он с беками… ˂…˃ Троцкий хочет стоять „выше борющихся фракций“».[14]

В ЦПА хранятся документы, свидетельствующие о том, что еще в апреле — мае 1909 г. В. И. Ленин предполагал написать статью с критикой взглядов Троцкого и поместить ее в польском журнале «Социал-демократическое обозрение».[15] Почему это намерение не осуществилось, нам не удалось выяснить.

Из письма В. И. Ленина А. И. Любимову от 18 августа 1909 г. видно, что Ленин решительно возражал против оказания всякой помощи Троцкому в издании в Вене его центристской «Правды», «если он отвергнет (а он уже отверг!) *равенство* в редакции, предложенное ему членом ЦК».[16] 24 августа того же года в письме Зиновьеву Ленин подверг Троцкого буквально разносу, клеймя его как «подлейшего карьериста и фракционера» и требуя или подчинения его ЦК, или «разрыва с этим проходимцем и разоблачения его в ЦО», «Болтает о партии, — гневно писал Ленин, — а ведет себя хуже всех прочих фракционеров».[17]

Письмо, отрывок из которого приведен выше, — доверительное, оно адресовано Владимиром Ильичем одному из самых близких друзей, и он выразил в нем обуревавшие его чувства.{66} Другое письмо, написанное Лениным примерно через три недели М. П. Томскому, свидетельствует, что он отнюдь не считал в то время Троцкого окончательно потерянным для партии, делал попытки наладить с ним сотрудничество на принципиальной основе и паритетных началах и сожалел, что позиция Троцкого заводит переговоры с ним в тупик. «Насчет Троцкого, к сожалению, дело не выходит, — писал Ленин. — Мы ему предложили идеально выгодные условия, самым *искренним* образом желая блока с ним: содержание ему, покрытие дефицита „Правды“, равенство в редакции, переезд сюда: он не соглашается, требуя *большинства* в редакции (два троцкиста и один большевик!). Понятно, что содержать не партийную, а троцкистскую газету в другом городе мы не в состоянии. Троцкий хочет не партию строить вместе с большевиками, а создавать ***свою*** фракцию. Что ж, — пусть попробует! „Своей“ фракцией он отобьет кое-кого у меньшевиков, немного у нас, а в конце концов

неизбежно приведет рабочих к большевизму».[18]

В январе 1910 г. в Париже состоялся пленум ЦК РСДРП, на котором обсуждался вопрос о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом. Троцкий объявил себя стоящим «вне фракций» и проповедовал мир между революционерами и оппортунистами внутри одной партии. Оценивая позднее итоги пленума, В. И. Ленин писал: «…ясна и идейная заслуга пленума и его *примиренческая ошибка:* заслуга — отметение идей ликвидаторства и отзовизма; ошибка — соглашение с людьми и группами без разбору, без соответствия их обещаний („резолюцию подписали“) и их дел».[19]

28 августа 1910 г. в газете «Vorwärts» — центральном органе германских социал-демократов — появилась анонимная статья «От нашего русского корреспондента», автор которой очернял РСДРП, искажал историю и сущность борьбы между большевиками и меньшевиками и в то же время всячески восхвалял выходящую в Вене «внефракционную», «рабочую» газету «Правда». В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и А. С. Варский, делегированные в это время на Международный социалистический конгресс в Копенгагене, без особого труда выяснили, что автором статьи был Троцкий. В Правление Германской социал-демократической партии ими был направлен протест против публикации этой статьи.[20]

В сентябре 1910 г. Л. Мартов и Л. Троцкий выступили в журнале Германской социал-демократической партии «Die Neue Zeit» со статьями, в которых также искажалась суть внутрипартийной борьбы в РСДРП. В связи с этим В. И. Ленин написал статью «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», где подвергал критике Мартова и Троцкого. Но редакторы «Die Neue Zeit» К. Каутский и Э. Вурм отказались публиковать ленинскую статью.[21]

Сообщая Г. Л. Шкловскому 14 октября того же года о возможном блоке с Плехановым, Ленин между прочим писал: «Мы с Плехановым в Копенгагене говорили об издании популярной газеты. Она необходима. (Троцкий явно повернул к ликвидаторам, к поддержке голосовцев,{67} к *срыву* партийного блока большевиков и плехановцев). С Плехановым мы вполне согласны, что с Троцким нечего делать».[22]

Как Ленин и предвидел, Троцкий повел открытую борьбу против большевиков и меньшевиков-партийцев, идя на фактический союз с ликвидаторами. В феврале 1911 г. Ленин от имени большевиков обратился в Российскую коллегию ЦК с осуждением его раскольничьей деятельности. Примерно в это же время (3 января 1911 г.) он пишет Горькому: «Дорогой А. М.!

Давно собираюсь отвечать Вам на письмо, да обострение здешней склоки (чтоб ее 100 000 чертей!) отвлекало. ‹…› Шельмец Троцкий соединяет голосовцев и впередовцев{68} против нас. Война!».[23]

На протяжении всего 1911 г. Ленин ведет неустанную борьбу с Троцким. В статье «Из лагеря столыпинской „рабочей“ партии», опубликованной в сентябре 1911 г. в «Социал-демократе», Ленин подчеркивал: «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства».[24]

Борьба против Троцкого еще более усилилась после VI (Пражской) конференции РСДРП в январе 1912 г. С целью ее осуждения троцкисты вкупе с другими антибольшевистскими группами созвали 28 февраля (12 марта) того же года в Париже совещание, которое обвиняло большевиков в «узурпации», в «перевороте» в партии и призывало местные организации не подчиняться решениям Пражской конференции. Троцкий предпринял попытку дискредитировать большевиков и в международных социалистических кругах. С этой целью он поместил в газете «Vorwärts» антипартийную статью. Ленин тотчас же сделал попытку выступить с опровержением в той же газете, но редакция отказала ему в публикации. Пришлось издать в Париже специальную брошюру на немецком языке. (На русском языке эта ленинская работа была впервые опубликована только в 1924 г.).[25]

В мае 1912 г. Троцкий предъявил претензию большевистской «Правде» в том, что она «присвоила» название его венской газеты. В. И. Ленин посоветовал редакции «Правды» ответить на этот демарш так: «*Троцкому* (Вена). Напрасно трудитесь посылать склочные и кляузные письма. Ответа не будет».[26]

12 (25) августа в Вене состоялась конференция, организованная Троцким с целью объединения различных, в том числе явно ликвидаторских, групп и течений РСДРП. Был создан так называемый *августовский блок*. Большевики отказались участвовать в этом по сути антипартийном блоке, главной целью которого стала борьба против большевизма. Как и предсказывал Ленин, этот беспринципный блок оказался недолговечным. В феврале 1914 г. он писал А. А. Трояновскому: «…развал *августовского блока* полный».[27]

Вспыхнувшая мировая война выявила существенные расхождения в отношении к ней Ленина и Троцкого: ленинскому лозунгу разрыва с социал-шовинистами Троцкий предпочел сближение с ними. Характеризуя его поведение в этот период, Ленин писал: «Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует

как левый, *помогает* правым, пока можно…».[28]

В практической деятельности их расхождения нашли свое выражение в том, что лозунгу Ленина и большевиков о превращении войны империалистической в гражданскую Троцкий и центристы противопоставили лозунг «Мир во что бы то ни стало!».

Расходились они и в вопросе о национально-освободительном движении. На словах Троцкий признавал право наций на самоопределение, а на деле выступал против, высказывая мысль, что национальная независимость и национальный суверенитет «устарели».

Эти и другие разногласия нашли свое отражение в ряде ленинских работ этого периода («Под чужим флагом», «О поражении своего правительства в империалистской войне», «Социализм и война» и др.).

Решительную борьбу против Троцкого Ленин вел и на международной арене. Еще на Штутгартском конгрессе II Интернационала в августе 1907 г. он выступал против Троцкого при обсуждении проекта Бебеля о милитаризме. Выступал Ленин с беспощадной критикой Троцкого и когда тот поддерживал Каутского в его нападках на Р. Люксембург по вопросу о внепарламентских методах борьбы.

Серьезные расхождения между Лениным и Троцким по вопросам об отношении к войне, к международному оппортунизму и др. проявились во время подготовки и проведения международных конференций, в частности Циммервальдской (сентябрь 1915 г.). В конце 1915 — начале 1916 г. Ленин по приглашению Цюрихской секции РСДРП принимает участие в дискуссии против Троцкого на собрании в зале «Ейнтрахт».[29] К сожалению, подробности этой дискуссии нам пока неизвестны.

Формулируя свои разногласия с Троцким, Ленин писал 8 марта 1916 г. голландской социалистке Г. Роланд-Гольст: «В чем состоят наши разногласия с Троцким? Это Вас, наверное, интересует. В немногих словах: он каутскианец, т. е. хочет единения с каутскианцами в Интернационале, с фракцией Чхеидзе в России. Мы решительно против такого единения».[30]

Когда началась мировая война, Троцкому пришлось неоднократно переезжать из одной страны в другую: из Австро-Венгрии во Францию, оттуда в Испанию и наконец в США, где он стал сотрудничать в русской эмигрантской социалистической газете «Новый мир».

Из письма А. М. Коллонтай В. И. Ленин узнал, что Троцкий солидаризовался с правым крылом «Нового мира», и так

отреагировал на это в ответном письме: «…печально известие о блоке Троцкого с правыми для борьбы против Н. Ив.{69} Этакая свинья этот Троцкий — левые фразы и блок с правыми против циммервальдских левых!! Надо бы его разоблачить (Вам) хотя бы кратким письмом в „Социал-Демократ“!»[31]

Из всего сказанного очевидно, что к февралю 1917 г. отношения между В. И. Лениным и Л. Д. Троцким были крайне недружелюбными. И тем более кажется удивительным, что, как свидетельствуют факты, почти сразу же после Февральской революции эти отношения разительно изменились в лучшую сторону. Причины и корни этого еще предстоит осмыслить.

По дороге в революционную Россию Троцкий был задержан и интернирован в Англии. Ленин узнал об этом вскоре после приезда в Петроград. В брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», датированной 10 апреля, разоблачая социал-шовинистов и циммервальдцев, ставших на путь соглашательства, Ленин связывает арест Троцкого английским правительством с происками противников подлинного интернационализма, врагов революционного пролетариата.[32] В другой работе этого периода Ленин пишет: «…Англия арестует заведомых интернационалистов, противников войны, вроде Троцкого…».[33] Как видим, эта характеристика резко отличается от тех, которые он давал Троцкому до Февральской революции.

Известно также, что газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» выступила с требованием об освобождении Троцкого, и Ленин полностью поддержал это требование.[34]

Сохранился газетный отчет о речи В. И. Ленина на митинге солдат броневого дивизиона в Михайловском манеже 15 апреля 1917 г., в котором читаем: «…Временное правительство никаких мер не приняло до настоящего времени, и наши товарищи социалисты, живущие за границей, не могли попасть в Россию. Почему? Да просто потому, что Англия, заинтересованная в этой братоубийственной бойне, не хочет пропускать наших товарищей социалистов, тех социалистов, которые объявили войну войне, которые требуют мира. Англичане держат в тюрьме своего же английского социалиста,{70} а также нашего товарища Троцкого, бывшего председателем Совета рабочих депутатов в 1905 г., арестовали и держат в тюрьме».[35]

Ко времени возвращения Троцкого в Россию (в начале мая) здесь активизировалась деятельность так называемых *межрайонцев* — членов организации объединенных социал-демократов, возникшей еще в конце 1913 г. под флагом борьбы за единство РСДРП. Под лозунгом антифракционности, пытаясь

объединить большевистскую и меньшевистскую партийные организации в столице, межрайонцы фактически создали еще одну фракцию РСДРП, в которую входили меньшевики, не во всем согласные с руководством своей партии в отношении к войне, центристы — сторонники Троцкого, а также часть тяготевших к центризму большевиков. С началом мировой войны межрайонцы заняли типично центристскую позицию. Они признавали империалистический характер войны, были против социал-шовинизма, но не соглашались на полный разрыв с меньшевиками-оборонцами. За беспринципность и соглашательство межрайонцы не раз подвергались критике со стороны В. И. Ленина.

В 1917 г. в межрайонную организацию входили А. Иоффе, А. Луначарский, Д. Мануильский, Л. Троцкий, М. Урицкий, И. Юренев и ряд других известных социал-демократов. К лету 1917 г. контакты между большевиками и межрайонцами настолько усилились, что даже возник вопрос о привлечении Троцкого (с учетом его большого журналистского опыта) к участию в большевистской печати. В речи В. И. Ленина на заседании ПК 30 мая читаем: «Желание Петербургского комитета иметь свой отдельный орган явилось для Центрального Комитета новинкой. Является непонятным, почему возник этот вопрос как раз в то время, когда налаживается своя типография, когда начали налаживаться договоры с межрайонкой для привлечения т. Троцкого к изданию популярного органа».[36]

Из этой речи очевидно, что вскоре же после приезда Троцкого в Россию между ним и большевиками начались переговоры о совместной работе.

В. И. Ленин с похвалой отзывался о действиях Троцкого во время событий 3—5 июля в Петрограде.[37] Как известно, после июльских событий Троцкий был арестован Временным правительством и почти два месяца содержался в петроградской тюрьме «Кресты».

На VI съезде РСДРП(б) межрайонная организация (около 4000 членов), заявившая о своем согласии с большевистской линией и о разрыве с меньшевиками-оборонцами, была принята в большевистскую партию. Для партии, взявшей курс на вооруженное восстание, это явилось большим подспорьем. Бывших межрайонцев Л. Д. Троцкого и М. С. Урицкого избрали на съезде в состав ЦК РСДРП(б), А. А. Иоффе — кандидатом в члены ЦК. С этого времени и исчисляется большевистский партстаж Троцкого (1917—1927 гг., в с.-д. движении с 1897 г.).[38]

Первые шаги деятельности Троцкого в рядах большевиков В. И. Ленин оценил весьма положительно. Узнав, в частности, что

Троцкий выступил за бойкот Предпарламента (в то время как многие видные большевики колебались или, как, например, Л. Б. Каменев и А. И. Рыков, были против бойкота), Ленин записал в своей работе «Из дневника публициста»: «Суббота, 23 сентября. Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий! ‹…› Да здравствует бойкот!»[39]

Позднее, когда началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, В. И. Ленин писал: «Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе *в направлении* нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии».[40]

В середине октября 1917 г. председатель Петроградского Совета Л. Д. Троцкий вошел в состав Военно-революционного комитета. Он активно участвовал в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, а после победы Октябрьской революции вошел в состав Советского правительства в качестве наркоминдела, а позднее — наркомвоенмора и наркомпути. В течение всей гражданской войны и в первые годы после ее окончания Л. Д. Троцкий был председателем Реввоенсовета Республики.

До 1924 г. никто не подвергал сомнению выдающуюся роль Троцкого в Октябрьские дни{71} и в годы гражданской войны. Однако вскоре после кончины В. И. Ленина и в последующее время эта роль стала искажаться и фальсифицироваться соперниками Троцкого в борьбе за власть. (К сожалению, и сам Троцкий в написанной после смерти Ленина статье «Уроки Октября» в стремлении еще больше возвысить свою роль тоже не вполне адекватно отразил некоторые моменты истории Октябрьской революции).

Нельзя, в частности, однозначно судить и о таком вопросе, как «приурочивание» Октябрьского восстания к открытию II Всероссийского съезда Советов. Нет оснований опровергать это намерение Троцкого, которого он никогда и не скрывал, не видя в нем той опасности для успеха восстания, которую видел Ленин. Так, еще в 1922 г. Троцкий писал в № 10 журнала «Пролетарская революция»: «Я настаивал, чтобы было поручено Военно-революционному комитету подготовить момент восстания к съезду Советов». Возразим только против системы доказательств

этого факта. В эту систему традиционно входит утверждение, что, публично выступая в Петроградском Совете 18 и 24 октября и в другие дни, Троцкий «сознательно дезориентировал» революционные массы, утверждая, что вопрос о восстании «не стоит на повестке дня», что «все решит съезд Советов» и т. п.

Обратимся, однако, к свидетельству В. И. Ленина. 19 октября Владимир Ильич писал в Центральный Комитет партии: «Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог,* не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение (необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение *обязывает* при публичных выступлениях не только „вину“, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого».[42]

Очевидно, что это объяснение одного из «прегрешений» Л. Д. Троцкого в Октябрьские дни достойно внимания.

Совсем недавно советской общественности стал известен извлеченный из архивных недр интересный документ, в свое время изъятый из «Протоколов Центрального Комитета РСДРП(б)» издания 1929 и 1958 гг. Суть его в следующем.

На заседании ЦК 1 (14) ноября 1917 г. Троцкий выступил против предложения Зиновьева и др. о приглашении в состав Совнаркома представителей правых эсеров и меньшевиков. Высоко оценив такую его позицию, В. И. Ленин заявил: «Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».[43]

В первые месяцы революции Ленин не раз прямо одобрял действия Троцкого не только как наркоминдела, но и как члена Центрального Комитета партии. Так, в речи по вопросу о печати на заседании ВЦИК 4 (17) ноября Ленин заявил о полной поддержке его точки зрения. Когда на заседании ЦК 29 ноября (12 декабря) 1917 г. обсуждался вопрос о составе редколлегии «Правды», Ленин предложил включить Троцкого в ее состав.[44]

Первые послеоктябрьские разногласия между ними обозначились при решении вопроса о мире с Германией. Назначенный председателем советской мирной делегации, Троцкий в качестве наркоминдела повел в этом вопросе непоследовательную политику, по сути дела солидаризовавшись с «левыми коммунистами». Выдвинув двусмысленный лозунг «Ни мира, ни войны», он тем самым фактически спровоцировал немцев на новое наступление. И в конечном счете был подписан Брестский договор, более тяжелый, чем предполагалось ранее. Надо, однако, отметить, что во время решающего голосования

вечером 18 февраля 1918 г. Троцкий вместе с Лениным голосовал *за* заключение мира, не присоединившись к пятерке, голосовавшей против.

24 февраля 1918 г. Ленин опубликовал в «Правде» статью «Несчастный мир», которая начиналась так: «Троцкий был прав, когда сказал: мир может быть трижды несчастным миром, но не может быть похабным, позорным, нечистым миром, мир, заканчивающий эту стократ похабную войну». Известно, что в этот же день на заседании ЦК Троцкий просил освободить его от должности наркоминдела, но по предложению Ленина вопрос этот был отложен. «…Полемизировать немного отнюдь не вредно», — заметил при этом Ленин.[45]

Исследуя отношения Ленина и Троцкого после подписания Брестского мира, можно видеть, что во многих вопросах они солидарны, действуют совместно, советуются друг с другом. Так, получив в июле 1918 г. сообщение о том, что саратовская организация левых эсеров осудила авантюрные действия своего ЦК, Ленин пишет авторам этого сообщения: «Прочел Вашу записку Троцкому. Мы с ним вполне согласны в том, что телеграмма из Саратова заслуживает доверия и распространения…».[46]

Ленин поддержал целый ряд предложений наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета Республики. Так, в период тяжелых боев на Восточном фронте Троцкий предложил наградить те части, которые первыми войдут в Казань и Симбирск. В связи с этим Ленин телеграфировал ему 19 августа 1918 г.: «А что касается денежной награды, то я согласен и буду защищать и проводить Ваше решение».[47] 27 декабря того же года Ленин поддержал предложение Троцкого о братании с американскими, французскими и английскими солдатами, особенно на Северном фронте, против чего выступали некоторые военные руководители.[48] Число подобных примеров можно увеличить.

Но в то же время мы видим, что Ленин многократно критикует действия Троцкого. Так было после военных неудач под Пермью и Царицыном в декабре 1918 г.[49] и в ряде других случаев. Следует лишь отметить, что критика Ленина отнюдь не носила того резкого тона, как это бывало до революции.

Для характеристики отношений Ленина и Троцкого в 1918—1919 гг. большой интерес представляет опубликованный в «Правде» и «Известиях» 15 февраля 1919 г. ленинский «Ответ на запрос крестьянина». Вот три первых абзаца этой публикации:

«В „Известиях ЦИК“ от 2 февраля было помещено письмо крестьянина Г. Гулова, который ставит вопрос об отношении нашего рабоче-крестьянского правительства к крестьянам-

середнякам и рассказывает про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз насчет середняка-крестьянина.

Товарищ Троцкий уже дал свой ответ в „Письме к крестьянам-середнякам“, напечатанном в „Известиях ЦИК“ от 7 февраля. Товарищ Троцкий говорит в этом письме, что слухи о разногласиях между мною и им самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами или их вольными и невольными пособниками. Я, с своей стороны, целиком подтверждаю заявление товарища Троцкого. Никаких разногласий у нас с ним не имеется, и относительно крестьян-середняков нет разногласий не только у нас с Троцким, но и вообще в коммунистической партии, в которую мы оба входим.

Товарищ Троцкий в своем письме подробно и ясно объяснил, почему партия коммунистов и теперешнее рабоче-крестьянское правительство, выбранное Советами и принадлежащее к этой партии, не считает своими врагами крестьян-середняков. Я подписываюсь обеими руками под тем, что сказано тов. Троцким».[50]

О том, насколько высоко ценил Владимир Ильич в это время деятельность Троцкого, свидетельствует его намерение направить последнего на намечавшуюся в начале 1919 г. конференцию с участием всех имеющихся на территории России правительств. (Американский президент Вильсон хотел провести эту конференцию на Принцевых островах в Мраморном море, но она не состоялась).[51] О том же свидетельствуют данные о постоянных встречах Ленина с Троцким, о советах по разным вопросам военной и мирной жизни страны.[52] Не раз Ленин выражал благодарность Троцкому за успехи на фронтах, хотя одновременно и критиковал некоторые его акции, требуя принимать срочные меры для устранения тех или иных просчетов и ошибок в военных действиях, в кадровой политике (например, в деятельности Н. И. Подвойского на Украине). Доходило порой и до серьезных конфликтов, как это было летом 1919 г., когда Центральный Комитет указал Троцкому на серьезные недостатки в работе Ставки. Троцкий с присущей ему колкостью опроверг решение ЦК. В связи с этим Ленин обратился 17 июня 1919 г. с письмом в ЦК, содержавшим критику такой реакции Троцкого. В письме говорилось, что большинство ЦК пришло к убеждению, что «в ставке ***неладно,*** и в *поисках серьезного улучшения,* в поисках средств *коренного изменения,* сделало определенный *шаг*. Вот и все».[53]

7 августа того же года Ленин сообщил Троцкому, что его предложение о сдаче Одессы отвергнуто и Политбюро настаивает

на том, чтобы Одессу оборонять до последней возможности.[54]

Бывали случаи, когда Ленин соглашался на пересмотр того или иного конкретного решения по просьбе Троцкого. Так, 16 января 1919 г. Троцкий прислал письмо с протестом против ареста консультанта при Полевом штабе Реввоенсовета республики М. М. Загю. Ленин сделал на письме пометки и подчеркивания и написал резолюцию: «Тогда поставьте в повестку Совета Обороны». 17 января на заседании Совета Обороны, где председательствовал Ленин, было принято решение об освобождении Загю. Подробности этого дела выяснить не удалось, известно лишь, что 22 января 1919 г. на заседании Совета Обороны обсуждалось заключение Наркомюста о деле М. М. Загю.{72} [55]

В необходимых случаях Ленин стремился наладить нормальные деловые отношения Троцкого с некоторыми лицами, учитывая особенности характера как Троцкого, так и конфликтующих с ним. В августе 1919 г. он получил письмо от И. Т. Смилги, в котором в резкой форме критиковалась деятельность как Реввоенсовета Южного фронта, так и председателя Реввоенсовета РСФСР. В телеграмме Смилге, написанной не ранее 16 августа, Ленин советовал: «Троцкий здесь и пробудет, кажется, с неделю. Надеюсь, дружная работа с ним наладится. Не лучше ли Вам приехать и договориться. Не нервничать, не зарываться. Если не приедете, извещайте чаще».[57]

Бывали случаи, когда Троцкий, даже получив четкую директиву, пытался настаивать на своем. Так, 5 сентября 1919 г. он послал в ЦК телеграмму, в которой вторично предлагал изменить ранее принятый план борьбы с Деникиным. Ленин не только отверг это предложение, но и подчеркнул, что Политбюро ЦК «выражает свое удивление по поводу попыток пересмотреть решенный основной стратегический план».[58]

Ленин в мягкой форме, но решительно отверг предложенное Троцким осенью 1919 г. наступление на Эстонию, против чего выступал Г. В. Чичерин. «По-моему, Чичерин прав», — ответил Владимир Ильич Троцкому 22 октября.[59]

Укажем еще, что в устных выступлениях и печатных работах этого периода Ленин неоднократно положительно отзывался и о невоенной деятельности Троцкого, следил за его выступлениями в печати по вопросам внутренней политики и международных отношений, в частности, одобрительно отозвался о его статье «Жан Лонге», в которой содержалась критика одного из лидеров Французской социалистической партии и II Интернационала.[60]

Начало 20-х гг. тяжелейший период в жизни Советского

государства. Страна была истерзана многолетней войной. Народное хозяйство, транспорт разрушены до предела. В 1920 г. еще шли бои против Польши и Врангеля, в 1922 г. — на Дальнем Востоке.

У нас нет возможности даже просто перечислить круг дел и вопросов, которые Ленину приходилось в эти годы обсуждать и решать с Троцким как наркомвоенмором и председателем РВС, а потом и наркомпути. Можно лишь сказать, что больше всего им приходилось контактировать при решении военных вопросов и проблем транспорта. 8 марта 1920 г. Политбюро ЦК постановило: «Предложить тов. Ленину снестись с Троцким» по поводу назначения его в НКПС. Владимир Ильич послал по прямому проводу соответствующую телеграмму, и 20 марта Политбюро приняло решение провести через ВЦИК и Совнарком назначение Троцкого наркомом путей сообщения.[61]

Анализ этих отношений требует особого исследования, которое пока затрудняется отсутствием публикации многих документов, в том числе хранящихся в ЦПА. Только из ссылок в 8-м томе Биохроники Ленина, где приводятся факты за январь — июнь 1920 г., видно, что в упомянутом архиве имеется более десяти дел, в которых в той или иной степени отражены деловые контакты В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Здесь материалы о борьбе на последних фронтах гражданской войны, о продовольственной и земельной политике, о деятельности профсоюзов, об уничтожении белогвардейского флота в Каспийском море и др.[62]

О том, сколь высоко было в этот период доверие Владимира Ильича к Л. Д. Троцкому в деле народнохозяйственного строительства, свидетельствует следующий факт, приведенный Н. А. Васецким. Ленин передал Троцкому чистые бланки Председателя СНК с впечатанным внизу личным указанием: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело».[63]

Владимир Ильич знал о недружелюбных отношениях Троцкого и Сталина и старался в интересах дела не дать возможности разрастись их разногласиям. Так, получив в марте 1920 г. телеграмму Сталина об организационных взаимоотношениях между Укрсовтрудармией, председателем которой он был, и Реввоенсоветом Республики, Ленин, очевидно, оценил это как отражение тех же разногласий и написал на обороте телеграммы: «Надо тактично ответить письменно». Текст

телеграммы Сталина не опубликован (сокращенно ее содержание приводится в 8-м томе Биохроники В. И. Ленина с ссылкой на ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, л. 24215), но ее направленность против Троцкого не вызывает сомнений, так же как и стремление Ленина прекратить очередную затеваемую Сталиным склоку.

Не будем утверждать, что в стычках Сталина с Троцким Ленин неизменно поддерживал кого-то одного из них, но одно несомненно: в ряде случаев он был на стороне Троцкого.

В 51-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина впервые опубликована его телеграмма Троцкому, написанная в середине марта 1920 г. Вот ее начало: «Поляки продвигаются дальше, мы эвакуировали Речицу. Гомель считается под ударом, поэтому я, вопреки оптимизму Сталина, считаю все предложенные Вами экстренные меры необходимыми и срочно необходимыми».[64] И это не единственный пример.

Значительная часть ленинских писем Троцкому содержит советы о том, как поступить в том или ином случае, а также важную информацию, которая, по мнению Владимира Ильича, была необходима Троцкому как наркомвоенмору, председателю РВС и наркомпути; содержится в них и множество запросов по разным поводам.

Ленин, как и раньше, порой критикует Троцкого, но делает это в весьма тактичной форме, без резкостей. Образец такой критики — замечания и добавления В. И. Ленина к проекту тезисов Л. Д. Троцкого «Очередные задачи хозяйственного строительства» к IX съезду партии.[65] Известно, что на этом съезде предложения Троцкого о применении военных методов в мирном хозяйственном строительстве не получили поддержки большинства.

Не менее характерен для истории отношений Ленина и Троцкого следующий эпизод. В мае 1920 г. между Троцким и старым большевиком Ф. Ф. Сыромолотовым возник конфликт. В связи с этим Троцкий обратился к Ленину как председателю Совета труда и обороны с просьбой не подписывать служебный мандат Сыромолотову. В своем ответе Ленин писал: «По-моему, можно мне подписать: отказать члену президиума ВСНХ нельзя. А конфликты все равно все и вся вправе вносить в Совет Обороны. Соберем подписи. Ленин за подпись». Как видим, Ленин мягко, но решительно отверг предложение Троцкого.[66]

Бывали, однако, случаи, когда Ленин решительно боролся с самоуправными распоряжениями Троцкого. Когда в октябре 1920 г. Троцкий отдал распоряжение о немедленной отправке для южных дорог десяти маршрутов с топливом, Ленин счел это превышением власти и нарушением закона и потребовал

немедленного созыва СТО, на котором Троцкому было указано, что реквизиция топлива является недопустимой без распоряжения Главтопа или особого постановления СТО.[67]

Анализируя отношения Ленина и Троцкого до ноября 1920 г., можно сделать вывод, что, несмотря на разногласия по некоторым вопросам, отношения их были вполне нормальными и не доходили до серьезных конфликтов.

Новым этапом явился ноябрь 1920 г., когда на Всероссийской профсоюзной конференции был поставлен вопрос о перспективе деятельности профсоюзов. Большинство партии во главе с В. И. Лениным считало, что настала пора, когда профсоюзы должны отказаться от командно-административных методов работы и перейти к методам демократическим. Троцкий и ряд его сторонников выступили против этого, требуя милитаризации труда, предлагая «завинтить гайки» военного коммунизма, форсировать «огосударствление» профсоюзов, «перетряхнуть» их кадры и т. д.

Столь различный подход к оценке роли профсоюзов объясняется разным подходом к более широкому вопросу — о союзе рабочего класса и крестьянства. Эти расхождения выявились уже при просмотре Лениным первоначального наброска тезисов Троцкого «Профессиональные союзы и их дальнейшая роль», а затем вылились в известную дискуссию о профсоюзах, которую навязали партии Троцкий и его единомышленники. Ленин был решительно против этой дискуссии, но коль скоро она стала фактом, включился в нее. Здесь нет нужды рассказывать о той ожесточенной борьбе, которая развернулась во время дискуссии. Напомним лишь, что она завершилась на X съезде РКП(б) в марте 1921 г., на котором были подведены итоги дискуссии, принята ленинская платформа и осуждены взгляды Троцкого и его сторонников.

В своей речи о профессиональных союзах на X съезде 14 марта Ленин, в частности, говорил: «Товарищи, сегодня т. Троцкий особенно вежливо полемизировал со мной и упрекал или называл меня архиосторожным. Я должен его поблагодарить за этот комплимент и выразить сожаление, что лишен возможности вернуть его обратно. Напротив, мне придется говорить о моем неосторожном друге, чтобы выразить подход к той ошибке, из-за которой я так много лишнего времени потерял и из-за которой приходится теперь продолжать прения по вопросу о профсоюзах, не переходя к вопросам более актуальным». Далее он показал несостоятельность упреков Троцкого в том, что «Ленин внес путаницу» в спор о профсоюзах (Троцкий написал специальную статью «Есть разногласия, но к чему путаница?»,

опубликованную в «Правде» 29 января 1921 г.), вскрыл политическую опасность и несостоятельность взглядов Троцкого на профсоюзы. Отвечая на упреки Троцкого в том, что он сорвал дискуссию, Владимир Ильич говорил: «Это я зачислю себе в комплимент: я старался сорвать дискуссию в том виде, как она пошла, потому что такое выступление перед тяжелой весной было вредно. Это только слепым было не видно».[68] В этой же речи Ленин указал на серьезные ошибки Троцкого и на явное нарушение им партийной дисциплины.

Напомним также, что в связи с дискуссией Владимир Ильич написал ряд специальных работ, в том числе: «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», «О профессиональных союзах» и др.

Обратим внимание на тот факт, что, несмотря на столь конфликтные расхождения в дискуссии, личные и деловые отношения В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого не нарушались. Более того, в период дискуссии Ленин поручал Троцкому многочисленные текущие дела. Конечно, разногласия по частным вопросам продолжали иметь место, но, как правило, это были лишь вполне понятные разные точки зрения на тот или иной конкретный вопрос.

К их числу можно отнести историю с брошюрой члена промышленной секции Госплана Я. М. Шатуновского, в которой он выдвинул «революционный» план преобразования страны, противопоставленный плану ГОЭЛРО. Ознакомившись с брошюрой, Ленин 30 апреля 1921 г. написал: «Тов. Троцкий! Прочел я брошюру Шатуновского „Белый уголь и революционный Питер“. Очень слабо. *Декламация* и только. Делового *ничегошеньки».* Троцкий не согласился с этой оценкой, о чем и сообщил Ленину. 3 мая Ленин резюмировал: «т. Зиновьев! Троцкий, как видно из этого, настроен сугубо задирательно. Брошюра Шатуновского — болтовня. Верните мне это с пометкой, какие у Вас ***решения*** и планы по сему вопросу».[69]

Ленин регулярно следил за печатными и устными выступлениями Троцкого. Можно высказать уверенность, что в библиотеке Ленина в Кремле хранятся (или хранились) многие работы Троцкого с ленинскими пометками. К сожалению, составители «Каталога библиотеки Ленина в Кремле», опубликованного в 1961 г., даже не упомянули работ Троцкого, чем нанесли ущерб исследованию Ленинианы. Даже те крохи сведений, которые автору удалось собрать, дают основание утверждать, что многие работы Троцкого не только имелись в библиотеке Ленина (вероятно, даже с дарственными надписями), но и были испещрены его пометками и замечаниями. Достаточно

сказать, что только одна работа Троцкого — «Роль и задачи профессиональных союзов» — цитируется или упоминается Лениным более 70 раз.[70]

В последние годы жизни В. И. Ленина не произошло особенных изменений в его отношениях с Троцким. Они сообща занимались самыми разными вопросами, входившими в компетенцию их служебных и партийных обязанностей.

Это стоит особо подчеркнуть, потому что в зарубежной печати распространялись на этот счет различные выдумки и небылицы. На X съезде РКП(б) Ленин приводил измышления зарубежной прессы лишь за две недели 1921 г.: то сообщалось, что Ленин и Троцкий бежали в Крым; то утверждалось, что Троцкий расстрелял Ленина или Ленин Троцкого и т. д. «Изо дня в день собирались сведения о том, — говорил Ленин, — сколько раз расстреливались, убивались Ленин и Троцкий…»[71] Писатель-эмигрант Аркадий Аверченко опубликовал в своей очередной книге небылицы о частной жизни Ленина и Троцкого, в связи с чем Ленин писал в статье «Талантливая книжка»: «Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни. Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете».[72]

Из многочисленных повседневных и чрезвычайных дел, которыми приходилось заниматься Ленину, многие прямо или косвенно касались Троцкого. Помимо военных были вопросы внутренней и внешней политики, экономики, промышленности и сельского хозяйства, концессий и др. Часто Ленин поддерживал Троцкого, соглашался с его предложениями и говорил об этом в своих выступлениях и статьях. Так, в декабре 1921 г. он поддержал Троцкого по некоторым вопросам, связанным с чисткой партии, реорганизацией Наркомвоенмора; был согласен с его замечаниями на проект «Наказа по вопросам хозяйственной работы» (декабрь 1921 г.), с мыслями, связанными с Генуэзской конференцией, критикой Госплана, деятельностью итальянской компартии, внешней торговлей и др.

Об отношении Ленина к Троцкому свидетельствует и то, что именно Владимир Ильич обычно рекомендовал назначить Троцкого на тот или иной пост или дать ему то или иное поручение. Вот лишь некоторые примеры.

16 июля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) Ленин вносит предложение назначить Троцкого по совместительству

наркомом продовольствия. Но Троцкий отказался подчиниться этому решению Политбюро. 27 июля Ленин беседует с ним и выслушивает мотивировку отказа, которая, видимо, убедила Владимира Ильича, так как 28 июля появилось решение Политбюро об отмене принятого 16 июля.[73]

Новый конфликт между Троцким и Политбюро возник в конце того же месяца, когда Троцкий отказался от ряда поручений по хозяйственной работе. В ЦПА хранятся материалы о том, что 8 августа 1921 г. Ленин внес на обсуждение пленума ЦК специальный пункт (15) «Решение Политбюро о тов. Троцком». К сожалению, нам не удалось выяснить содержание этого решения.

В том же архиве имеются материалы о назначении Л. Д. Троцкого чрезвычайным уполномоченным ВЦИК и СНК для руководства заготовительной кампанией 1921 г. и о подписании В. И. Лениным его командировочного удостоверения для поездки в Екатеринбург, Тюмень и Челябинск. Число подобных примеров можно увеличить.

Коль скоро мы упомянули о неопубликованных материалах ЦПА, следует сказать, что нам до сих пор не удалось выяснить содержание записок, которыми обменялись Ленин и Троцкий по проблеме революционных войн (не ранее 23 ноября 1921 г.).[74]

В последний год своей активной деятельности В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на ошибки Троцкого и подвергал их критике. Так, 5 мая 1922 г. Ленин написал «Ответ на замечания, касающиеся работы замов (заместителей Председателя СНК)», где, подчеркнув, что замечания Троцкого по этому вопросу «возобновляют старые наши разногласия с т. Троцким, многократно уже наблюдавшиеся в Политбюро», кратко изложил суть ошибок последнего. Выступая против утверждения Троцкого, что Рабоче-крестьянская инспекция не выполняет своей роли в решении задач строительства и совершенствования государственного аппарата, Ленин писал: «Насчет Рабкрина т. Троцкий в корне неправ. ‹…› …нельзя обойтись без Рабкрина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать, учить работе нет. ‹…› Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя».[75]

Выступает Ленин и против утверждения Троцкого, что работа Госплана слишком академична, что Госплан не занимается практическими делами и что необходима полная его реорганизация. Он писал, что Троцкий «не только в корне неправ, но и поразительно неосведомлен о том, о чем он судит. Госплан не только не страдает академизмом, а, совсем наоборот, страдает

перегруженностью от чересчур мелкой, злободневной „вермишели“». Ленин критикует «чрезвычайно возбужденную, но глубоко неправильную „критику“» Троцким постановления Политбюро о создании финансовой тройки и особенно против его утверждения о том, что Госплан оторван от финансовых вопросов. Эти утверждения Ленин расценивает как «в корне неправильные и диаметрально противоположные истине…».[76]

Эти и другие разногласия по-прежнему не мешали Ленину давать Троцкому разного рода ответственные поручения, советоваться с ним и конструктивно работать. Например, в сентябре 1922 г., на случай своей болезни, Ленин намеревался поручить Троцкому выступать за себя на IV конгрессе Коминтерна. В декабре того же года он доверил ему доклад о монополии внешней торговли и по другим вопросам. Но при этом мы должны констатировать, что бывали случаи, когда Троцкий обоснованно или необоснованно отказывался от поручений Ленина, причем нередко в очень напряженные моменты. Примером тому является так называемое «грузинское дело».

Суть его в следующем. В 1922 г. в Грузии возник конфликт между Закрайкомом РКП(б) и так называемой *группой Мдивани* по вопросу о характере и формах вхождения Грузии в состав Союза советских республик, который принял весьма острый, критический характер. В Грузию в связи с этим была направлена комиссия под руководством Ф. Э. Дзержинского, которая провела не совсем объективное расследование. Уже очень больной Ленин, узнав об этом, потребовал пересмотра дела, фактическим вдохновителем и руководителем которого был Сталин. В связи с этим 5 марта 1923 г. Ленин продиктовал следующее письмо Троцкому:

«Строго секретно. Лично.

Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под „преследованием“ Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом *Ленин*».[77]

На отдельном листке, приложенном к этому письму, имеется приписка секретаря: «Товарищ Троцкий! К письму, переданному Вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для Вашего сведения, что т. Каменев едет в Грузию в среду, и просит узнать, не желаете ли Вы послать туда что-либо от себя. 5-го марта

23 г.»[78]

Это письмо было в тот же день прочитано Троцкому по телефону М. А. Володичевой. Троцкий, ссылаясь на нездоровье, ответил, что не может взять на себя такого обязательства. Было ли тут дело действительно в болезни или же в нежелании вступать в очередной конфликт со Сталиным, мы сказать не можем. Но факт остается фактом: последнюю просьбу Ильича Троцкий не выполнил.

Остается добавить, что незадолго до этого письма Ленин дал Троцкому краткую характеристику в «Письме к съезду». В той его части, которая была продиктована 24 декабря 1922 г., Ленин отметил, что тов. Троцкий «отличается не только выдающимися способностями», что «лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела». Ленин выражает опасение, что отношения, сложившиеся между Троцким и Сталиным, чреваты угрозой раскола партии, тем более если учесть указанные им отрицательные качества этих «двух выдающихся вождей современного ЦК». И Ленин предупреждает: «…если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно». В этом же письме-завещании Ленин упоминает о «небольшевизме» Троцкого, но тут же подчеркивает, что он «мало может быть ставим» Троцкому «в вину лично»[79] (суждение, которое, очевидно, еще долго будут осмысливать не только историки).

Итак, мы видим, что отношение В. И. Ленина к Л. Д. Троцкому менялось в зависимости от характера и форм деятельности последнего. Их отношения можно разделить на три периода.

Начиная с их знакомства и до II съезда РСДРП Ленин не только высоко ценил, но, как нам кажется, даже несколько переоценивал Троцкого. Подтверждением этому может служить его характеристика, данная Лениным в уже упомянутом письме Плеханову от 2 марта 1903 г. Создается впечатление, что, заметив и оценив «недюжинные способности», «энергичность» и другие достоинства Троцкого, Ленин переоценил его «убежденность». Позднее (до 1917 г.) он неоднократно указывал на «флюгерство» Троцкого, на его способность менять свое поведение в зависимости от обстановки и обстоятельств.

После II съезда отношение Ленина к Троцкому резко меняется и может квалифицироваться как негативное и непримиримое. В пылу острейшей борьбы против него Ленин

порой не выбирал парламентских выражений, допускал оскорбительные резкости, Троцкий тоже в долгу не оставался. Эти срывы, конечно же, отнюдь не украшали их дискуссий.

Новый поворот в их отношениях можно заметить начиная со времени возвращения Троцкого из эмиграции в Россию в мае 1917 г. Думается, что этот поворот был вызван не только тем, что Троцкий в числе других видных межрайонцев сотрудничал с большевиками, а потом вошел в большевистскую партию, но и какими-то неформальными причинами (какими именно, сказать трудно). Эти отношения можно охарактеризовать как вполне лояльные и даже хорошие, хотя Ленин часто расходился с Троцким во мнениях и критиковал его за теоретические и практические ошибки. Но критика эта была спокойной и обоснованной. Нет сомнения, что здесь сказалась замечательная способность В. И. Ленина конструктивно работать с людьми, отнюдь не безгрешными, допускавшими в прошлом даже крупные ошибки.

Ленин, несомненно, высоко ценил организаторский талант Троцкого, его способность влиять на массы и другие качества. И все же их отношения, по нашему мнению, оставались только деловыми, а не дружескими, как было у Ленина с Зиновьевым, Бухариным, Каменевым, Кржижановским, Орджоникидзе и некоторыми другими соратниками. Не было, насколько нам известно, и контакта между их семьями. В Биохронике В. И. Ленина имеется лишь одно упоминание о том, что он послал письмо жене Л. Д. Троцкого Наталье Ивановне Троцкой (Седовой). В списке неразысканных писем Ленина, помещенном в 54-м томе ПСС на стр. 518, сказано: «В ЦПА ИМЛ хранится конверт за № 1474/212 с надписью В. И. Ленина: „Нат. Ив. Троцкой (от Ленина)“ и распиской Н. И. Троцкой в получении письма. Имеется также письмо А. В. Луначарского В. И. Ленину от 18 ноября 1921 г., на котором В. И. Ленин пишет А. Я. Беленькому: „Я это прочел после отправки письма к Н. Ив. Троцкой“». Совершенно очевидно, что письмо В. И. Ленина к Н. И. Троцкой-Седовой носило официальный, деловой, а не личный характер.

Считая Троцкого «самым способным человеком в ЦК», Ленин, судя по всему, все же не хотел видеть его своим преемником, как и Сталина, хотя и не предлагал сместить Троцкого с какого-либо партийного или государственного поста.

Довольно широко распространено мнение о Троцком, что он якобы «больше любил себя в революции, нежели саму революцию». Если Ленин и разделял такое мнение, то он это не афишировал.

Повторим в заключение, что критика взглядов и

деятельности Троцкого не мешала Ленину доверять ему самые ответственные партийно-государственные посты и поручения. Никогда Ленин не позволял ни себе, ни другим третировать Троцкого как противника социализма и «врага народа».

Пришло время заполнения «белых пятен» в истории нашей партии и революции. Имя и дела Л. Д. Троцкого были в течение шестидесяти с лишним лет закрыты от нас даже не белым, а черным пятном. Но Троцкий, очевидно, не нуждается в формальной реабилитации, как давно уже ни в чем не нуждается: 21 августа 1940 г. он был по-бандитски убит подосланным Сталиным фанатиком-террористом Рамоном Меркадером. Зато мы, чтобы честно смотреть в глаза людям и смело идти вперед, нуждаемся в знании правды о видных деятелях нашей отечественной истории XX века, в том числе и о такой сложной и противоречивой личности, как Троцкий. О революционере, который часто ошибался, но сыграл отнюдь не последнюю роль в Октябрьской революции и гражданской войне. О человеке, который немало дискутировал с Лениным, но восемь лет работал с ним плечом к плечу. О политическом деятеле, который не сломался, как многие, перед диктатурой Сталина и шестнадцать лет почти в одиночку, преданный друзьями и оболганный врагами, боролся против кошмара сталинщины.

И. В. Сталин

Самый четкий и выразительный эскиз, наиболее приближенный к адекватному портрету Иосифа Сталина, В. И. Ленин набросал лишь за неделю до начала 1923 г. — последнего года своей жизни — в «Письме к съезду», известному как его политическое завещание. Теперь оно популярно, а с начала 30-х гг., т. е. со времени окончательного установления сталинского самовластья, и до 1956 г. этот документ тщательно скрывали от партии и народа. Обнаружение его при обысках в период сталинского антипартийного и антинародного массового террора квалифицировалось как «хранение и распространение троцкистской литературы» со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

И многие годы в народное сознание упорно и методично внедрялся искаженный образ, вышедший из кривого зеркала ворошиловско-бериевских и им подобных мадригалов и для вящей убедительности подкрепленный такими мировыми авторитетами, как, например, Максим Горький и Анри Барбюс. Возник и утвердился чудотворный образ гения и мудреца, равновеликого Ленину вождя, самого лучшего и близкого друга Ильича, его первого и незаменимого соратника.

Создатели поддельного облика «равновеликого вождя» не могли, конечно, обойти своим вниманием такой важный исторический источник, как переписка Ленина и Сталина. У нас нет доказательств прямой фальсификации этой переписки, но

качество и степень полноты ее публикаций, осуществленных до 1953 г., произвольные купюры в текстах, тенденциозные комментарии, сокрытие многих писем Сталина, Сталину или о Сталине *граничат* с фальсификацией. Поэтому исследование этого круга эпистолярного наследия не менее, а подчас и более затруднено, чем переписка В. И. Ленина с репрессированными, а следовательно, и оклеветанными его соратниками. И там, и здесь наличествуют искажение, сокрытие, но здесь они предстают как бы «с обратным знаком».

Попытаемся все же, невзирая на ограниченность и не до конца преодоленную до сих пор ущербность исследуемого материала, выявить в ленинско-сталинской переписке некоторые дополнительные штрихи к подлинному сталинскому портрету. При этом к другим источникам мы будем и в данном очерке обращаться лишь постольку, поскольку они в той или иной мере дополняют, разъясняют и помогают комментировать эту переписку.

По самым осторожным подсчетам, Ленин написал Сталину примерно 150 писем, записок и телеграмм. Свыше 100 из них опубликованы в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, более 40 до сих пор не разысканы (факт их бытия в ряде случаев подтверждается тем, что сохранились расписки Сталина в их получении).

Письма Ленина Сталину начали публиковаться в 20-х гг. Многие из них появились в 4-м издании Сочинений В. И. Ленина, самом неполноценном (сейчас это общепризнано) из всех пяти изданий. Ленинские письма публиковались там зачастую с купюрами.

Из всех известных ленинских писем Сталину только четыре относятся к дореволюционному периоду и написаны в декабре (н. ст.) 1912 г. Обращает на себя внимание тот факт, что все они дошли до нас не в виде автографов Владимира Ильича, а в виде машинописных копий, снятых полицией при перлюстрации.

В Полном собрании сочинений В. И. Ленина более 20 писем опубликованы впервые.

Писем Сталина к В. И. Ленину опубликовано в вышедших томах его сочинений немногим более десяти, причем все они относятся к послереволюционному периоду.

Из дополнительных источников необходимо упомянуть, во-первых, неопубликованные документы ЦПА, на которые имеются ссылки в ряде изданий, и в частности в 12-томной Биографической хронике В. И. Ленина, и, во-вторых, хронику — «Даты жизни и деятельности И. В. Сталина», составленную при издании его сочинений под его руководством.

Личное знакомство Ленина со Сталиным произошло на Таммерфорсской конференции РСДРП, которая состоялась 12—17 декабря 1905 г. В упомянутой выше хронике Сталина сказано, что первое письмо от Ленина он получил еще в декабре 1903 г., находясь в сибирской ссылке. Документального подтверждения этого мы не обнаружили.

После декабря 1905 г. Ленин и Сталин встречались еще несколько раз; представляется, однако, что особого интереса Ленин к нему не проявлял до 1912 г. Установлено лишь, что Сталин не разделял в это время взглядов Ленина по аграрному вопросу (Ленин выступал за национализацию земли, Сталин же принадлежал к так называемым «разделистам»). Известно также, что Сталин занимал недостаточно четкую позицию по философским вопросам, в частности предлагал усваивать попутно «хорошие стороны» махизма.[1]

Важным этапом в истории их взаимоотношений была Пражская партийная конференция (5—17 января 1912 г.), на которой Сталин был заочно кооптирован в состав ЦК и Русского бюро ЦК. Он находился в это время в ссылке в Вологде, и информировать его о кооптации было поручено Г. К. Орджоникидзе, который также был избран в состав ЦК и в Русское бюро.

В связи с этим следует отметить одну деталь. Хотя впоследствии, на XV съезде партии, Сталин заявил, что Пражская конференция «имела величайшее значение в истории нашей партии, ибо она положила межу между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию»,[2] сам он в 1912 г. не понял решений конференции и уже после нее был сторонником того, чтобы пойти на блок с бакинскими меньшевиками и составить с ними «общую избирательную комиссию» по выборам в Думу.[3]

Можно полагать, что Ленин долго не получал известий о том, проинформировал ли Орджоникидзе Сталина о решении конференции. 28 марта 1912 г. Владимир Ильич писал из Парижа в Тифлис Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандаряну и Е. Д. Стасовой: «От Ивановича{73} ничего. Что он? Где он? Как он?»[4]

Между тем Сталин бежит 29 февраля 1912 г. из вологодской ссылки, проводит некоторое время в Баку и Тифлисе и в начале апреля появляется в Петербурге, предварительно встретившись в Москве с Орджоникидзе. Как член ЦК и Русского бюро, Сталин участвует в работе по выборам в IV Государственную думу, принимает участие в редактировании большевистской газеты «Звезда». Правда, за период с апреля по сентябрь 1912 г. Сталин

был вновь арестован и, бежав на этот раз уже из нарымской ссылки, вновь вернулся в столицу. Здесь он опять включается в работу по выборам в IV Думу и пишет в октябре «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», который был положительно оценен Лениным.[5] Обратил Ленин внимание и на другую публикацию Сталина — «Кто победил?» в «Правде» — об итогах выборов в Петербурге по рабочей курии.[6]

Есть сведения о том, что 3 ноября 1912 г. Н. К. Крупская по поручению Ленина пригласила Сталина в Краков. По данным «Дат жизни…» Сталина (приложения к его сочинениям) он прибыл в Краков нелегально до 23 ноября (н. ст.), пробыл там до конца ноября — начала декабря и принял участие в заседании ЦК РСДРП.[7] В Биохронике В. И. Ленина об этом нет сведений, но в то же время упоминается о наличии в ЦПА письма Сталина к Ленину, написанного не позднее 12 (25) ноября, и заявления Сталина от 19 ноября (2 декабря) того же года в ЦК РСДРП.[8] Подробностей о содержании этих документов выяснить не удалось.

Сталин возвратился в Петербург, по-видимому, не позднее 6 декабря (н. ст.) 1912 г. Такой вывод можно сделать из того, что именно этим числом датировано первое из известных нам писем Ленина, адресованных Сталину.[9]

Выше уже упоминалось, что известны четыре письма В. И. Ленина И. В. Сталину, написанные до Октябрьской революции. Они датированы 6, 11, 14 и 16 декабря (н. ст.) 1912 г. Приводить эти письма нет необходимости: укажем лишь, что в них идет речь о том, что Сталину следует делать в связи с его работой с большевистской фракцией IV Думы, об организации митингов и стачки рабочих, о борьбе с ликвидаторами, деятельности «Правды» и др. Наряду с советами Ленин делает ему и некоторые замечания. Установлено, что в ходе обсуждения вопроса об отношениях между депутатами Думы — большевиками и меньшевиками Сталин одно время не разделял мнения Ленина о необходимости твердой политики и решительной борьбы с меньшевиками.[10]

Исследователям еще предстоит выяснить некоторые источниковедческие детали переписки Ленина со Сталиным в 1912 г. — в частности, вопрос о том, почему письма написаны не самим Лениным, а Н. К. Крупской, почему в авторизованной хронике Сталина упоминается лишь одно из четырех дореволюционных ленинских писем и т. д. Возникает также вопрос: чем можно объяснить, что начиная с 28 марта и до 20 декабря 1912 г. охранке удалось перехватить и перлюстрировать не менее 17 ленинских писем разным лицам в Россию.

В конце 1912 — начале 1913 г. Сталин работал над статьей «Национальный вопрос и социал-демократия». Можно думать, что об этом он говорил с Лениным во время их встреч в Кракове. Между 15 и 25 февраля 1913 г. Ленин написал письмо Горькому, в котором сообщал: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения“ большую статью, собрав *все* австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем».[11] Речь идет о статье Сталина, которая была опубликована в трех книжках большевистского легального журнала «Просвещение» за 1913 г. И хотя между Лениным и Сталиным были серьезные расхождения по национальному вопросу, эту статью Ленин защищает от разного рода нападок и неоднократно на нее ссылается.

23 февраля (8 марта) 1913 г. Сталин был арестован и после длительного следствия сослан в Туруханский край. Ленин узнал об этом в 20-х числах марта, о чем свидетельствует его письмо Л. Б. Каменеву, написанное ранее 29 марта, в котором есть такие строки: «У нас аресты тяжкие. Коба взят. С Малиновским переговорили о необходимых мерах».[12]

Из материалов ЦПА видно, что 20 июля (2 августа) 1913 г. Ленин посылает Сталину в туруханскую ссылку 120 франков. Известно также, что 1 (14) октября того же года на заседании ЦК РСДРП обсуждался вопрос об организации побега из ссылки Я. М. Свердлова и И. В. Сталина.[13]

Судя по письмам Ленина, начиная с этого времени и примерно до лета 1915 г. связи его со Сталиным прерываются, хотя в хронике Сталина есть указание на то, что 27 февраля 1915 г. он написал письмо Ленину. Но нам пока лишь известно, что только 21 августа 1915 г. Ленин после большого перерыва упоминает о письме к нему Сталина (в письме В. А. Карпинскому): «Коба прислал привет и сообщение, что здоров».[14]

Во всяком случае, летом 1915 г. Владимир Ильич вдруг почему-то проявляет интерес к Сталину. В конце июля этого года он в письме спрашивает у Г. Е. Зиновьева: «Не помните ли фамилии ***Кобы***?» Но коль скоро и Зиновьев, очевидно, запамятовал фамилию «чудесного грузина», Владимир Ильич уже в ноябре вновь запрашивает о том же, теперь уже у Карпинского: «Большая просьба: узнайте (от Степко{74} или Михи{75} и т. п.) фамилию ***„Кобы“*** (Иосиф Дж……?? мы забыли). Очень важно!!».[15]

И это уже в 1915 году! Любопытная иллюстрация к легенде сталинской историографии о небывалой близости и дружбе «с

первого взгляда» Ленина и носителя удачно рифмующегося с ним псевдонима…

Из хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции материалов департамента полиции видно, что в феврале 1917 г. Сталин послал из Туруханска письмо Ленину, в котором спрашивал, есть ли возможность издать его работу «Марксизм и национальный вопрос» и др. в виде сборника. Поскольку и это письмо побывало в руках охранки, оно, возможно, до Ленина не дошло.[16]

После Февральской революции Сталин выезжает в Петроград. 4 апреля (н. ст.) Ленин в письме В. А. Карпинскому и С. Н. Равич из Цюриха в Женеву сообщал: «Из Перми пришла телеграмма: „Братский привет Ульянову, Зиновьеву. Сегодня выезжаем в Петроград и т. д. Подписи: Каменев, Муранов, Сталин“».[17] (Это письмо Ленина также было перлюстрировано.)

Сталин приехал в Петроград 12 марта (ст. ст.) 1917 г. 3 апреля он был среди тех, кто встречал Ленина на станции Белоостров.

В сочинениях Сталина (в его хронике) за март — октябрь 1917 г. помещено более 30 записей о его деятельности в эти месяцы на разных постах. Если судить по этим данным, Ленин поддерживал постоянный контакт со Сталиным, несколько десятков раз имел с ним встречи. Однако из Полного собрания сочинений и Биохроники В. И. Ленина эти контакты предстают как единичные. Здесь приводятся факты о том, что на квартире С. Я. Аллилуева в июле 1917 г. в присутствии Сталина обсуждался вопрос о явке Ленина на суд, о том, что в ночь с 9 на 10 июля Сталин сопровождал Ленина к вокзалу для последующего отъезда в Разлив, о встрече Сталина с Лениным 26 июля и наконец о заседании ЦК под председательством В. И. Ленина 16 октября, на котором было принято постановление об организации Партийного центра по руководству восстанием, куда в числе пяти человек вошел и Сталин.

Уже авторы научных статей и монографий, опубликованных после XX съезда КПСС, показали, что записи в сталинском жизнеописании типа: «В. И. Ленин и И. В. Сталин руководят работой VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевистской партии»; «16—23 июня [1917 г.] В. И. Ленин и И. В. Сталин руководят работой Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б)»; «8—11 июля. И. В. Сталин подготавливает отъезд В. И. Ленина из Петрограда»; «16 октября. В. И. Ленин и И. В. Сталин руководят расширенным заседанием ЦК большевистской партии» и т. п. — мягко говоря, преувеличивают роль Сталина в указанных событиях. И уж совсем

надуманными представляются в свете наших сегодняшних знаний такие, например, утверждения, исходящие из ложной теории «двух вождей революции»: «25—26 октября. В. И. Ленин и И. В. Сталин руководят II Всероссийским съездом Советов».

В приложении к сталинским сочинениям можно прочесть и такое: «3 ноября. В. И. Лениным и И. В. Сталиным подписана „Декларация прав народов России“, написанная И. В. Сталиным». Ныне широко известно, что эта историческая Декларация написана *собственноручно* Владимиром Ильичем, и в Полном собрании сочинений приведена фотокопия ленинского *автографа* этого документа; известно также, что Сталин лишь внес небольшие поправки в один из параграфов, да Бухарин добавил один абзац, отредактированный Лениным.[18]

Это уже прямая фальсификация! И подобных примеров можно привести множество.

Утверждения Сталина и других творцов его культа о том, что Сталин был во всем солидарен с Лениным накануне и в период совершения Октябрьской революции, тоже, мягко говоря, не соответствует действительности. Известно, например, что редакция «Правды» во главе с Л. Каменевым и И. Сталиным задержала, а потом напечатала с произвольными купюрами первое ленинское «Письмо из далека» и вообще занимала по ряду вопросов неверную позицию. В связи с этим 12 (25) апреля В. И. Ленин писал Я. С. Ганецкому и К. Б. Радеку: «Надеемся вполне выправить линию „Правды“, колебнувшейся к „каутскианству“».[19] Сталин, в частности, носился с полуоппортунистической идеей «давления» на Временное правительство.

Только в 1957 г. стало известно, что Сталин был в числе тех, кто выступил, вопреки Ленину, против решительных санкций по отношению к Л. Каменеву и Г. Зиновьеву в связи с их «октябрьским эпизодом», предлагая в столь напряженный момент «компромисс». 22 или 23 октября В. И. Ленин писал Я. М. Свердлову: «…если *вы* (+ Сталин, Сокольников и Дзержинский) требуете компромисса, внесите *против* меня предложение о сдаче дела в партийный суд…».[20]

Кстати сказать, до сих пор, и пока безуспешно, историки пытаются выяснить: где был и что конкретно делал Сталин в решающие часы Октябрьского восстания? Обо всех руководителях партии все известно, а о Сталине — почти ничего… Например, даже в трехтомном издании «Петроградский Военно-революционный комитет» (М., 1956), в котором опубликован весь документальный фонд ВРК, хранящийся в Центральном архиве Октябрьской революции, Сталин упоминается только в связи с

заседаниями ЦК: никаких следов его реальных дел в часы подготовки и проведения восстания нет.[21]

26 октября И. В. Джугашвили (Сталин) вошел в состав первого Советского правительства в качестве председателя по делам национальностей.

Из наиболее важных событий, в которых Сталин принимал активное участие в первые месяцы революции, следует упомянуть переговоры (Ленин, Сталин, Крыленко) с генералом Духониным, закончившиеся смещением Духонина с поста главковерха; заседания СНК, на которых Сталин выступал по вопросам об отношениях с Финляндией и с Центральной Радой на Украине, о положении дел на Кавказе и др.

В начале 1918 г. Сталин принимал участие в переговорах о Брестском мире и, в частности, в совместном с Лениным разговоре с председателем советской мирной делегации Троцким 3 (16) января. В речи на заседании ЦК РСДРП 1 (24) января 1918 г. о войне и мире В. И. Ленин, в частности, сказал, что он «не согласен в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым»,[22] и далее пояснил, почему он не согласен. Возражение Владимира Ильича вызвали рассуждения Сталина о том, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». Ленин резонно ответил на это, что массовое движение на Западе, конечно, есть, хотя революция там еще не началась. «Однако если бы в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму».[23]

На заседании ЦК РСДРП(б) 23 февраля 1918 г., созванном после ультимативного предъявления немцами новых, еще более тяжелых условий мира, Сталин явно колебнулся в сторону «левых коммунистов», заявив, что он за продолжение мирных переговоров, но «мира можно не подписывать». «Сталин неправ, — парировал это колебание В. И. Ленин, — когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели».[24] После этой реплики Сталин тут же вновь перешел на сторону Ленина.

Заметную роль И. В. Сталин сыграл в переговорах с Центральной Радой Украины, будучи председателем делегации РСФСР. Это же следует сказать о его деятельности в качестве руководителя продовольственного дела на юге России. В телеграмме В. И. Ленина от 8 июня 1918 г. в Нижний Новгород, Саратов и Царицын читаем: «Предлагается вам исполнять немедленно, беспрекословно все приказы и распоряжения чрезвычайного уполномоченного от Совнаркома наркома

Сталина».[25] Попутно с этой работой Ленин давал Сталину ряд особых поручений, связанных с положением в Баку, потоплением Черноморского флота и др.

У нас нет возможности и нужды приводить данные о контактах Ленина и Сталина на протяжении всего 1918 г. Желающие могут найти эти данные в приложении к сочинениям Сталина, где упомянуто почти три десятка таких контактов, и в Биографической хронике В. И. Ленина. Обратим, однако, внимание на характер изложения этих фактов. Прежде всего, в отличие от Биохроники Ленина, где каждый факт или событие подтверждены ссылками на соответствующие документы, в том числе и неопубликованные, в хронике Сталина такие ссылки отсутствуют. Поэтому достоверность фактов не всегда можно проверить. В связи с чем научная значимость сталинской хроники с точки зрения достоверности невысока, тем более что мы уже имели возможность видеть явное стремление составителей этого приложения непомерно возвеличить роль Сталина и соответственно принизить роль Ленина.

Можно обнаружить также умолчание ряда фактов, характеризующих Сталина отнюдь не с лучшей стороны. Приведем лишь один пример. Летом 1918 г., будучи в Царицыне, Сталин не поладил с работником Главнефти К. А. Махровским. Не сумев по каким-то причинам справиться с ним на месте, Сталин написал жалобу Ленину, обвиняя Махровского в преступной деятельности. 12 июля Совнарком под председательством Ленина рассмотрел эту жалобу и пришел к выводу, что все обвинения Сталина необоснованны. В ЦПА хранится документ, из которого видно, что 16 июля 1918 г. Ленин подписал телеграмму, в которой Сталину сообщается, что Совнарком не нашел действия Махровского преступными, и предлагается прислать фактические данные о работе Главнефти. К телеграмме Владимир Ильич сделал приписку: «Для меня лично ясно, что вы погорячились, обругав Махровского». Казалось бы, инцидент исчерпан. Но не таков был Сталин, чтобы оставить в покое своего «противника». В том же архиве хранятся документы, из которых видно, что К. А. Махровский был все-таки арестован в Царицыне, о чем дали знать Ленину (с просьбой принять меры для его освобождения). 27 августа Ленин подписывает телеграмму Сталину, в которой ему предписывается доставить Махровского в Москву в полной безопасности.[26]

Из этого конфликта можно, пожалуй, сделать два вывода — один источниковедческий, другой, так сказать, психологический. Во-первых, мы видим, что главный автор приложений к собственным сочинениям изымал из них сведения для него

нелестные (в данном случае, видимо, по той причине, что инцидент закончился не в его пользу). Во-вторых, очевидно, что склонность к произволу, беззаконию и клевете проявилась у Сталина не после 1924 г., а гораздо раньше. Разумеется, пока был жив В. И. Ленин и пока Сталин еще не «сосредоточил в своих руках необъятную власть», эту порочную склонность он проявлял реже, но все же проявлял. Приведем подобный же случай, но закончившийся в пользу Сталина (а потому, очевидно, и опубликованный еще в 1942 г.).

Осенью 1918 г. возникло дело другого сотрудника Главнефти — Н. Мухина, арестованного в Царицыне местной ЧК. Л. Б. Красин просил Ленина дать телеграмму в ВЧК и Сталину об освобождении Мухина и направлении его в Москву. В связи с этим Ленин писал Л. А. Фотиевой и Л. Б. Красину 9 октября 1918 г.: «О Мухине подписать не согласен: (1) Красин пишет, что Мухин *скрывал деньги от Сталина.* Этого он делать ***не вправе*** был, хотя бы и „по распоряжению **своего** (!!??) начальства“, — ибо Сталин тоже начальство, а если не „свое“, то более высокое. (2) Формально неправильно и вообще недопустимо решать это, *не спросив Сталина* (а Сталин в Москве!!). Привет! *Ленин*».[27]

Сопоставление этих двух фактов иллюстрирует также объективность Ленина в оценке действий как Сталина, так и других лиц.

В январе 1919 г. И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский возглавили партийно-следственную комиссию для выяснения причин так называемой *«пермской катастрофы».* Комиссия провела полезную работу по укреплению боеспособности войск Восточного фронта.

В марте 1919 г. произошли события, которые значительно усилили влияние Сталина в партии и стране. На Пленуме ЦК, состоявшемся после VIII съезда партии, он был избран членом Политбюро и Оргбюро ЦК. 30 марта по предложению Ленина он получил еще одну должность — наркома Госконтроля.

После перехода в наступление в мае 1919 г. войск Юденича Сталин был направлен в Петроград для усиления руководства обороной города. В связи с этим поручением между Лениным и Сталиным велась оживленная переписка. В своих письмах Ленин, отдавая должное деятельности Сталина, высказывает также в его адрес серьезные упреки и дает соответствующие указания. Так, в телеграмме от 27 мая Ленин предписывает Сталину принять конкретные экстренные меры для укрепления фронта и тыла. Узнав в июне 1919 г., что Сталин и Зиновьев затеяли интригу против члена Реввоенсовета А. И. Окулова, Ленин, чтобы конфликт не разросся, телеграфирует: «…признавая абсолютно

необходимым максимум сплоченности в питерской военной работе и необходимость быстрой победы на этом фронте, Политбюро и Оргбюро Цека постановляют временно отозвать Окулова и направить его в распоряжение товарища Троцкого».[28]

Вместе с тем Ленин считался с мнением Сталина, внимательно относился к его просьбам о необходимости улучшить снабжение Петрограда оружием, продовольствием и т. д. Характерен такой эпизод. В 20-х числах мая 1919 г. предполагался пленум ЦК, но, узнав о том, что Сталин и Зиновьев не смогут прибыть на него, Ленин предложил отложить пленум.[29] Из опубликованных и неопубликованных документов ЦПА следует, что Ленин неоднократно советовался со Сталиным по вопросам о продовольственном положении страны, о мерах борьбы с укрывательством от военной службы, национальному и др.[30]

16 июня в связи с ликвидацией контрреволюционного мятежа на фронтах Красная Горка и Серая Лошадь Сталин прислал на имя В. И. Ленина довольно странную по содержанию и явно хвастливую по форме телеграмму. В ней говорилось: «Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязыванием своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».[31]

Судя по всему, Владимир Ильич был крайне удивлен, прочитав эту телеграмму. Во всяком случае, на ее бланке (который хранится в ЦПА) он поставил три вопросительных знака и написал: «Красная Горка взята с суши».[32] И действительно, как подтверждают военные специалисты-историки, форт Красная Горка был взят сухопутными войсками, лишь при поддержке боевых кораблей.

А телеграмма эта наглядно выражала присущее Сталину «спецеедство» (выражение тех лет), заключавшееся не только в недооценке технических и военных специалистов, но и в абсолютном недоверии к ним.

Нет сомнения, что Владимир Ильич помнил об этой сталинской телеграмме из Петрограда, когда через три недели писал в своем знаменитом письме к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!»: «Если некоторые партийные органы берут неверный тон по отношению к военспецам (как это было недавно в Петрограде) или если в отдельных случаях „критика“

военспецов вырождается в прямую помеху систематической и упорной работе по их использованию, партия исправляет тотчас и будет исправлять эти ошибки».[33]

26 сентября 1919 г. состоялся Пленум ЦК, на котором было принято решение направить Сталина на Южный фронт.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» и особенно в «Датах жизни…» Сталина прослеживается стремление доказать, что разгром Деникина явился результатом энергичной деятельности Сталина, его полководческого и организаторского таланта. В хронике Сталина имеется до 40 записей с сентября 1919 г. по январь 1920 г. о его роли в разгроме Деникина. Исследование писем, статей и выступлений В. И. Ленина этого периода показывает, что в действительности это было далеко не так. О том, как Сталин пытался приписать лично себе стратегический план разгрома деникинщины, разработанный Центральным Комитетом партии и Главным штабом Красной Армии, первым рассказал еще в 1958 г. военный историк академик С. Ф. Найда в своей книге «О некоторых вопросах гражданской войны в СССР». Сейчас этот вопрос достаточно исследован.

10 января 1920 г. Южный фронт был переименован в Юго-Западный, членом Реввоенсовета фронта был назначен Сталин. Переписка Ленина и Сталина этого периода связана в большой мере именно с этой должностью Сталина, а также с его работой в качестве председателя совета Украинской трудовой армии, которым он был назначен 20 января 1920 г. В этой переписке имеются факты, свидетельствующие о резких конфликтах между ними. Так, в 10-х числах февраля 1920 г. Сталин получил распоряжение Главкома С. С. Каменева о выделении из состава Украинской трудовой армии некоторых сил для подкрепления Кавказского фронта. В ответ Сталин посылает 18 февраля телеграмму Ленину, в которой выражает свое несогласие с распоряжением Главкома и просит вызова в Москву для объяснений. В связи с этим Ленин 19 февраля пишет следующую записку членам Политбюро ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому и Л. Б. Каменеву: «…я против вызова Сталина. Он придирается. Главком прав вполне: сначала надо победить Деникина, потом переходить на мирное положение. Предлагаю ответить Сталину: „Политбюро не может вызвать Вас сейчас, считая важнейшей и неотложной задачей побить до конца Деникина, для чего надо Вам ускорить подкрепления Кавкфронту изо всех сил“».[34]

20 февраля Ленин выслал Сталину шифрованную телеграмму, в которой просил срочно помочь войсками Кавказскому фронту, который «приобретает все более серьезный характер». Сталин ответил телеграммой, которая хранится в ЦПА

и частично цитируется в примечаниях к Полному собранию сочинений В. И. Ленина: «Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня… Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой».[35] В ответ на этот демарш, в котором проявилась отмеченная В. И. Лениным позднее капризность Сталина, последовала следующая ленинская телеграмма: «На Вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавкфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях».[36] Телеграмма эта была у нас впервые опубликована лишь в 1965 г.

В связи с наступлением поляков весной 1920 г. возникли разногласия между Сталиным и Троцким по поводу оценки сложившейся обстановки. Из телеграммы В. И. Ленина Л. Д. Троцкому, посланной между 8 и 20 марта, видно, что Ленин поддержал меры, предложенные Троцким «вопреки оптимизму Сталина».[37] (Этого сюжета мы уже касались в очерке о Троцком.)

В разногласиях между Сталиным и Троцким по вопросу об операциях в Крыму в марте 1920 г. Ленин также поддержал Троцкого.[38]

Следует отметить, что Сталин, по крайней мере внешне, вроде бы не обижался на замечания Ленина (если не считать за проявление обиды его подмеченные Лениным капризы). В связи с 50-летием со дня рождения Владимира Ильича Сталин напечатал в «Правде» от 23 апреля 1920 г. статью «Ленин, как организатор и вождь РКП» и в тот же день выступил с речью на посвященном этому юбилею собрании в Московском комитете РКП(б). Любопытно, что в этой речи Сталин особо отметил скромность Ленина и мужество, с которым он не боится признавать свои ошибки. «Эта скромность и мужество особенно нас пленили», — закончил он свою речь. Как известно, Сталин любил называть себя учеником и последователем Ленина, но эти черты своего названного учителя (как, впрочем, и многие другие) он явно не унаследовал.

Ленин знал о частых конфликтах между Сталиным и Троцким и старался не дать им разрастись. Но в письмах Ленина Сталину и о Сталине летом 1920 г. можно проследить критическое отношение прежде всего ко многим предложениям Сталина и к его выпадам против Троцкого и Главкома С. С. Каменева. 3 июня 1920 г. Сталин просил Ленина поставить на Политбюро ЦК его предложение «санкционировать наше наступление в целях ликвидации крымского вопроса в военном порядке». На этой

телеграмме Ленин написал: «Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: „Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа. *Ленин. Троцкий*“».[39]

В августе 1920 г. произошел конфликт в связи с тем, что Политбюро приняло решение о выделении крымского участка Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт ввиду возраставшей опасности со стороны Врангеля и восстания казаков на Кубани. Об этом Ленин сразу же сообщил Сталину. В ответной телеграмме Сталин разразился буквально истерикой: «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя. Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов». Владимир Ильич на этот очередной сталинский каприз спокойно ответил: «Не совсем понимаю, почему Вы недовольны разделением фронтов. Сообщите Ваши мотивы. Мне казалось, что это необходимо, раз опасность Врангеля возрастает. Насчет заместителя сообщите Ваше мнение о кандидате. Также прошу сообщить, с какими обещаниями опаздывает Главком. Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвет наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека».[40]

Создается впечатление, что эта телеграмма отрезвила Сталина (ведь Ленин выразил готовность назначить на его место «заместителя»), и он остался на Южном фронте. В свою очередь Ленин продолжал поручать ему важные военные и политические задания.

Летом 1920 г. с полной очевидностью выявились расхождения между Лениным и Сталиным по национальному и колониальному вопросам. Тема это особая и требует специального рассмотрения. Укажем лишь, что в июне — июле 1920 г. В. И. Ленин написал «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», который послал ряду лиц, в том числе Сталину. В ответ Сталин пишет Ленину большое письмо из Кременчуга, которое датировано 12 июня. Оно хранится в ЦПА и частично опубликовано в XXV томе 3-го издания Сочинений В. И. Ленина (в примечании на с. 624). Не приводя здесь этого отрывка сталинского письма, скажем лишь,

что в нем содержится ряд ошибочных суждений, в частности по вопросу о федерации Советских республик. Эти ошибки легли позднее в основу сталинской идеи о так называемой «автономизации», выдвинутой в 1922 г. и подвергнутой резкой критике в работе В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“».

19 августа 1920 г. Политбюро ЦК под руководством В. И. Ленина обсудило вопрос о положении на польском и врангелевском фронтах и в тот же день приняло решение о предоставлении двухнедельного отпуска Сталину. Из материалов ЦПА видно, что 1 сентября рассматривалась также просьба Сталина об освобождении его от военной работы.[41]

В октябре 1920 г. Сталин направляется на Северный Кавказ и в Азербайджан. В архиве сохранилось сведение о том, что 15 октября Ленин подписал ему удостоверение на право пользования специальным поездом. Пробыл он на Кавказе до конца ноября, выполнив там ряд поручений Ленина, после чего возвратился в Москву. 27 ноября он сделал на заседании Политбюро доклад об обстановке на Кавказе, на основании которого Ленин написал проект постановления по данному вопросу.[42]

Как явствует из материалов ЦПА, в середине декабря 1920 г. Сталин заболел, в связи с чем Владимир Ильич пишет записку доктору В. А. Обуху. Болезнь продолжалась примерно до 24 января 1921 г.[43]

Из контактов 1921 г. отметим совместную работу Ленина и Сталина над тезисами по национальному вопросу для X съезда партии. В проект тезисов, подготовленный Сталиным, Ленин внес важнейшее положение о необходимости непримиримой борьбы с великодержавным шовинизмом и местным буржуазным национализмом. На самом съезде, состоявшемся 8—16 марта 1921 г., было принято решение, которое определяло существующую федерацию как форму государственного союза независимых республик, подтвердив тем самым идею Ленина о федерации, основанной на автономии, и неприемлемость сталинского замысла «автономизации».

Обратим внимание на такие сюжеты, в которых тоже проскальзывают штришки сталинского портрета. 9 марта 1921 г. Ленин написал письмо о положении в Сибири и о необходимости посылки туда председателя Сибревкома И. Н. Смирнова. На письме имеется пометка Сталина о том, что он не согласен с ленинским предложением.[44] 15 марта А. А. Иоффе обратился к Ленину с письмом, в котором сетовал на то, что его постоянно переводят с одного места на другое. В ответном письме от 17

марта Ленин убеждает Иоффе в необоснованности его жалобы, указывая, что приходится перебрасывать с места на место не только его. «…Вас *бросала судьба,* — пишет Владимир Ильич. — Я это видел на многих работниках. Пример — Сталин. Уж, конечно, он-то бы за себя постоял. Но „судьба“ не дала ему *ни разу* за три с половиной года быть *ни* наркомом РКИ, *ни* наркомом национальностей. Это факт».[45]

Получив в апреле известие о том, что Сталин опять нездоров, Ленин дает поручение секретарю: «Позвоните *Обуху,* что я прошу его прислать или привести с собой к *Сталину* доктора-специалиста…». Вероятно, в связи с болезнью Сталина на заседании Политбюро 30 апреля 1921 г. вновь стоял вопрос о предоставлении ему отпуска.[46] То обстоятельство, что 15 мая Сталин участвовал в пленуме ЦК и доложил о проекте договора с Закавказскими республиками, говорит о том, что он к этому времени выздоровел. Из материалов ЦПА видно, что 28 июня Ленин послал телеграмму в Баку Г. К. Орджоникидзе с запросом, хорошо ли там устроен Сталин. Там же хранится ответная телеграмма Орджоникидзе с информацией о пребывании Сталина в Баку. Владимиру Ильичу содержание ответа явно не понравилось, и 4 июля он телеграфирует Серго: «Удивлен, что вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы еще отдохнуть не меньше 4 или 6 недель. Возьмите письменное заключение хороших врачей». 17 июля запрос по телефону: «…прошу сообщить, как здоровье Сталина и заключение врачей об этом».[47] 24 или 25 июля Орджоникидзе сообщил Ленину, что в лечении Сталина пришлось сделать перерыв. На этой телеграмме Ленин написал поручение секретарю выяснить фамилию и адрес доктора, лечившего Сталина, и на сколько дней его оторвали от отдыха.[48] Конечно, Владимир Ильич проявлял такую тщательную заботу о здоровье не только Сталина, но и других своих соратников. Люди для Ленина были «самым ценным капиталом» не только на словах…

В последних числах июля 1921 г. Ленин уже поручает Сталину ряд дел.[49] В течение второй половины этого года они часто встречаются, обмениваются письмами по самым разным вопросам. Анализируя их взаимоотношения в этот период, можно видеть, что в каких-то вопросах они были солидарны, по каким-то их мнения расходились. Так, в конфликте, возникшем между Г. Е. Зиновьевым и рядом членов руководства Петроградской партийной организации осенью 1921 г., они заняли общую позицию, по вопросу же об оценке деятельности Наркомата РКИ, который возглавлял Сталин, их взгляды разошлись настолько, что Ленину пришлось посвятить этой теме ряд документов.[50] Были

разногласия и по вопросу взаимоотношений с Американской ассоциацией помощи голодающим (АРА). Как свидетельствуют архивные документы, Сталин настаивал на взимании платы за провоз продовольственных посылок для голодающих через границу.

15 ноября Владимир Ильич по собственной инициативе или по просьбе Сталина направляет письмо начальнику охраны Кремля с просьбой ускорить решение вопроса о переводе Сталина на другую, более удобную, квартиру. О том же ходатайствует и А. В. Луначарский.[51] Не ограничившись этим, Ленин пишет в ноябре секретарю ВЦИК А. С. Енукидзе: «Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, намеченной Сталину? Очень прошу Вас сделать это и *позвонить мне* (телефон хороший; через верхний коммутатор), удается ли или есть препоны».[52] Забота о квартире — это продолжение забот о здоровье Сталина. 28 декабря 1921 г. Ленин пишет Л. А. Фотиевой записку: «Напомните мне завтра. Я должен видеться со Сталиным и *перед этим* по телефону соедините меня с ***Обухом*** (доктором) о Сталине».[53] Все эти перипетии со сталинской квартирой продолжались еще довольно долго. 13 февраля 1922 г. Ленин писал в записке Енукидзе: «Квартира Сталина. Когда же? Вот волокита!»[54] 14 февраля Енукидзе ответил, что квартира готова.

Заканчивая обзор событий 1921 г., обратим внимание на один вопрос, который на первый взгляд носит частный характер, но, как мы увидим ниже, весьма показателен.

В ноябре 1921 г. полномочный представитель Грузии в Москве член ЦК КП(б) Грузии М. Г. Цхакая обратился к Ленину с письмом, в котором просил заступиться за наркома земледелия Грузии Ф. Е. Махарадзе, отозванного из Грузии по решению Оргбюро ЦК РКП(б). В связи с этим Ленин написал записку следующего содержания: «т. Сталин! Просмотрите, пожалуйста, прилагаемое и верните мне с парой слов. Как быть? Каковы Ваши на сей счет планы?»[55] В ответ на это Сталин сообщил, что «Махарадзе снят по требованию Орджоникидзе», и, таким образом, ушел от ответа, свалив все на Орджоникидзе. В конце декабря группа делегатов IX Всероссийского съезда Советов обратилась в ЦК РКП(б) с ходатайством о возвращении Махарадзе в Грузию. 30 декабря Оргбюро ЦК приняло решение удовлетворить эту просьбу.[56] Однако, как мы увидим, этим история не закончилась.

1922 год внес заметные изменения во взаимоотношения Ленина и Сталина. Два обстоятельства особенно сильно повлияли на это: резкое ухудшение здоровья Владимира Ильича, у которого в конце мая и в середине декабря этого года случилось два

сильных приступа, и избрание 3 апреля Сталина Генеральным секретарем ЦК партии. Эти обстоятельства, помимо всего прочего, привели к увеличению числа личных посещений Сталиным Владимира Ильича. По нашим подсчетам, только за время с мая по декабрь 1922 г. Ленин имел не менее 20 персональных встреч и бесед с ним, не считая встреч, на которых присутствовали и другие лица. Столь частые встречи, разговоры по телефону и переписка вполне понятны: с генсеком приходилось обсуждать и решать множество дел и вопросов. Нет сомнения в том, что встречи вообще и персональные в частности давали Ленину возможность лучше узнать и оценить личностные качества Сталина.

Круг вопросов и дел, которые обсуждались ими устно пли письменно в 1922 г., чрезвычайно широк. Это вопросы внутренней политики страны, партийного строительства, кадровые и множество других. По многим вопросам их точки зрения совпадали и решения принимались по обоюдному согласию, хотя и не без существенных ленинских корректив. В качестве примера можно привести замечания Ленина по проекту постановления ВЦИК о Народном комиссариате РКИ, который был принят в марте 1922 г.[57]

Все чаще, однако, выявлялись серьезные расхождения Сталина с Лениным по многим, в том числе весьма важным, вопросам.

11 августа была образована комиссия, которой поручалось подготовить к очередному пленуму ЦК вопрос о взаимоотношениях РСФСР с другими советскими республиками. Возглавлявший комиссию И. В. Сталин разработал проект резолюции «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», который предусматривал вступление республик в Российскую федерацию на правах автономии. При обсуждении проекта Грузия решительно выступила против, другие республики высказали свои замечания. Тем не менее 23 и 24 сентября под председательством В. М. Молотова состоялось заседание комиссии, на котором проект Сталина был принят «за основу». Представитель Грузии отказался от голосования. Утвержденный комиссией проект был передан Ленину, который, ознакомившись с ним, послал 26 сентября Л. Б. Каменеву для рассылки всем членам Политбюро письмо «Об образовании СССР» с решительной критикой проекта, в основу которого был положен все тот же сталинский план «автономизации». Ленин подтверждал свою идею о принципиально новой основе создания союзного государства: добровольное объединение независимых республик в Союз республик с сохранением полнейшего равноправия каждой

из них. Ленин детально разобрал каждый пункт проекта Сталина, указывая, что́ и как надо исправить в нем. В письме Ленин сообщает, что он имел беседу со Сталиным, который «немного имеет устремление торопиться», что Сталин одну уступку уже согласился сделать, а также согласился отложить вынесение резолюции в Политбюро ЦК до приезда Владимира Ильича из Горок 2 октября. Ленин сообщает также, что собирается встретиться с представителем Грузии Мдивани и другими товарищами и будет еще добавлять что-то в проект, изменять его. [58]

Сталин резко отрицательно отнесся к критике Ленина и к его предложениям и направил 27 сентября членам Политбюро письмо, в котором клеймил позицию Ленина как «национальный либерализм» и возражал против большинства его поправок. Понимая, однако, что ЦК поддержит Ленина, а не его, Сталин скрепя сердце занялся переработкой резолюции по замечаниям Ленина. Новый проект за подписями Сталина, Орджоникидзе и других лиц был разослан членам и кандидатам в члены ЦК; при этом умалчивалось, что проект переделан в соответствии с замечаниями Ленина.

6 октября 1922 г. состоялся пленум ЦК. Владимир Ильич по нездоровью не мог на нем присутствовать. Но он посылает Л. Б. Каменеву такую записку: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами. Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

русский
украинец
грузин **и т. д.**
Абсолютно!».[59]

Пленум полностью поддержал позицию Ленина и решительно осудил проявления как великодержавного шовинизма, так и местнического национализма. Но на пленуме… именно Сталину было поручено разработать проект закона об образовании СССР для вынесения его на съезд Советов.

30 декабря 1922 г. состоялся I Всесоюзный съезд Советов, на котором был образован Союз Советских Социалистических Республик.

В тесной связи с вопросом об образовании СССР возник так называемый «грузинский вопрос».

После октябрьского (1922 г.) пленума ЦК РКП(б), о котором говорилось выше, резко обострился конфликт между Закавказским краевым комитетом РКП(б), который возглавлял

Г. К. Орджоникидзе, и группой членов Коммунистической партии Грузии во главе с членом Президиума ЦК КП Грузии П. Г. Мдивани. Мдивани и его сторонники выступали за большую самостоятельность Грузии, за ее вхождение в СССР непосредственно, а не в составе Закавказской федерации. Обе дискутирующие стороны не всегда проявляли тактичность и лояльность в спорах. А Орджоникидзе к тому же допускал администрирование и поспешность в проведении ряда мероприятий, мало считался с мнением и правами членов ЦК КП Грузии.

Не получив поддержки большинства коммунистов Грузии, но имея большинство в ЦК КП Грузии, группа Мдивани подала 22 октября в отставку, выдвинув в качестве мотива свои расхождения с Заккрайкомом. Однако еще до этого члены группы К. М. Цинцадзе и С. И. Кавтарадзе обратились к В. И. Ленину по прямому проводу с каблограммой, в которой обжаловали действия Орджоникидзе и Заккрайкома. В ответ Ленин 21 октября послал телеграмму Цинцадзе и Кавтарадзе (копию Орджоникидзе и секретарю Заккрайкома Орахелашвили) следующего содержания: «Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью *Цинцадзе* и других, переданной мне почему-то Бухариным, а не одним из секретарей *Цека.* Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума *Цека* при моем косвенном участии и при прямом участии *Мдивани.* Поэтому я решительно осуждаю брань против *Орджоникидзе* и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передано ваше сообщение по прямому проводу».[60]

В связи с этими событиями Политбюро 24 ноября приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с Ф. Э. Дзержинским для срочного рассмотрения заявлений членов ЦК КП Грузии об их отставке, а также для выработки необходимых мер по установлению мира и порядка в компартии Грузии.

Обратим внимание на следующую деталь. Получив 24 ноября для голосования путем опроса членов Политбюро постановление Секретариата от 24 ноября о назначении этой комиссии, Ленин написал: «Воздерживаюсь».[61] Это дает основания думать, что, во-первых, постановление было принято в отсутствие Ленина и, во-вторых, что Ленин уже тогда сомневался в объективности комиссии Дзержинского. Опасения Ленина подтвердились. Судя по всему, деятельность комиссии все время беспокоила Ленина.

Уже 2 декабря Ленин запрашивает через сотрудника ГПУ Беленького, когда Дзержинский приедет из Тифлиса. 12 декабря

он принял приехавшего из Тифлиса Дзержинского и беседовал с ним с 18 до 18 часов 40 минут. 13 декабря Ленин в течение двух с лишним часов беседует со Сталиным.

В ночь с 15 на 16 декабря 1922 г. наступило резкое ухудшение здоровья Владимира Ильича.

До 24 декабря Ленин ставит перед врачами вопрос о разрешении ему диктовать стенографистке ежедневно хотя бы в течение короткого времени свой «дневник». 18 декабря пленум ЦК специальным постановлением возлагает на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами.

Позднее 20 декабря Ленину было направлено заключение комиссии Политбюро в составе Ф. Э. Дзержинского, Д. З. Мануильского и В. С. Мицкявичюса-Капсукаса по делу о конфликте ЦК КП Грузии старого состава и Закавказского крайкома партии.

В ночь с 22 на 23 декабря наступает дальнейшее ухудшение в состоянии здоровья Ленина — паралич правой руки и правой ноги.

23 декабря Владимир Ильич получает разрешение врача Кожевникова продиктовать в течение 5 минут первую часть «Письма к съезду». 24 декабря по ультимативному требованию Ленина Политбюро после консультации с врачами принимает решение разрешить Ленину ежедневно в течение 5—10 минут диктовать, но запрещает ему все свидания. Ленин диктует между 18 и 20 часами в течение 10 минут вторую часть «Письма к съезду», где дает оценку качествам Сталина. 25 декабря Ленин продолжает диктовать вторую часть «Письма к съезду». 26 декабря диктует в течение 15 минут третью часть «Письма к съезду». 27 и 28 декабря диктует «для памяти» запись тем для дальнейшей работы, в том числе о национальном вопросе и об интернационализме (в связи с последним конфликтом в компартии Грузии).

30—31 декабря 1922 г. Ленин продиктовал письмо «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». Вот фрагменты этого письма: «Я успел только побеседовать с тов. Дзержинским, который приехал с Кавказа и рассказал мне о том, как стоит этот вопрос в Грузии. Я успел также обменяться парой слов с тов. Зиновьевым и выразить ему свои опасения по поводу этого вопроса. Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной Центральным Комитетом для „расследования“ грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения. Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического

насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея „автономизации“ в корне была неверна и несвоевременна. ‹…› Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма“. Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль. Я боюсь также, что тов. Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о „преступлениях“ этих „социал-националов“, отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения) и что беспристрастие всей его комиссии достаточно характеризуется „рукоприкладством“ Орджоникидзе. ‹…› Тут встает уже такой важный принципиальный вопрос: как понимать интернационализм?» (Далее в стенографической записи Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» зачеркнут следующий текст: «Я думаю, что наши товарищи не разобрались достаточно в этом важном принципиальном вопросе».)[62] Эта запись была сделана 30 декабря, а в записи от 31 декабря на эту тему Ленин изложил практические меры, которые следует предпринять при создавшемся положении, из которых приведем лишь следующее: «…нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем бóльшим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции), а также доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются. Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского».[63]

4 января 1923 г. Ленин диктует добавление ко второй части «Письма к съезду», в которой дает резко отрицательную оценку личности Сталина и предлагает сместить его с должности генсека.[64]

Сталин и Дзержинский, несогласные с мнением Ленина по «грузинскому вопросу», пользуясь его болезнью, добились того, что Политбюро утвердило выводы комиссии Дзержинского. Об этом решении Политбюро Ленин не знал, Сталин, по-видимому, от него это скрыл.[65] Несмотря на тяжелое состояние здоровья, Ленин потребовал, чтобы ему были представлены материалы комиссии. 24 января Ленин вызывает Л. А. Фотиеву и поручает ей запросить у Дзержинского или Сталина эти материалы. 25 января Ленин спрашивает Фотиеву, получены ли материалы, и узнает,

что Дзержинский приедет из Тифлиса в Москву только 27-го и тогда можно будет их запросить.

27 января Дзержинский сказал Фотиевой, что все материалы по этому делу находятся у Сталина. Но последний явно затягивал передачу материалов Ленину. Только 1 февраля 1923 г. Политбюро рассматривает заявление (письменное!) Фотиевой, Гляссер и Горбунова о передаче им для Ленина материалов и принимает решение выдать их.

В ЦПА хранятся записи Фотиевой, содержащие указания Ленина о том, чтó именно следует выяснить в этих материалах. Указания эти состоят из семи пунктов, причем пункт 5 сформулирован при записи так: «Линия ЦК в отсутствии Владимира Ильича и при Владимире Ильиче».[66] По нашему мнению, этот пункт свидетельствует о том, что Ленин догадывался о стремлении приставленного к нему генсека скрыть от него детали «грузинского дела». Из записи Фотиевой следует также, что Ленин собирался довести об этом деле до сведения делегатов XII съезда партии.[67]

В связи с тяжелым состоянием Ленин обратился 5 марта 1923 г. с письмом к Троцкому, прося его взять на себя защиту «грузинского дела» на ЦК, подчеркнув, что дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и что он не может надеяться на их беспристрастие, даже совсем напротив.[68] Троцкий, как известно, отказался выполнить эту просьбу, сославшись на болезнь.

Последней из известных нам попыток Ленина дать правильное направление «грузинскому делу» является его послание П. Г. Мдивани, Ф. Е. Махарадзе и другим грузинским товарищам (в копии — Л. Д. Троцкому и Л. Б. Каменеву) от 6 марта 1923 г., в котором есть такие строки: «Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь».[69]

В ночь с 6 на 7 марта 1923 г. в состоянии здоровья Ленина произошло резкое ухудшение, и он не смог уже подготовить письмо и речь по этому вопросу. Письмо-записка к грузинским товарищам является последним из известных нам документов, продиктованных Лениным.

В разгар драматических столкновений между Лениным и Сталиным по важнейшим политическим вопросам между ними вспыхнул тяжелый конфликт и на почве личной.

21 декабря 1923 г. Владимир Ильич с разрешения профессора О. Форстера продиктовал Н. К. Крупской письмо Л. Д. Троцкому, в котором выразил свое удовлетворение решением пленума ЦК по вопросу о монополии внешней торговли (по этому вопросу у

Ленина также были расхождения со Сталиным). Узнав об этом письме, Сталин, пользуясь тем, что ему было поручено «следить за режимом» Владимира Ильича, грубо обругал Крупскую, пригрозив ей вызовом на Контрольную комиссию.

23 декабря Надежда Константиновна написала Л. Б. Каменеву следующее письмо: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Н. К. Крупская просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз». «В единогласном решении Контрольной комиссии, — писала далее Крупская, — которой позволяет себе грозить Сталии, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. *Н. Крупская*».[70]

Документ этот известен лишь в выдержках, которые приведены в примечаниях к 54-му тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Возможно, что в оригинале имеются еще какие-нибудь детали, которые прольют дополнительный свет на эту историю. Предполагается, что Надежда Константиновна рассказала Владимиру Ильичу об этом инциденте только в начале марта 1923 г., в связи с чем Ленин немедленно продиктовал следующее письмо Сталину, а его копию направил Каменеву и Зиновьеву.

«Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением *Ленин*».[71]

По поводу этого письма следует добавить, во-первых, что, по словам стенографистки М. А. Володичевой, Ленин, диктуя его, просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. «Чувствовал себя нехорошо». Во-вторых, когда в июле 1926 г., на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)

Г. Е. Зиновьев поднял этот вопрос, М. И. Ульянова написала в президиум письмо, в котором сообщала, что Сталин тогда извинился (Н. К. Крупская такого свидетельства не оставила). В-третьих, это письмо Ленина было последним из тех, что он продиктовал (если не считать трех строчек 6 марта). В ночь с 8 на 9 марта в его состоянии наступило резкое ухудшение. Начиная с 13 марта 1923 г. по постановлению Политбюро в печати начали публиковаться бюллетени о состоянии здоровья В. И. Ленина.

Невольно возникает мысль о том, что это резкое ухудшение прямо связано с сильнейшим душевным волнением, обрушившимся на Владимира Ильича, как только он узнал о наглом поступке Сталина.

В свете всего сказанного становится гораздо очевиднее прозорливость и объективность той ныне общеизвестной характеристики, которую В. И. Ленин дал Сталину 24 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г., т. е. еще *до того,* как он узнал и о поведении Сталина в «грузинском деле», и об оскорблении им Н. К. Крупской.

Вот эта характеристика.

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. ‹…› Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение. *Ленин*».[72]

Партия не сумела выполнить этот важнейший ленинский наказ и жестоко поплатилась за это…

В очерке приведены документально проверенные факты, характеризующие взаимоотношения между В. И. Лениным и И. В. Сталиным на протяжении всех лет их знакомства. Эти факты дают нам возможность сделать некоторые выводы.

Мы можем утверждать, что после личного знакомства со Сталиным в 1905 г. Ленин вплоть до 1912 г. не выделял его из

среды многих сотен партийных работников. Только после кооптации Сталина на Пражской конференции в состав ЦК и Русского бюро усиливаются контакты между ними, и лишь после Февральской революции Сталин становится более или менее известен всей партии.

Разногласия между Лениным и Сталиным по ряду теоретических и практических вопросов имели место на протяжении всей их совместной работы, но до 1922 г. они не носили непримиримого характера и не мешали Владимиру Ильичу поручать Сталину важные и ответственные задания, соглашаться с рядом его предложений, а также проявлять внимание к его житейским делам и состоянию здоровья. Общение между ними позволило Ленину выявить личностные качества Сталина.

Как можно судить по письмам и отдельным высказываниям Ленина, он не преувеличивал способностей Сталина как теоретика или политического деятеля, отдавая ему должное как организатору и исполнителю. О человеческих же качествах Сталина Владимир Ильич был весьма невысокого мнения.

Избрание Сталина Генеральным секретарем ЦК партии и резкое ухудшение состояния здоровья Ленина дали возможность Сталину перейти к прямой борьбе против Владимира Ильича. Это с очевидностью проявилось при обсуждении вопроса об образовании СССР, в «грузинском деле», а также в инциденте с Н. К. Крупской.

Смерть Ленина сняла важнейшую преграду на пути Сталина к установлению режима личной власти.

В заключение следует особо остановиться еще на одном моменте. В литературе, главным образом художественной и публицистической, в последнее время появились не только предположения, но и прямые утверждения об агентурной связи Сталина с царской охранкой. Автору не известны достоверные документы, подтверждающие эту версию. Точно установлен лишь факт необычайно резкого увеличения числа перехваченных и перлюстрированных полицией ленинских писем сразу же после побега Сталина из вологодской ссылки. Однако это могло явиться следствием деятельности провокатора Малиновского или какого-либо другого предателя. Вопрос этот требует особого исследования.

И еще одно. Выше было сказано, что 40 или более ленинских писем Сталину до сих пор не разысканы. Обращает на себя внимание, что все эти письма относятся к 1921—1922 гг., т. е. ко времени отнюдь не подпольно-конспиративному. Если только Сталин не уничтожил их по ведомым лишь ему соображениям, то

извлечение этих писем из архивных недр явилось бы вкладом не только в историческую науку, но и в законченность ленинского эскиза к политическому портрету этого деятеля, которого, к сожалению, Владимир Ильич во многом распознал лишь незадолго до своей кончины.

* * *

Уже после того, как этот очерк был подготовлен к печати, впервые в нашей стране были опубликованы воспоминания бывшего секретаря Сталина Б. Бажанова. В них есть сюжет, имеющий прямое отношение к нашей теме, — об использовании Сталиным в своих целях эпистолярного наследия В. И. Ленина.

«…Для Сталина одна часть написанного Лениным представляет особую важность. И во время дореволюционной эмигрантской грызни, и во время революции и гражданской войны Ленину приходилось делать острые высказывания о тех или иных видных большевиках и, конечно, не столько в печатных статьях, сколько в личных письмах, записках, а после революции в правительственной практике — во всяких резолюциях, на бумагах и в деловых записках. Наступает эпоха, когда можно будет извлечь из старых папок острое обсуждение Лениным какого-нибудь видного партийца и, опубликовав его, нанести смертельный удар его карьере: „Вот видите, что думал о нем Ильич“. А извлечь можно многое. И не только из того, что Ленин писал, но и из того, что о нем писали в пылу спора противники. Достаточно вспомнить дореволюционную полемику Ленина с Троцким, когда Ленин обвинял Троцкого во всех смертных грехах, а Троцкий писал о Ленине с негодованием как о профессиональном эксплуататоре отсталости масс и как о нечестном интригане. А чего только нет во всяких личных записках Ленина членам правительственной верхушки и своим сотрудникам! Если все это собрать, какое оружие в руках Сталина! Тройка обсуждает вопрос, как это сделать, конечно, в моем присутствии. Но я ясно вижу, что Зиновьев и Каменев недальновидно думают при этом только о борьбе с Троцким и его сторонниками, а Сталин помалкивает и думает о значительно более широком использовании ленинского динамита. Решено окольными путями внушить Рязанову, чтобы он сделал нужное предложение на Политбюро. Рязанов, старый партиец, считается в партии выдающимся теоретиком марксизма, руководит Институтом Маркса и Энгельса и копается с увлечением в Марксовых письмах и рукописях. Действительно, он с искренним

удовольствием предлагает Политбюро сделать из Института Маркса и Энгельса Институт Маркса, Энгельса и Ленина. Политбюро в принципе соглашается, но считает необходимым вначале создать особый Институт Ленина, который бы несколько лет был посвящен творчеству Ленина и собиранию всех материалов о нем, и только затем объединить оба института. Кстати, Политбюро решает, что надо приступить к делу немедленно, и 26 ноября 1923 г. постановляет, что Институт Ленина должен представлять единое хранилище всех „рукописных материалов“ Ленина и в порядке партийной дисциплины, под угрозой партийных санкций обязывает всех членов партии, хранящих в своих личных или учрежденческих архивах какие-либо записки, письма, резолюции и прочие материалы, написанные рукой Ленина, сдать их в Институт Ленина. *У* решения Политбюро хороший камуфляж — решение принято по инициативе Рязанова; члены ЦК, получив протокол Политбюро, будут считать, что дело идет об изучении творчества Ленина».[73]

Так Сталин заполучил в свои нечистые руки «секретное оружие», которое он в удобный для себя час в полной мере использовал, организуя расправу с ленинской гвардией.

Н. И. Бухарин

9 октября 1988 г. исполнилось 100 лет со дня рождения видного деятеля большевистской партии, партийного теоретика и публициста, экономиста и философа, академика Николая Ивановича Бухарина, подло оклеветанного Сталиным и его подручными и расстрелянного 15 марта 1938 г. по сфальсифицированным обвинениям.

Неполные 50 лет, которые прожил Н. И. Бухарин, сменились 20 годами самой чудовищной лжи вокруг его имени и еще 30 годами лжи менее яростной, сопровождаемой слабыми проблесками полуправды. И только сегодняшнее время, время великого очищения от сталинской и сталинистской скверны, вернуло нам его доброе имя, поставило Н. И. Бухарина с его экономическими, философскими, науковедческими и другими трудами в ряд самых активных борцов за обновление нашего социалистического общества, за придание ему нового качественного состояния.

В настоящем очерке сделана попытка, основываясь на эпистолярном наследии В. И. Ленина и Н. И. Бухарина, объективно рассмотреть их деловые и личные взаимоотношения, которые много лет трактовались только как негативные. В их обширной переписке содержится богатый материал для осознания адекватной оценки Владимиром Ильичем личности Бухарина, его теоретической и практической деятельности, его сильных и слабых сторон, его успехов и ошибок.

Напомним штрихи ранней биографии Бухарина.

Николай Бухарин родился 27 сентября (9 октября) 1888 г. в Москве в семье учителей начальной школы. Рано научился читать, писать и рисовать. Уже в гимназии заинтересовался марксизмом и приобщился к работе общественной организации учащихся, которая вскоре становится социал-демократической. Участвовал в революционных событиях 1905 г. В 1906 г. стал членом большевистской фракции РСДРП. Вел агитационно-пропагандистскую работу в Дорогомиловском и Хамовническом районах Москвы, а несколько позже — в Замоскворецком (где, в частности, встречался с Ильей Эренбургом).[1] Продолжал революционную работу и после поступления в Московский университет (на экономическое отделение юридического факультета). В 1908 г. кооптирован в Московский комитет большевистской организации, а в 1909 г. избран в состав МК РСДРП(б).

В эти годы написал свою первую научную статью «Теория развития народного хозяйства».[2]

23 мая 1909 г. был впервые арестован, потом еще дважды арестовывался и, наконец, в 1911 г. приговорен к ссылке в Онегу Архангельской губернии. По пути в ссылку бежал, нелегально вернулся в Москву. В октябре того же года эмигрировал.

Жил в разное время в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Швеции, подвергался полицейским гонениям и высылке.

Во время первой мировой войны выехал в США, где выполнял ряд поручений Ленина. Одно время редактировал там газету «Новый мир», издававшуюся группой русских эмигрантов, принадлежавших к разным течениям социал-демократии. Возглавлял в газете левое крыло.

После Февральской революции отправился на родину через Японию. В Челябинске его арестовывали за большевистскую агитацию среди солдат.

Был одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Москве.

После победы Октябрьской революции занимал ответственные посты в советских и партийных органах, редактировал газету Московского комитета партии «Социал-демократ» и теоретический журнал того же комитета «Спартак». Неоднократно избирался в состав ЦК и участвовал в съездах партии.

В автобиографии, написанной для Энциклопедического словаря «Гранат», Бухарин неоднократно говорит об огромном влиянии, которое оказывал на него Ленин. Самой серьезной из своих ошибок он считал борьбу против Ленина в период

брестских переговоров, квалифицируя ее как «крупнейшую политическую ошибку». Заканчивая автобиографию, Николай Иванович писал: «Весь последующий период есть период возрастающего влияния на меня со стороны Ленина, которому я обязан, как никому другому, в смысле своего марксистского воспитания и с которым я имел счастье не только быть в тех же рядах, но и стоять близко к нему вообще как товарищу и человеку».[3]

В 1912 г. Бухарин лично познакомился с Владимиром Ильичем. В своих воспоминаниях о Ленине Н. К. Крупская так пишет об этом: «Еще осенью 1912 г. мы познакомились с Николаем Ивановичем Бухариным. Кроме Багоцкого,{76} с которым мы часто виделись, к нам первое время заходил поляк Казимир Чапинский, работавший в краковской газете „Напшуд“ („Вперед“). Так вот Чапинский много рассказывал о знаменитом краковском курорте Закопане, какие там горы замечательные и красота какая неописуемая, и между прочим рассказывал, что там живет социал-демократ Орлов, который очень хорошо рисует закопанские горы. Вскоре после того как мы перебрались из Звежинца в город, смотрим раз в окно и видим — идет какой-то молодяга с огромным холщовым мешком на плече. Это и оказался Орлов, он же Бухарин. Они довольно обстоятельно потолковали тогда с Ильичем. Бухарин тогда жил в Вене. С тех пор установилась у нас с Веной тесная связь. Там же жили и Трояновские.{77} Когда мы стали спрашивать Николая Ивановича о его рисовании, он вытащил из своего холщового мешка ряд великолепных изданий картин немецких художников, которые мы стали усердно рассматривать…»[4]

А вот как вспоминал Н. И. Бухарин в январе 1925 г. об этой первой встрече:

«Много лет тому назад увидел я первый раз Ильича. На маленькой грязной уличке Кракова нужно было найти квартиру Ульяновых. Иду, шарю глазами по окнам. И вдруг вижу купол огромного черепа, необыкновенную голову. Ну, конечно, это Старик!

Краковская квартирка, помнится, из двух комнат. Кухня — она же гостиная. Простой, белый, чисто вымытый кухонный стол. Ильич режет хлеб, наливает чаю, усаживает, расспрашивает. Как ловко и как незаметно! С каким вниманием и с какой простотой! Выходишь — и знаешь: да ты, батенька, у него весь как на ладони. И никакого нажима, никакой неловкости перед великим человеком! Помню, что ушел я от „Ильичей“ как зачарованный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись…»[5]

С этого времени тесные личные и деловые контакты и переписка Ленина с Бухариным не прекращались, можно сказать, до последних дней жизни Владимира Ильича.

Отдельные письма были опубликованы в Ленинских сборниках, газетах и журналах. В годы сталинского всевластия письма Владимира Ильича Бухарину практически не печатались. Показательно в этом плане 4-е издание собрания Сочинений В. И. Ленина, начатое в 1941 г. Первоначально предполагалось издать 35 томов, из которых только два тома составляли письма. После XX съезда партии общественность справедливо раскритиковала это издание, и было решено дополнить его еще десятью томами, часть которых содержала письма. Однако и тогда многие ленинские письма репрессированным и оклеветанным большевикам не были изданы, а иногда по инерции публиковались лишь отрывки из писем, в которых содержались положительные отзывы о Сталине и критиковались ошибки Троцкого, Бухарина, Каменева и других.

При подготовке 5-го издания (Полн. собр. соч.) В. И. Ленина были обнаружены и опубликованы сотни новых ленинских писем, в том числе четыре письма Бухарину. Однако и в это издание не успели включить сведения о существовании еще не менее двух писем Бухарину, которые выявились при подготовке 12-томной Биографической хроники В. И. Ленина.

Судьба переписки Ленина и Бухарина еще не до конца изучена. Поиск этого эпистолярного наследия ведется уже многие десятки лет, но до сих пор исследователи не могут точно сказать, сколько писем они написали, какая часть их не разыскана, каково (хотя бы предположительно) содержание неразысканных писем, где они могут быть и многое другое.

По нашим подсчетам, за время их знакомства каждым было написано не менее сорока писем друг другу. Найдено и опубликовано примерно 20 писем и записок Ленина, примерно столько же до сих пор не разыскано из числа зафиксированных по разным источникам. Все опубликованные письма Ленина хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Там же хранятся выявленные письма Бухарина Ленину.

Исследователи обратили внимание на тот факт, что все обнаруженные письма Ленина Бухарину хронологически распределяются неравномерно: 1913 г, — одно, 1916 г. — три, 1919 г. — одно, 1920 г. — четыре, 1921 г. — три, 1922 г. — восемь. Эти данные вызывали сомнение, поскольку известно было из произведений В. И. Ленина и его писем разным лицам, что Владимир Ильич регулярно письменно общался с Бухариным. Предположили, что неравномерность объясняется пропажей

писем. Так и оказалось. При подготовке к изданию Полного собрания сочинений и Биографической хроники В. И. Ленина было установлено, что пропало не менее двух десятков писем, в том числе за 1914 г. — два, 1915 г. — шесть, 1916 г. — четыре, 1917 г. — не менее двух, 1918 г. — одно, 1920 г. — одно, 1921 г. — три.

В ряде случаев это выясняется из писем Ленина другим лицам. Так, позднее 11 марта 1916 г. Владимир Ильич писал А. Г. Шляпникову: «Прилагаю копию своего ответа Н. И. Бухарину на тему о значении новых „разногласий“».[6] Следовательно, существовали и оригинал, и копия письма Ленина Бухарину, написанного в это время, однако найти их до сих пор не удалось.

В ряде случаев удается установить пропажу писем (послеоктябрьских) благодаря сохранившимся в ЦПА «Журналам исходящих документов от В. И. Ленина», которые вели его секретари. Так, в журн. исх. док. от 23 октября 1920 г. под № 73 записано: «Бухарину на отзыв программу статистических курсов, с просьбой вернуть»; 17 октября 1921 г. под № 983: «Бухарину — запечатан. конверт».[7]

Больше всего о пропавших письмах Ленина удалось узнать из ответных писем Н. И. Бухарина, хранящихся в ЦПА ИМЛ. Раньше мы знали о них очень мало, но с выходом в свет Полного собрания сочинений и Биохроники В. И. Ленина появились кое-какие новые сведения. В 45—55 томах ПСС имеются списки писем В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных. В списках встречаются сведения и о пропавших письмах Ленина Бухарину со ссылкой на неопубликованные ответные письма Бухарина, хранящиеся в ЦПА. К сожалению, ссылки эти глухие, без указания архивных ориентировок.

Более подробные данные об этих неопубликованных письмах Бухарина встречаются в томах Биохроники, где указаны фонд, номера дела, описи и листов. Однако даже в этом фундаментальном издании *содержание писем Бухарина не раскрывается.* Вот, например, как это выглядит: «Сентябрь, ранее 18 (1 октября). Ленин пишет письмо Н. И. Бухарину по вопросам тактики, просит ознакомить с этим письмом А. Г. Шляпникова (письмо не разыскано). ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1699, л. 1».

Нет сомнения в том, что полная публикация писем Бухарина значительно расширила бы наши знания об их отношениях, добавила бы новые штрихи и к биографии В. И. Ленина.

Дают ли представление о *содержании ленинских писем* те отрывочные сведения, которые приводятся в томах ПСС и Биохроники? В какой-то мере — да, как мы увидим ниже.

Выяснив некоторые моменты, связанные с состоянием

эпистолярного наследия В. И. Ленина и Н. И. Бухарина, попробуем проследить по этому календарному по своей природе источнику хронику их взаимоотношений.

В мае 1912 г., т. е. незадолго до их знакомства, начала выходить большевистская «Правда». Ленин был поглощен мыслями о совершенствовании ее работы. Встретившись с Бухариным в Польше, Владимир Ильич привлек его к «Правде», и Бухарин повел энергичную работу в газете и для газеты. В опубликованном в 48-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина письме Г. Л. Шкловскому, написанному в середине декабря 1912 г., есть такое место: «Самое же важное сейчас помочь *„вытянуть“* „Правду“. И ей помогают плохо. Один вѐнец (Бухарин) старается».[8] Это дает основание думать, что переписка между Лениным и Бухариным началась вскоре после их знакомства, хотя прямые сведения о ней имеются только начиная с конца 1913 г.

Нам известно, что в конце 1913 г. Бухарин прислал Ленину свою статью «Фокусы-покусы г-на Струве» для публикации в журнале «Просвещение». Из письма Ленина Бухарину, посланного в декабре 1913 г. из Кракова в Вену, видно, что Владимир Ильич эту статью прочитал, высказал о ней в общем положительное мнение и сделал свои замечания.[9]

Есть все основания считать, что их переписка стала с этого времени более или менее регулярной и касалась широкого круга вопросов. Обратим внимание на начало 1914 г.: январь, февраль, март, апрель…

Из письма В. И. Ленина И. Ф. Арманд, написанного ранее 26 *января,* видно, что он получил письмо от Бухарина с известием о намерении Г. В. Плеханова издавать газету «Единство».

В *феврале* Ленин передает привет Бухарину через А. А. Трояновского.[10]

В ЦПА хранится письмо Николая Ивановича Ленину, написанное ранее 23 *марта,* в котором он сообщает о своей работе над книгой о буржуазном экономисте Е. Бем-Баверке и просит Ленина написать предисловие и отредактировать книгу.[11]

В *апреле* Владимир Ильич обратился к Бухарину с письмом (письмо не разыскано), в котором просил его написать проекты речей по национальному вопросу для большевистской фракции IV Думы. В ответном письме Бухарин отказался от этого поручения.[12] (Обмен этими письмами в апреле 1914 г. представляет интерес для изучения их полемики по национальному вопросу, развернувшейся несколько позже.)

Весной 1914 г. до Владимира Ильича дошли сведения о

дезертирстве члена IV Думы депутата от большевиков Р. В. Малиновского, самовольно сложившего с себя депутатские полномочия. Позднее выяснилось, что Малиновский был провокатором охранки, но тогда, в 1914 г., никто из близко знавших Малиновского, в том числе и Владимир Ильич, не подозревали об этом. Вот почему Ленин, как только до него дошли слухи о дезертирстве Малиновского, обратился к Бухарину с письмом, в котором просил сообщить подробности. Это ленинское письмо не найдено, о нем свидетельствует лишь хранящееся в ЦПА письмо Н. И. Бухарина.[13]

(В связи с этим заметим, что американский историк С. Коэн, монография которого о Н. И. Бухарине теперь издана в СССР, очень убедительно показывает, что Николай Иванович был одним из первых, кто распознал предательство Малиновского, а потом долго и настойчиво убеждал в этом В. И. Ленина.)[14]

В первую половину лета 1914 г. переписка продолжалась, о чем свидетельствует хранящееся в том же архиве неопубликованное письмо Бухарина Ленину, написанное в июне, где он советуется по поводу намечаемого в Вене Международного социалистического конгресса и об участии в нем.[15]

Тем же летом вспыхнула первая мировая война; Ленин был арестован и выслан в Швейцарию. В этих условиях отсутствие сведений о его переписке с Бухариным вполне объяснимо. Однако уже в самом начале 1915 г. их переписка возобновилась. За январь того года сохранилось письмо Бухарина Ленину с сообщением о подготовке Лондонской конференции социалистов стран Антанты.[16] К началу 1915 г. относится письмо Бухарина, из которого видно, что он получил письмо Владимира Ильича по вопросу о лозунге «поражения». Это письмо Ленина не разыскано, и о его существовании известно только из ответа Бухарина. В феврале зафиксировано еще два письма Ленина Бухарину, которые также не найдены.[17]

14—19 февраля (27 февраля — 4 марта) 1915 г. в Берне состоялась конференция заграничных секций РСДРП, которой руководил Ленин. Он выступил с докладом о войне и задачах партии. Еще до конференции выявились серьезные разногласия между ним и Бухариным об отношении, в частности, к ленинскому тезису о поражении «своего» правительства. Бухарин выступил на конференции против этого тезиса, а потом также против тезиса о праве наций на самоопределение и некоторых других программных требований. Ленин по этим вопросам резко критиковал Бухарина.

Вскоре разногласия между ними усугубились в связи с подготовкой и изданием журнала «Коммунист», в редакцию

которого вошел Бухарин. Со всей очевидностью эти разногласия нашли отражение в хранящемся в архиве письме Бухарина Ленину, написанном в августе 1915 г., в котором он возражал против публикации в «Коммунисте» статьи историка М. Н. Покровского «Виновники войны» и выступал с критикой замечаний Ленина к этой статье. В этом письме — от 26 августа (8 сентября) 1915 г. — есть такая строка: «Сию минуту получил от Вас довольно сердитое письмо».[18]

Результатом всего этого явился написанный В. И. Лениным весной 1916 г. «Проект постановления ЦК РСДРП о прекращении издания журнала „Коммунист“» (этот документ с пометой «Не для печати» был впервые опубликован в 1962 г.).[19]

Разногласия, однако, не мешали переписке. По сведениям, приведенным в Биохронике В. И. Ленина, в течение осени 1915 г. Бухарин написал Ленину письмо о работе Московской организации РСДРП, заметки о революционном движении в Москве и Иваново-Вознесенске, письмо с просьбой прислать материалы о Циммервальдской конференции.

Установлено, что в течение осени 1915 г. Ленин написал Бухарину не менее пяти писем, из которых не менее двух не разысканы.

Обращает на себя внимание тот факт, что серьезные разногласия и споры не помешали Бухарину обратиться к Владимиру Ильичу с просьбой написать предисловие к своей брошюре «Мировое хозяйство и империализм». Ленин выполнил эту просьбу и уже в декабре 1915 г. написал и послал Бухарину свое предисловие (обстоятельства сложились так, что оно было опубликовано только 21 января 1927 г. в «Правде»).[20]

По нашим подсчетам, за время с конца августа 1915 г. до 1 января 1916 г. Н. И. Бухарин написал В. И. Ленину не менее девяти писем.[21]

В 1916 г. переписка интенсивно продолжалась. Уже в начале года Ленин получил письмо от Бухарина, в котором тот информировал о положении дел в шведской социал-демократической партии, вновь касался вопроса об издании «Коммуниста», просил сообщить о новостях. Есть в этом письме сюжет, который до сих пор ученым не удалось расшифровать. Бухарин спрашивает Ленина, когда он сможет прислать свою рукопись для издательства «Прибой». Все попытки установить, о какой рукописи Ленина идет речь, пока не увенчались успехом.[22]

Следующее известное нам письмо Бухарина Ленину было написано в марте 1916 г. В нем он критикует составленные Лениным тезисы ЦК РСДРП «Социалистическая революция и

право наций на самоопределение». Можно предполагать, что на критику Бухарина Ленин отвечает в не дошедшем до нас письме, написанном ранее 6 (19) марта 1916 г. Содержание этого письма нам неизвестно, но в письме Г. Е. Зиновьеву от 20 или 21 марта Ленин употребляет такое нелестное для Бухарина выражение: «Получил ответ *Н. И.* на тезисы: верх *поросячества,* ни слова продуманного».[23]

22 марта (4 апреля) Владимир Ильич читает письмо А. Г. Шляпникова с сообщением об аресте в Стокгольме шведскими властями четверых русских эмигрантов, в том числе Н. И. Бухарина. В тот же день В. И. Ленин пишет А. М. Коллонтай в Христианию (Осло): «Только сейчас узнал из письма Александра к Григорию{78} про печальную судьбу друзей в том городе, откуда приехал Александр. Надеюсь, Вы двинете в ход все Ваши связи и употребите все зависящие, возможные и невозможные, усилия, чтобы их выручить и всячески им помочь?»[24]

Письмо В. И. Ленина Д. Б. Рязанову от 10 апреля 1916 г. свидетельствует, что, получив известие о том, что шведские власти освободили одного из арестованных — Г. Л. Пятакова, Ленин предложил Рязанову посетить лидера швейцарских социал-демократов Г. Грейлиха, с тем чтобы тот в его присутствии написал письмо лидеру шведских социал-демократов К. Брантингу с просьбой похлопотать о Н. И. Бухарине («о молодом экономисте Dolgolewsky»).{79} [25]

Занятый хлопотами об освобождении Бухарина, Владимир Ильич вдруг получил письмо из Стокгольма, подписанное Н. И. Бухариным, Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош, в котором они излагали свою точку зрения на причины разногласий по поводу журнала «Коммунист» и выражали несогласие с партийной программой по ряду вопросов. Ленин ответил, что не может сотрудничать с ними, так как считает их позицию антипартийной.[26]

В конце апреля или в начале мая Владимир Ильич получил телеграмму об освобождении Бухарина и об отъезде его в Норвегию и в связи с этим пишет А. М. Коллонтай в Осло: «Большой привет Ник. Ивановичу, от коего была телеграмма, а письма не было. Желаю от души скорее ему отдохнуть и выправиться. Как его финансы?»[27]

Резко критикуя Бухарина, Владимир Ильич не переставал верить в него. В письме Г. Е. Зиновьеву от 21 мая 1916 г. он указывает на факторы, которые *отрывают* Бухарина от вставших на антипартийный путь издателей журнала «Коммунист».[28]

Последуем далее за ленинско-бухаринской перепиской 1916 г.

Установлено, что ранее 11 (24) мая Бухарин сообщил Владимиру Ильичу, что им (Лениным) интересовалась стокгольмская полиция. Ленин ответил письмом, которое пока не разыскано, где спрашивал Бухарина, чем вызван этот «интерес». [29]

В том же месяце Бухарин уведомляет Ленина о следствии и судебном процессе над лидером левого крыла социал-демократической партии Швеции К. Хеглундом за его интернационалистскую деятельность. В письме также выражается его согласие с предложением Ленина об организации серьезной дискуссии по вопросу о праве наций на самоопределение.

Свое отношение к Бухарину накануне Февральской революции лучше всего сформулировал сам Владимир Ильич в письме от 14 октября 1916 г., в котором писал: «Что Вас мы все высоко ценили всегда и месяцы, месяцы переписывались детально, указывая *с весны* 1915 г., что по вопросу о программе-минимум и демократии у Вас шатания, — это Вы знаете. От всей души буду рад, если полемика будет *только* с начавшим ее П. Киевским{80} и если с Вами разногласия сгладятся. Но для этого надо, чтобы Вы разбирали вопросы (спорные) по существу и внимательно, а не отмахивались. Очень и очень рад, что мы сошлись с Вами против „разоружения…“»[30]

В этом же письме Владимир Ильич сообщил Бухарину, что прилагает удостоверение, которое Николай Иванович, вероятно, просил в связи с его планом поездки в Америку. Ленин дал ему в письме целый ряд партийных поручений, которые просил выполнить в этой стране.

Переписка Ленина и Бухарина продолжалась, несомненно, и в период пребывания последнего в Америке, но найти этих писем пока не удалось.

У нас крайне мало сведений о контактах Ленина и Бухарина в 1917 г., в период от Февраля к Октябрю. Укажем лишь, что, работая над книгой «Государство и революция», Владимир Ильич неоднократно возвращался к своим разногласиям с Бухариным по вопросу о государстве.

В. И. Ленин и в этот период внимательно следил за выступлениями Бухарина в печати, в частности за его статьями в теоретическом журнале московской организации РСДРП «Спартак», нередко критиковал его взгляды.

Известно, что 16 (29) ноября 1917 г. Владимир Ильич подписал постановление Совета Народных Комиссаров о назначении Н. И. Бухарина уполномоченным по организации Высшего экономического совещания.[31] Насколько важным Ленин считал это назначение, видно из его выступления на

заседания ЦК РСДРП(б) 29 ноября (12 декабря) 1917 г., дошедшего до нас в следующей протокольной записи:

«Обсуждается вопрос о составе редакционной коллегии „Правды“. Н. И. Бухарин ставит вопрос об освобождении его от работы в Экономическом совещании, чтобы он смог отдаться работе в „Правде“.

Тов. Ленин указывает, что Экономическое совещание до сих пор не встречало достаточного к себе внимания, а вместе с тем оно представляет один из крупнейших факторов современного государственного строительства и потому нуждается в людях сведущих, каким является т. Бухарин, а потому он настаивает на том, чтобы т. Бухарина не включать в редакционную коллегию „Правды“».[32]

(Напомним, что редактором «Правды» Бухарин стал после ее перевода из Петрограда в Москву в 1918 г.)

В 1918 г. Н. И. Бухарин возглавил группу так называемых «левых коммунистов», которая выступала против подписания Брестского мирного договора на германских условиях. Ленин энергично боролся против опасной для судьбы революции линии этой группы.

Во время VII (экстренного) съезда РКП(б), состоявшегося 6—8 марта 1918 г., где кроме вопроса о мире стояли программные вопросы, Ленин выступил также против предложений и поправок Бухарина при обсуждении проекта резолюции.

6 марта 1918 г. В. И. Ленин опубликовал в «Правде» статью «Серьезный урок и серьезная ответственность», в которой подробно проанализировал деятельность «левых коммунистов» и показал, что их сопротивление только ухудшило условия мирного договора.

Бухарин и его группа не прекратили своей фракционной деятельности и в последующие дни. «Несколько товарищей, — писал В. И. Ленин, — называющих себя „левыми коммунистами“, заняли после заключения Брестского мира положение „оппозиции“ в партии, и их деятельность вследствие этого все больше скатывается к совершенно нелояльному и недопустимому нарушению партийной дисциплины. Тов. Бухарин отказался принять должность члена ЦК, на каковую назначил его партийный съезд».[33]

Однако характерно, что, резко критикуя Бухарина в выступлениях и печатных работах, Владимир Ильич в то же время считает нужным отметить его знания и эрудицию. Показательна в этом плане большая ленинская статья «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», напечатанная в газете «Правда» 9—11 мая 1918 г. и потом вышедшая отдельной брошюрой. Подвергая беспощадной критике деятельность «левых коммунистов» во главе с Бухариным, Ленин подчеркивает, что Бухарин «двумя

головами выше левых эсеров и анархистов», что он «превосходно образованный марксист-экономист».[34]

Высоко ценил Владимир Ильич и публицистический талант Бухарина. Так, выступая на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. с критикой деятельности Бухарина, он называет его «выдающимся публицистом».[35] Свое заключительное слово на этом заседании Ленин начал так: «Мне прежде всего приходится сказать по поводу речи тов. Бухарина: я отметил уже в первой речи, что мы на девять десятых с ним согласны, и потому я думаю, что печален факт, что на одну десятую мы с ним расходимся…»[36]

В 1917—1919 гг. между Лениным и Бухариным практически нет переписки. Это, впрочем, понятно: они почти все время были рядом. И все же время от времени переписка велась. Например, есть сведения о том, что не позднее 8 августа 1918 г. они обменялись письмами по вопросу о работе В. М. Смирнова в редакции «Правды». Были, конечно, и разного рода деловые записки.

Одна из последних известных нам встреч Ленина с Бухариным в 1918 г. относится к 15 декабря, что явствует из впервые опубликованной в 1965 г. записки Ленина Свердлову по поводу выступлений лидера левых эсеров М. А. Спиридоновой: «Вчера, 15/XII, мне говорил Бухарин, что, по свидетельству Ем. Ярославского, Спиридонова ведет *партийную* пропаганду».[37] Впрочем, возможно, что еще одна встреча между ними состоялась 19 декабря во время заседания СНК, на котором обсуждался вопрос о включении Н. И. Бухарина в члены редакционной комиссии по изданию хрестоматии советского законодательства.[38]

В конце декабря 1918 г. непосредственно в повестку дня встал вопрос об организации III, Коммунистического Интернационала. В связи с этим Владимир Ильич обратился 27 или 28 декабря с письмом к Г. В. Чичерину, в котором наметил план практических мер. В письме, в частности, он предлагает поручить Бухарину подготовить тезисы по некоторым теоретическим и практическим вопросам, используя для этого его (Ленина) материалы к проекту новой программы партии.[39]

В течение 1918—1919 гг. Ленину приходилось часто дискутировать с Бухариным по содержанию новой программы партии. Споры велись и во время заседаний комиссии, которую возглавлял Владимир Ильич, и в печати. Особенно резко критиковал Ленин положения, выдвигаемые Бухариным по общей части программы и по разделу о национальных отношениях. Анализ этих дискуссий В. И. Ленин сделал в докладе VIII съезду РКП(б) 19 марта 1919 г.

Однако их совместная работа шла своим чередом. В конце апреля 1919 г. Владимир Ильич получил резолюцию екатеринославской организации украинских эсеров, проникнутую духом национализма и направленную против диктатуры пролетариата, против политического, хозяйственного и военного союза Украины с Советской Россией. На этой резолюции Ленин написал: «т. Бухарин! Напечатайте сие с **обстоятельным** и спокойным разбором, доказывая ***детально,*** что ***такие*** колебания социалистов-революционеров в сторону кулака и отделения от России, т. е. ***дробления*** сил, перед Колчаком и Деникиным *объективно* ведут к ***помощи*** буржуазии и Колчаку».[40]

11 сентября 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) обсуждался вопрос об арестах кадетствующих буржуазных интеллигентов. Политбюро приняло решение поручить Н. И. Бухарину, Ф. Э. Дзержинскому и Л. Б. Каменеву пересмотреть дела арестованных. Между тем А. М. Горький, обеспокоенный этими арестами, обратился к Ленину с просьбой принять начальника Военно-медицинской академии В. Н. Тонкова и побеседовать с ним о судьбе арестованных. 15 сентября Ленин писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимыч! Тонкова я принял, и еще до его приема и до Вашего письма мы решили в Цека назначить Каменева и Бухарина для проверки арестов буржуазных интеллигентов околокадетского типа и для освобождения кого можно. Ибо для нас ясно, что и тут ошибки были. Ясно и то, что в общем мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна».[41]

25 сентября группой террористов — анархистов и примкнувших к ним левых эсеров был совершен крупный взрыв в здании Московского комитета партии в Леонтьевском переулке, где шло совещание партийного актива Москвы. Погибло 12 коммунистов, в том числе секретарь МК В. М. Загорский. Среди 55 раненых были Н. И. Бухарин, М. С. Ольминский, Ем. Ярославский и другие видные большевики. Враги Советской власти замышляли покушение на жизнь Ильича, который лишь по случайным обстоятельствам не оказался на этом совещании. На следующий день под председательством В. И. Ленина состоялся пленум ЦК, где в числе других вопросов рассматривался и этот инцидент. Как сообщили «Известия ЦК РКП(б)» 22 октября 1919 г., пленум принял постановление о том, что «покушение на собравшихся в Московском комитете не должно отразиться на обычной деятельности ВЧК и ГубЧК».

27 декабря того же года Ленин участвует в заседании Политбюро, на котором, в частности, было решено созвать совещание с участием Г. В. Чичерина, Н. И. Бухарина и

Ю. М. Стеклова для выработки правил публикации партийных изданий.

Сохранился ряд документов о переписке и других контактах Ленина и Бухарина в 1920 г.

В середине января этого года Ленин познакомился с резолюцией общегородской петроградской конференции домовых комитетов бедноты по вопросу о «неделе фронта» и пометил на ней: «Бухарину и Каменеву (от Ленина) (для использования)».[42]

30 мая Ленин написал «Письмо к английским рабочим».[43] О нем он писал в тот день Г. В. Чичерину: «Я им недоволен: устал и работалось из рук вон плохо. Если Вы советуете не отправлять, черкните это с посланным (он едет сейчас обратно), и мы ***вдобавок*** постараемся поговорить по телефону». В тот же день он пишет Чичерину еще одно письмо делового характера, где есть такой постскриптум: «Послал Бухарину (и *для Вас)* письмо мое к английским рабочим. *Созвонитесь с Бухариным*».[44] В ЦПА хранится ответное письмо Чичерина Ленину, где говорится: «… пишу Вам это после ночи работы, когда готов уже английский перевод Вашего обращения. Несмотря на некоторые дефекты его, оно произведет впечатление разорвавшейся бомбы…»[45]

К концу мая 1920 г. относится окончание рецензирования Лениным книги Бухарина «Экономика переходного периода»,[46] на полях которой он делает принципиальные замечания, пометы и заметки; пишет общий отзыв о книге.[47]

29 июня Владимир Ильич предложил «засадить» ряд специалистов за перевод и компиляции лучших современных иностранных произведений по экономике, рекомендуя при этом пользоваться указаниями Н. И. Бухарина и К. Б. Радека. К авторитетному мнению Бухарина Ленин предлагал обращаться и при подготовке ежемесячных брошюр по внешней политике Антанты.[48]

Получая интересные и важные документы о международном рабочем и социалистическом движении, Ленин иногда пересылал их Бухарину, как редактору «Правды» и члену Исполкома Коминтерна. Обращался Ленин к нему и по другим вопросам, связанным с деятельностью Коминтерна.[49]

Насколько высок был для В. И. Ленина авторитет Бухарина как ученого и публициста, видно из следующего письма к нему, написанного в конце лета 1920 г.: «т. Бухарин! По-моему, ***надо*** издать по-русски „Two Pages etc.“{81} Де Леона с примечаниями и предисловием Фрейна. Я тоже напишу несколько слов. Если согласны, *распорядитесь* через Государственное издательство. Если нет, поговорим. *Ленин*».[50]

Установлено, что книга американского социалиста Даниеля

де Леона «Две страницы из римской истории», вышедшая в Нью-Йорке в 1920 г., на русском языке не издавалась. Можно предположить, что Бухарин из каких-то соображений не посоветовал ее издавать.

Для творческих общений Ленина и Бухарина характерен следующий эпизод. В 1920 г. было подготовлено второе издание главного философского труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в котором большое место занимает критика взглядов А. А. Богданова. В предисловии к этому изданию, датированном 2 сентября 1920 г., Владимир Ильич писал: «Что касается до последних произведений А. А. Богданова, с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья тов. В. И. Невского дает необходимые указания».[51] Статья Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» была напечатана в виде приложения к книге Ленина. Бухарин, ознакомившись с этой статьей, подверг ее критике и призвал по-новому взглянуть на некоторые более поздние положения Богданова. В связи с этим Ленин писал Бухарину в сентябре — декабре 1920 г.: «Богданов **Вас** обманул, переменив (verkleidet) и постаравшись ***передвинуть*** старый спор. А вы поддаетесь!»[52]

Из этого эпизода видно, что даже в то напряженное время Ленин и Бухарин находили возможность заниматься проблемами философии, полемизировать по теоретическим вопросам.

Помимо переписки были в 1920 г. между Лениным и Бухариным и личные контакты. Из неопубликованного документа, хранящегося в ЦПА, видно, в частности, что не ранее 7 сентября этого года Ленин беседовал с Бухариным о настроении крестьян в ряде уездов Рязанской, Тульской и Тамбовской губерний, по другим вопросам и записывал основные моменты содержания этой беседы.

6 октября В. И. Ленин участвует в заседании Политбюро, на котором обсуждалась просьба Н. И. Бухарина разрешить ему поездку в Берлин. Об этом, видимо, упоминает Ленин в своем докладе о внутреннем и внешнем положении Республики на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября, где есть такая фраза: «Германия разрешила въезд тт. Зиновьеву и Бухарину на предстоящий съезд Независимой партии в Германии».[53]

Умение Ленина за разногласиями видеть главное иллюстрирует такой эпизод. 11 октября того же года Политбюро поручило Бухарину выступить на съезде Пролеткульта. Бухарин написал короткое письмо, в котором отказывался от выступления, мотивируя это тем, что у него с Лениным имеются разногласия по

вопросам культурной политики. Ленин тут же ответил запиской:

«Зачем *сейчас* касаться наших с Вами разногласий (может быть, возможных), если от *имени* ***всего*** *Цека* достаточно заявить (и доказать):

(1) пролетарская культура = коммунизм

(2) проводит РКП

(3) класс.-пролетар. = РКП = ***Советская власть.***

В этом мы все согласны?»[54]

Конец 1920 г. и начало 1921 г. ознаменовались ожесточенной дискуссией о профсоюзах, разгоревшейся в партии по инициативе Л. Д. Троцкого. Она продолжалась более двух месяцев и потребовала от В. И. Ленина огромных усилий, отвлекая его, как и всю партию, от очередных дел, направленных на борьбу с разрухой и голодом. Ленин был против дискуссии, но, поскольку она была развязана, вынужден был многократно выступать устно и в печати против спорных положений, выдвинутых Троцким, а потом и Бухариным.

В своих выступлениях Ленин раскрывал смысл внутрипартийной борьбы, разоблачал раскольнический характер действий оппозиционеров, показывал неуместность и вред навязанной ими дискуссии.

В этой дискуссии Бухарин возглавлял так называемую «буферную группу», которая по его замыслу должна была смягчить разногласия между сторонниками Ленина и Троцкого, но в действительности скатилась на троцкистские позиции. «Бухарин хочет „буферить“, — писал В. И. Ленин в статье „Кризис партии“, — но говорит только против Ленина и Зиновьева, ни слова против Троцкого». Тезисы Бухарина и его группы Ленин назвал «верхом распада *идейного*».[55]

В ходе своих выступлений Ленин зачастую критиковал и личные качества Бухарина. 30 декабря он, например, говорил: «Мы прекрасно знаем, что у каждого человека бывают маленькие слабости, и у большого человека бывают маленькие слабости, в том числе и у Бухарина. ‹…› И на этом примере еще раз, по крайней мере в партийном собрании, надо сказать: „Тов. Н. И. Бухарин, поменьше словесных выкрутасов, — польза будет для вас, для теории, для республики“».[56]

Критикуя «буферную группу», Ленин также говорил: «Если бы я умел рисовать карикатуры так, как умеет рисовать т. Бухарин, то я бы т. Бухарина нарисовал таким образом: человек с ведром керосина, который подливает этот керосин в огонь, и подписал бы: „буферный керосин“».[57]

В статье «Кризис партии» В. И. Ленин, подвергая Бухарина критике, писал: «Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из

свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: „мягкий воск“. Оказывается, на этом „мягком воске“ может писать что угодно любой „беспринципный“ человек, любой „демагог“».[58]

Но вот еще один момент этой дискуссии, ярко характеризующий как отношение Владимира Ильича к Н. И. Бухарину, в основе своей не менявшееся даже в разгар жарких споров, так и вообще принципиально честное отношение Ленина к своим оппонентам, товарищам по партии. «…Я должен исправить еще одну свою ошибку, — пишет Ленин 19 января 1920 г. — Я сказал: „У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское“. Тов. Бухарин сразу же воскликнул: „какое?“. А я в ответ ему сослался на только что закончившийся VIII съезд Советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а т. Бухарин прав. Мне надо было сказать: „Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-2-х, рабочее государство с бюрократическим извращением“. Читатель, который захочет прочесть всю мою речь, увидит, что от этой поправки ни ход моей аргументации, ни мои выводы не изменяются».[59]

Дискуссионные страсти не мешали Ленину постоянно общаться с Бухариным, обсуждать с ним многочисленные проблемы и дела, заботиться о нем.

Так, не ранее 16 марта 1921 г. Владимир Ильич пишет народному комиссару здравоохранения Н. А. Семашко записку следующего содержания: «Послать ***лучшего*** врача *исследовать* здоровье Н. И. Бухарина (в частности, *сердце)* и сообщить мне итог».[60]

Есть указания на то, что Ленин имел в 1921 г. личные контакты с Бухариным по вопросам о III конгрессе Коминтерна и о деятельности Бухарина как редактора «Правды». В этом плане показательна следующая записка Ленина Бухарину от 14 ноября 1921 г., написанная в связи с получением Владимиром Ильичем письма индийского коммуниста Абани Мукерджи с приложением его статьи о Малабарском восстании в Индии в 1921 г.: «Т. Бухарин! Прочтите, пожалуйста. Нам бы надо (независимо от этой именно статьи, хотя, кажись, она недурна) *побольше* печатать индусских товарищей, чтобы их поощрить и собрать больше сведений об Индии и ее революционном движении».[61]

Известно, что Ленин неоднократно давал на отзыв Бухарину свои работы. Из впервые опубликованной в 1965 г. телефонограммы Ленина секретарям 11 декабря 1921 г. видно,

что так, в частности, он поступил со своей статьей «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии», опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» (1922, № 20) и подписанной псевдонимом *«Русский коммунист»*. [62]

В сентябре, узнав о плохом самочувствии Бухарина, Ленин пишет записку секретарю ЦК В. М. Молотову с просьбой обратить на это внимание. 27 октября 1921 г. Ленин дополняет повестку дня заседания Политбюро вопросом о здоровье Бухарина.

(Напомним, что кроме известных нам писем Ленина Бухарину за 1921 г. имеются неразысканные, о которых мы знаем по журналам исходящих бумаг, хранящихся в ЦПА, и по другим источникам.)

Из телефонограммы Ленина от 28 января 1922 г. видно, что он иногда просил заместить его Бухариным. Так, например, было с намечавшимся его выступлением на первом расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, который состоялся 21 февраля — 4 марта 1922 г., когда Ленин находился в отпуске по болезни.

Несомненный интерес для изучения отношений Ленина и Бухарина в 1922 г. представляет история подготовки и проведения конференции трех Интернационалов. 1 февраля 1922 г. Ленин продиктовал Н. И. Бухарину и Г. Е. Зиновьеву по телефону подробный план поведения делегации Коминтерна по вопросам тактики и стратегии на этой конференции, которая состоялась в Берлине 2—5 апреля 1922 г. Делегация Коминтерна состояла из Н. И. Бухарина, К. Б. Радека, К. Цеткин. Она не выполнила всех рекомендаций Ленина и пошла на слишком большие уступки, за что была подвергнута критике в ленинской статье «Мы заплатили слишком дорого», напечатанной в «Правде» 11 апреля 1922 г.[63]

У нас почти нет сведений о контактах Ленина и Бухарина в период между февралем и июлем 1922 г., хотя имеющиеся в архиве материалы дают основание думать, что таких контактов было немало. Из опубликованных за это время данных отметим записку в Политбюро с проектами постановлений от 9 апреля 1922 г., в пункте 6 которой говорилось: «Тов. Бухарину запретить поездку в Россию, обязав его ехать долечиваться», и записку Сталину для Политбюро от 10 апреля, в которой Ленин писал: «Против поездки сюда Бухарина возражаю самым решительным образом, ибо это без надобности помешает его лечению».[64] Обе эти записки впервые опубликованы в 1964 г.

7 сентября, прочитав в эмигрантском меньшевистском журнале «Социалистический вестник» от 20 июля 1922 г. письмо А. М. Горького французскому писателю А. Франсу от 3 июля по

поводу процесса над эсерами, в котором Горький выступает в защиту «людей, искренне служивших делу освобождения русского народа», Ленин пишет Бухарину, находившемуся за границей, письмо с просьбой сообщить свое мнение о письме Горького, которое называет «поганым».[65] Ответ Бухарина нам неизвестен.

По данным ЦПА, Ленин беседует с Бухариным вечером 23 сентября, а 27 сентября пишет ему письмо с критикой статьи литератора, бывшего меньшевика Ф. В. Плетнева «На идеологическом фронте», опубликованной в «Правде», негодуя: «Неужели редакция „Правды“ не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм!»[66]

В. И. Ленин продолжал время от времени просить Бухарина просматривать свои работы до их публикации и обнародования. Примером могут служить ответы Владимира Ильича на вопросы корреспондента английской газеты «Манчестер гардиан» А. Рансома. Есть два варианта этих ответов, из которых один неоконченный. Установлено, что перед вручением ответов Рансому Ленин направил один из вариантов Бухарину с просьбой прочесть, сделать свои замечания и «вернуть тотчас». Первый вариант Ленин датировал 5 ноября (он и был опубликован в «Манчестер гардиан» 22 ноября 1922 г.), второй (незаконченный) был написан между 27 октября и 5 ноября.[67]

25 ноября 1922 г. Владимир Ильич продиктовал Бухарину, Троцкому, Зиновьеву и Радеку свои замечания на их «Набросок аграрной программы действия», указав, что польза от этого документа — в сравнении с уже принятой резолюцией II конгресса Коминтерна по данному вопросу — «очень сомнительна».[68] 13 декабря следует еще одна диктовка по телефону — «О монополии внешней торговли» (Сталину для пленума ЦК), в которой Ленин подвергает критике и опровергает доводы Бухарина против монополии.[69]

Последнее из высказываний В. И. Ленина о Н. И. Бухарине относится к 24—25 декабря 1922 г. В ленинском письме-завещании сказано:

«Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Охарактеризовав далее не только положительные, но и отрицательные качества Г. Л. Пятакова, Владимир Ильич заключает:

«Конечно, и то и другое замечание делаются мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности».[70]

Задумаемся над этим последним ленинским эскизом к личностному портрету его младшего товарища.

Итак, в свои 34 года Николай Бухарин — «ценнейший и крупнейший теоретик партии», «выдающийся и преданный работник», он в числе «самых выдающихся сил» большевистского ЦК. И тут же вдруг Ленин дает столь нелицеприятную оценку его теоретическим воззрениям и диалектическим способностям… Оценку, навеянную, надо думать, прежде всего качеством выступлений Бухарина по программным вопросам и позицией, занятой им в недавней дискуссии о профсоюзах (еще тогда Ленин предъявлял Бухарину подобные упреки, хотя, как мы видели, были и оценки противоположного свойства).

Создается впечатление, что, подчеркивая не только позитивные, но и негативные черты Бухарина, Владимир Ильич как бы говорит партии: вот таков этот человек, вам с ним предстоит дальше жить и работать; но помните же и о тех его особенностях, которые могут стать помехой делу, требуйте от него и способствуйте тому, чтобы он совершенствовался («пополнял знания и изменял свои односторонности»). Все это во многом можно отнести и к другим четверым деятелям партии, о которых Ленин упоминает в «Письме к съезду» (исключая Сталина, в отношении которого Владимир Ильич предлагает «обдумать способ перемещения» с неподобающего ему поста).

Что касается Н. И. Бухарина, то всей своей последующей жизнью он доказал, что ленинская критика и ленинские советы не прошли для него даром.

«Он также законно считается любимцем всей партии». Заметим, что Владимир Ильич не провозглашает по отношению к Бухарину этот необычный эпитет, а лишь констатирует общепризнанный факт, с которым вполне согласен.

Не это ли теплое и душевное *звание,* данное Бухарину большевиками-ленинцами, явилось главной причиной того, что подручному главного палача Вышинскому пришлось по наущению своего патрона с особой изощренностью исходить бранью на сфальсифицированном процессе, стараясь во что бы то ни стало и любыми путями дискредитировать Бухарина?!

По данным ЦПА, между 24 ноября и 9 декабря 1923 г.

Н. И. Бухарин посетил Владимира Ильича в Горках.[71] А теперь стало широко известно, что Николай Бухарин наряду с самыми близкими Ленину людьми был у скорбного одра Ильича в самое трагическое мгновенье — 21 января 1924 г., в 18 часов 50 минут…

«В тихий зимний вечер умирал Ильич в Горках, — вспоминал Николай Иванович в день траурной годовщины. — Еще за несколько дней все шло на улучшение. Повеселели родные, повеселели друзья. И вдруг разрушительные процессы быстро проступили наружу…

Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, — Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побелело, раздался хрип, руки отвисли — Ильича, Ильича не стало.

Точно время остановилось. Точно сердца перестали биться у всех. Точно на мгновение прекратился бег истории, и весь мир застонал мучительным стоном. Милый, прощай!»[72]

И заканчивает Бухарин эту свою статью, опубликованную в «Правде» 21 января 1925 г., словами, в которых наряду с оптимизмом уже проскальзывает тревожный оттенок: «Год живет партия без Ленина. И суждено ей жить без него, живого. Сумеем ли мы хоть немного приблизиться к Ильичевой мудрости? Сумеем, если будем непрестанно учиться у него. Сумеем ли мы приблизиться к Ильичевой беспристрастности, к отсечению всего личного в политике? Сумеем, если будем учиться у него. Сумеем ли мы вести в его духе партию, с ней вместе и через нее рабочий класс и крестьянство? Сумеем, если будем учиться у Ленина, Ильича, у нашего учителя и товарища, который не знал мелочности, который был смел, решителен и осторожен. Мы должны суметь, ибо этого хочет рабочий класс, которому отдал жизнь свою товарищ Ленин».[73]

В наши дни наконец-то стало историографическим фактом предсмертное письмо Николая Ивановича Бухарина, сохраненное для истории памятью его жены Анны Михайловны Бухариной-Лариной. В нем Бухарин обращается через голову Сталина и сталинистов к будущему поколению руководителей партии, свято веря, что они непременно будут настоящими, честными ленинцами.[74]

Приведем это письмо, поскольку оно тоже входит в эпистолярное наследие Н. И. Бухарина и обращено если и не к Ленину, то к ленинцам.

Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая,

пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского, постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, авторитет и уважение. В настоящее время, в своем большинстве, так называемые органы НКВД, эта переродившаяся организация безыдейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой, творят гнусные дела, кстати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя, — история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена партии эти «чудодейственные органы» могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невиновных. Ведь нужно же создать организацию, «бухаринскую организацию», в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но и не существовавшую тогда, в годы правой оппозиции. О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым, Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием «Правда» печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, это — ложь, адекватна которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции.

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще не проторенным путем. Другое было время, другие нравы. В «Правде» печатался дискуссионный листок, все спорили, искали пути, ссорились и мирились и шли дальше вперед вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии,

на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни становится все грандиознее, разгорается, как пламя, и душит партию.

Ко всем членам партии обращаюсь.

В эти, может быть, последние дни моей жизни я уверен, что фильтр истории, рано или поздно, неизбежно смоет грязь с моей головы.

Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебаний заплатил бы собственной. Любил Кирова, ничего не затевал против Сталина.

Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. Бухарин.[75]

И в заключение обратимся к хронике наших дней. Корреспонденция М. Огородниковой в газете «Известия» за 16 марта 1989 г.:

ПЕРВЫЕ ПРЕМИИ БУХАРИНСКОГО ФОНДА

15 марта в Москве состоялось вручение премий Фонда имени Н. И. Бухарина за 1988 год.

Первыми лауреатами стали Стивен Коэн — американский советолог, автор книги «Бухарин и большевистская революция»; Отто Рудольфович Лацис — первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист», автор статей «Проблема темпов в социалистическом строительстве» и «Перелом»; Иван Никифорович Худенко (посмертно) — новатор, организатор первого подрядного коллектива на селе.

— Наш фонд был образован Межрегиональной кооперативной федерацией СССР и политклубом имени Бухарина, которые находятся в Набережных Челнах, — рассказывает исполнительный директор фонда Алексей Калачев. — Держателем фонда стал Межрегиональный кооперативный банк «Континент». Счет фонда в этом банке № 701001 (счет самого «Континента» № 161201 в Комсомольском отделении Жилсоцбанка г. Набережные Челны). Фонд открыт в день столетия Николая Ивановича, и первый взнос в 100 рублей внесла его вдова — Анна Михайловна Ларина.

В задачи фонда входит материальная поддержка деятельности политических и дискуссионных клубов, выступающих за развитие кооперации в нашей стране, формирование временных научных коллективов, организация учебы кооператоров, обеспечение международных контактов… Этот фонд — благотворительная организация, которая существует за счет пожертвований кооперативов, других организаций, заинтересованных в его работе, доходов от собственной коммерческой деятельности федерации и фонда.

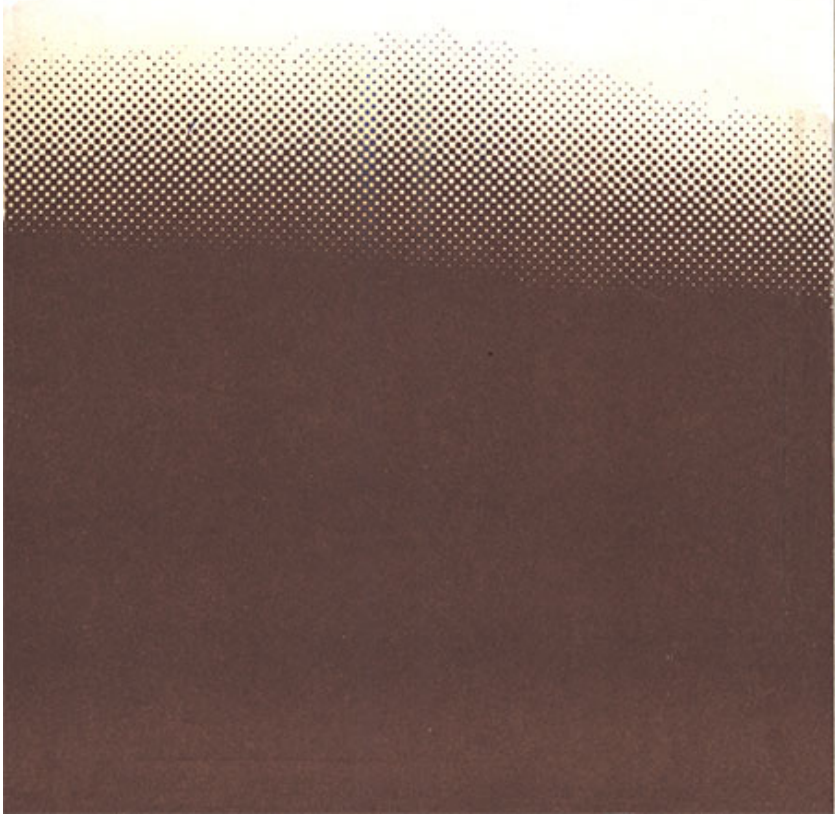
Несколько слов о лауреатах. Почему именно С. Коэну был вручен памятный диплом? Парадокс, но именно перу иностранного ученого принадлежит первое фундаментальное исследование жизни большевика Н. И. Бухарина. Два других лауреата фонда — один в теории, другой на практике — внесли свой вклад в развитие кооперативного движения. Вручила премии почетный председатель фонда А. М. Ларина.

Это еще один мостик из ленинского времени — в наши дни, одно из зримых свидетельств того, что Николай Иванович Бухарин снова с нами.[76]

И даже участвует в наших сегодняшних практических делах, в политико-экономическом обновлении нашего общества, в перестройке.

70 коп.

Ленинские эскизы к портретам друзей и противников



Г. М. Дейч

Ленинские эскизы к портретам друзей и противников

notes

Источники

П. Б. Аксельрод

1

Цит. по: *Ленин В. И.* Соч. Изд. 3-е. Т. I. С. 488—491.

2

См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. (далее: ПСС). Т. 46. С. 8—11.

3

Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 33.

ПСС. Т. 46. С. 12—13.

5

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее: Биохроника). Т. 1. С. 178, 183, 201, 235, 236.

ПСС. Т. 46. С. 18—22.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 46.

8

ПСС. Т. 4. С. 334.

9

Там же. С. 346.

10

ПСС. Т. 46. С. 97.

11

См.: Переписка Плеханова и Аксельрода. Т. II. М., 1925. С. 177—182.

12

Ленинский сборник IV. С. 137—138.

13

Ленинский сборник III. С. 65.

Там же. С. 83—84.

15

См.: ПСС. Т. 46. С. 63 и др.

16

Ленинский сборник III. С. 154—155.

17

ПСС. Т. 46. С. 79—81.

Там же. С. 72.

19

Ленинский сборник III. С. 207—212 и др.; см. также: *Ленин В. И.* Соч. Изд. 3-е. Т. IV. С. 572—578.

20

ПСС. Т. 46. С. 50—51.

21

Там же. С. 70.

22

См., напр., Гонители земства и Аннибалы либерализма // ПСС. Т. 5. С. 64.

23

ПСС. Т. 46. С. 123.

Там же. С. 144.

Там же. С. 47, 50, 52, 61, 62, 72, 73.

Там же. С. 89.

27

Там же. С. 127—128.

Там же. С. 133.

29

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 49.

30

ПСС. Т. 46. С. 50; см. также: С. 480.

31

Там же. С. 50, 62; см. также: С. 109, 481—482 и др.

Там же. С. 109—112.

Там же. С. 166.

Там же. С. 52; см. также: С. 73 и др.

35

Там же. С. 133—134.

Там же. С. 180.

Там же. С. 72.

Там же. С. 74.

Там же. С. 123.

Там же. С. 142.

41

Там же. С. 343.

42

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 477.

Биохроника. Т. 2. С. 320.

ПСС. Т. 48. С. 71.

См. там же. С. 176, 313 и др.

ПСС. Т. 49. С. 148.

Биохроника. Т. 3. С. 376.

ПСС. Т. 38. С. 343.

Биохроника. Т. 11. С. 333.

50

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 476—477.

В. И. Засулич

1

ПСС. Т. 2. С. 12, 571.

2

ПСС. Т. 46. С. 12—13.

3

Там же. С. 26.

Там же. С. 27.

5

Там же. С. 28.

Биохроника. Т. I. С. 245.

7

ПСС. Т. 55. С. 183.

8

ПСС. Т. 4. С. 346—347.

9

Там же. С. 338.

10

Там же. С. 339.

11

ПСС. Т. 46. С. 66.

Там же. С. 482.

13

Там же. С. 64.

Там же. С. 65.

15

Там же. С. 71, 74 и др.

Там же. С. 99.

17

Там же. С. 65—66.

Там же. С. 101.

19

Там же. С. 121 и др.

20

Там же. С. 151.

21

Там же. С. 172 и др.; см. также: С. 496.

Там же. С. 200.

23

Там же. С. 234.

Там же. С. 121.

25

Там же. С. 129.

Там же. С. 134.

Там же. С. 135.

Там же. С. 88.

Там же. С. 89.

Там же. С. 152, 158 и др.

31

Там же. С. 299.

Там же. С. 301, 324.

Там же. С. 70.

Там же. С. 117.

Там же. С. 122—123.

Там же. С. 191.

Там же. С. 198, 283.

Там же. С. 299.

39

ПСС. Т. 15. С. 248.

Там же. С. 453.

41

ПСС. Т. 24. С. 22.

Там же. С. 44.

43

ПСС. Т. 50. С. 256.

Биохроника. Т. 8. С. 48.

45

ПСС. Т. 52. С. 177.

Н. Е. Федосеев

1

Горький М. Избр. сочинения. М., 1947. С. 507.

2

Красный архив. 1934. № 1 (62). С. 80.

3

ПСС. Т. 45. С. 324.

Беляков А. Юность вождя. М., 1958. С. 93—94.

5

ПСС. Т. 45. С. 324.

6

Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). М. — Пг., 1923. С. 98.

7

Там же. С. 22.

Там же. С. 114—115.

Там же. С. 99.

10

ПСС. Т. 55. С. 63.

11

Там же. С. 71.

Федосеев Николай Евграфович. С. 131—132.

13

ПСС. Т. 55. С. 93.

14

Там же. С. 96—97.

15

Там же. С. 98.

16

Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 90.

17

Цит. по: *Дейч Г. М.* Рассказы о Ленине и ленинской «Искре». Свердловск, 1987. С. 75—76.

18

ПСС. Т. 45. С. 325.

А. А. Ванеев

1

ПСС. Т. 55. С. 29.

2

Там же. С. 31.

3

Там же. С. 43.

Там же. С. 63.

5

Там же. С. 84.

Там же. С. 134.

7

Там же. С. 146.

Там же. С. 168.

9

См.: ПСС. Т. 4. С. 163—176.

10

ПСС. Т. 55. С. 176.

11

Там же. С. 177.

Г. М. Кржижановский

1

ПСС. Т. 55. С. 27.

2

Там же. С. 30.

3

Там же. С. 44.

Там же. С. 53.

5

Там же. С. 59.

Там же. С. 66—67.

7

Там же. С. 73.

8

См.: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 157.

9

ПСС. Т. 55. С. 92, 99.

Там же. С. 102.

11

Там же. С. 126.

Там же. С. 141—142.

13

Там же. С. 188, 497.

14

Подробно см.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России 1900—1903 гг. Т. 1—3. М., 1969—1970.

15

ПСС. Т. 46. С. 185—186.

Там же. С. 202, 247, 258 и др.

17

Там же. С. 284, 290 и др.

Там же. С. 296.

Там же. С. 304, 308, 327 и др.

ПСС. Т. 46. С. 305, 309, 314—315, 317—318.

21

Там же. С. 326—327, 509.

Биохроника. Т. 1. С. 517.

23

ПСС. Т. 46. С. 344.

Там же. С. 354—357.

25

Там же. С. 360—361.

26

См.: Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969. С. 219, 343, 345.

27

ПСС. Т. 37. С. 547.

Биохроника. Т. 8. С. 383.

Там же. С. 435.

30

Там же. С. 601.

31

Биохроника. Т. 9. С. 16; см. также: ПСС. Т. 50. С. 215—216.

Биохроника. Т. 10. С. 43, 132.

33

ПСС. Т. 53. С. 143; см. также: Биохроника. Т. 11. С. 255 и др.

ПСС. Т. 53. С. 168.

Биохроника. Т. 12. С. 230.

Там же. С. 293.

37

ПСС. Т. 54. С. 243—244.

Там же. С. 639.

Биохроника. Т. 12. С. 358.

40

ПСС. Т. 45. С. 350.

Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 146—164.

Ю. О. Мартов

1

Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895—1897. М., 1934. С. 15—16.

2

ПСС. Т. 2. С. 579; см. также: С. 460.

3

ПСС. Т. 55. С. 37, 57, 63, 84.

Там же. С. 92.

5

Там же. С. 178.

6

Мартов Л. Записки социал-демократа. Ч. 1. Берлин, 1922. С. 400—401.

7

ПСС. Т. 46. С. 75, 76, 78, 87, 88, 89, 91.

8

Там же. С. 93.

9

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 53.

Биохроника. Т. 1. С. 392.

11

ПСС. Т. 46. С. 144, 146, 561.

Там же. С. 298.

13

Там же. С. 301.

14

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 85—86.

15

ПСС. Т. 46. С. 330—331.

16

ПСС. Т. 47. С. 131.

17

Биохроника. Т. 2. С. 466.

18

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 86.

19

ПСС. Т. 47. С. 253.

20

Там же. С. 277—278.

Биохроника. Т. 2. С. 585, 617.

22

ПСС. Т. 48. С. 33.

23

ПСС. Т. 24. С. 289, 461.

24

ПСС. Т. 20. С. 288.

Там же. С. 347.

26

ПСС. Т. 25. С. 394.

27

ПСС. Т. 32. С. 511—512.

28

ПСС. Т. 49. С. 13.

29

ПСС. Т. 26. С. 31.

30

ПСС. Т. 41. С. 56.

31

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 248.

32

ПСС. Т. 30. С. 344.

33

ПСС. Т. 49. С. 406.

Там же. С. 437.

35

ПСС. Т. 31. С. 429.

См.: *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 86.

37

ПСС. Т. 34. С. 43.

Там же. С. 79.

Там же. С. 84.

Там же. С. 96.

Там же. С. 130, 230, 303—304.

Там же. С. 75.

43

ПСС. Т. 50. С. 194.

ПСС. Т. 38. С. 291—292.

ПСС. Т. 39. С. 60—61.

Там же. С. 139—145, 444—446, 492.

Там же. С. 182—194.

Там же. С. 415—425.

49

ПСС. Т. 51. С. 150.

Биохроника. Т. 8. С. 250.

Там же. С. 387, 568.

Биохроника. Т. 9. С. 61—62,

53

ПСС. Т. 42. С. 175.

ПСС. Т. 43. С. 241.

ПСС. С. 52. С. 242; см. также: Т. 43. С. 239.

ПСС. Т. 43. С. 239.

ПСС. Т. 52. С. 153.

58

Биохроника. Т. 12. С. 629; См. также: *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 86, 462.

Костиков В. След от шляпы Ю. О. // Огонек. 1990, № 10. С. 28.

Там же. С. 31,

Л. Б. Каменев

1

ПСС. Т. 48. С. 169, 171—173.

2

Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41, ч. 1. Стлб. 161—168.

3

ПСС. Т. 46. С. 425.

Биохроника. Т. 2. С. 346.

Там же. С. 365, 375 и др.

ПСС. Т. 55. С. 242—243.

«Гранат». Т. 41. Стлб. 161—168.

8

ПСС. Т. 47. С. 188—189.

9

Там же. С. 193.

Биохроника. Т. 2. С. 500.

11

ПСС. Т. 47. С. 240.

12

Там же. С. 244—245.

13

ПСС. Т. 48. С. 38.

Там же. С. 42.

15

Там же. С. 65.

Биохроника. Т. 3. С. 11.

Там же. С. 16, 76, 82, 89 и др.

18

ПСС. Т. 48. С. 87.

Там же. С. 132.

20

Там же. С. 144.

21

Там же. С. 175.

Там же. С. 189—190.

23

Там же. С. 176—177.

Там же. С. 181.

25

Там же. С. 221.

26

ПСС. Т. 49. С. 37.

27

ПСС. Т. 26. С. 168.

Биохроника. Т. 3. С. 388, 419.

29

Там же. С. 438.

30

ПСС. Т. 49. С. 176.

31

Там же. С. 444.

32

ПСС. Т. 34. С. 70.

33

Там же. С. 92—93.

Там же. С. 420.

35

ПСС. Т. 35. С. 70—71.

Там же. С. 417.

37

ПСС. Т. 50. С. 30.

Там же. С. 184—185.

39

ПСС. Т. 37. С. 419—420, 423.

Биохроника. Т. 11. С. 113, 151, 193.

41

ПСС. Т. 52. С. 73.

Биохроника. Т. 10. С. 90.

43

ПСС. Т. 43. С. 146.

ПСС. Т. 44. С. 73 и 537—538.

Биохроника. Т. 11. С. 86, 87, 177.

Там же. С. 639; см. также: ПСС. Т. 44. С. 246—248.

47

ПСС. Т. 45. С. 161, 165; Т. 54. С. 204—205 и др.; Биохроника. Т. 12. С. 140.

ПСС. Т. 45. С. 236, 438.

49

ПСС. Т. 51. С. 236.

Там же. С. 238.

Там же. С. 241.

Биохроника. Т. 9. С. 106—107.

ПСС. Т. 51. С. 250, 254—255, 260.

ПСС. Т. 41. С. 322—323, 327—328.

55

Цит. по: ПСС. Т. 51. С. 456.

Там же. С. 292.

Там же. С. 10.

Биохроника. Т. 8. С. 240.

59

ПСС. Т. 52. С. 166.

Биохроника. Т. 11. С. 635.

Биохроника. Т. 8. С. 181, 182, 207, 241.

ПСС. Т. 54. С. 125—126.

63

ПСС. Т. 45. С. 166.

Там же. С. 300.

Там же. С. 345.

Там же. С. 628.

ПСС. Т. 54. С. 329—330.

Каменев Л. Год без Ильича. Доклад на собрании ответственных партработников в МК РКП(б) 10 января 1925 г. // Первая годовщина 1924 $^{21}/_{\text{января}}$ 1925. Ленин, о Ленине, о ленинизме. М., 1925. С. III—IV.

Г. Е. Зиновьев

1

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов // Известия, 1988, 5 авг.

Биохроника. Т. 3. С. 62, 292, 391, 432 и др.

3

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 166.

4

ПСС. Т. 17. С.199.

5

См., напр.: ПСС. Т. 47. С. 284—285.

Там же. С. 178.

7

Там же. С. 199.

8

Там же. С. 245 и др.

9

Там же. С. 188.

10

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 182.

11

Биохроника. Т. 2. С. 573; ПСС. Т. 20. С. 418. Т. 48. С. 341.

12

ПСС. Т. 48. С. 44.

13

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 192.

14

ПСС. Т. 48. С. 280.

15

ПСС. Т. 22. С. 280.

16

ПСС. Т. 24. С. 136, 314.

17

ПСС. Т. 48. С. 176.

Цит. по: Ленинградская правда, 1988, 21 июня.

19

ПСС. Т. 49. С. 3, 7, 8.

Там же. С. 86, 103, 271.

21

Там же. С. 256.

Там же. С. 578.

23

Там же. С. 280.

Там же. С. 283.

25

Там же. С. 288—289.

Там же. С. 290.

Там же. С. 290—291.

28

См. там же. С. 566.

29

Там же. С. 93.

30

ПСС. Т. 26. С. 307—350.

31

ПСС. Т. 27. С. 280—281.

32

ПСС. Т. 49. С. 170.

33

Там же. С. 207—208.

Там же. С. 402.

35

Там же. С. 424.

ПСС. Т. 31. С. 119—121, 533—534.

Там же. С. 227—230.

38

ПСС. Т. 49. С. 443.

39

ПСС. Т. 32. С. 103—104.

40

ПСС. Т. 35. С. 257.

41

ПСС. Т. 50. С. 39.

42

ПСС. Т. 35. С. 385.

Биохроника. Т. 5. С. 274.

Там же. С. 306.

45

ПСС. Т. 50. С. 139, 198, 209 и др.; см. также: Т. 51. С. 54. и др.

ПСС. Т. 50. С. 384.

47

ПСС. Т. 37. С. 237, 640.

ПСС. Т. 50. С. 252, 254, 255—256, 295.

Биохроника. Т. 7. С. 498.

50

ПСС. Т. 39. С. 195.

Биохроника. Т. 7. С. 525.

ПСС. Т. 51. С. 54.

53

Биохроника. Т. 8. С. 234, 272, 370; Т. 9. С. 50, 163, 174, 480, 513 и др.

Там же. С. 51; см. также: ПСС. Т. 51. С. 268, 323 и др.

Биохроника. Т. 8. С. 262, 188 и др.

ПСС. Т. 51. С. 232, 437.

ПСС. Т. 42. С. 226.

ПСС. Т. 51. С. 293.

59

ПСС. Т. 41. С. 339.

ПСС. Т. 42. С. 13.

ПСС. Т. 51. С. 243.

ПСС. Т. 53. С. 206—207.

Там же. С. 223.

Там же. С. 223—224.

Биохроника. Т. 11. С. 346, 366, 371, 381, 382, 404, 422, 459, 490, 492.

ПСС. Т. 54. С. 502, 734—736.

ПСС. Т. 52. С. 272.

Там же. С. 149.

69

ПСС. Т. 44. С. 404—405.

ПСС. Т. 45. С. 41.

ПСС. Т. 42. С. 271—272, 279 и др.

ПСС. Т. 52. С. 94.

Там же. С. 416.

ПСС. Т. 53. С. 18, 380.

Биохроника. Т. 11. С. 283, 339, 417.

Биохроника. Т. 12. С. 370, 428, 454, 484 и др.

ПСС. Т. 54. С. 148.

ПСС. Т. 44. С. 377—378.

Биохроника. Т. 12. С. 240, 287, 381, 477, 485 и др.

ПСС. Т. 54. С. 272.

81

Там же. С. 270, 650.

ПСС. Т. 45. С. 345.

Л. Д. Троцкий

1

ПСС. Т. 50. С. 22; Т. 54. С. 330.

2

ПСС. Т. 46. С. 241; Т. 54. С. 284.

3

Советская историческая энциклопедия (СИЭ). Т. 16. М., 1976. Стлб. 797.

4

Некоторые сведения об этом содержатся в Энциклопедическом словаре «Гранат». Т. 41, ч. 3. С. 154; см. также: *Уланов В.* Тщеславный талант (Троцкий. К политической биографии). — Ленинградская правда, 1989, 23 июля.

5

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. Т. 2. М., 1969. С. 260.

ПСС. Т. 46. С. 241.

7

Там же. С. 259.

См. там же. С. 260—261, 277—278, 562.

См. там же. С. 277—278.

ПСС. Т. 7. С. 285—289, 307 и др.

11

ПСС. Т. 46. С. 389.

Там же. С. 394.

13

ПСС. Т. 15. С. 345.

14

ПСС. Т. 47. С. 137.

15

Биохроника. Т. 2. С. 476.

16

ПСС. Т. 47. С. 185.

17

Там же. С. 187—188.

Там же. С. 208—209.

19

ПСС. Т. 20. С. 343.

20

ПСС. Т. 19. С. 355—357.

21

Там же. С. 499—500.

22

ПСС. Т. 47. С. 276.

23

ПСС. Т. 48. С. 11.

24

ПСС. Т. 20. С. 320.

25

ПСС. Т. 21. С. 201.

26

ПСС. Т. 48. С. 69.

Там же. С. 261.

28

ПСС. Т. 49. С. 390.

29

Биохроника. Т. 3. С. 426.

ПСС. Т. 49. С. 191—192.

31

Там же. С. 387.

32

ПСС. Т. 31. С. 178.

33

Там же. С. 204.

Там же. С. 226.

35

Там же. С. 268—269.

36

ПСС. Т. 32. С. 225.

37

ПСС. Т. 34. С. 23, 345.

СИЭ. Т. 7. Стлб. 704.

39

ПСС. Т. 34. С. 262.

Там же. С. 345.

Цит. по: Знание — сила. 1989. № 8. С. 91.

42

ПСС. Т. 34. С. 423.

43

Цит. по: Комсомольская правда. 1989. 19 мая. См. также: Коммунист. 1989. № 10. С. 103.

ПСС. Т. 35. С. 53, 128.

Там же. С. 382, 386—387.

ПСС. Т. 50. С. 247—248, 468.

Там же. С. 157, 445.

Там же. С. 227, 459.

Там же. С. 221, 235—236.

ПСС. Т. 37. С. 478.

51

ПСС. Т. 50. С. 247—248, 468.

Там же. С. 271, 296, 312—313 и др.

53

Там же. С. 352—353.

ПСС. Т. 51. С. 30.

Биохроника. Т. 6. С. 434, 438, 455.

Самойло А. А. Две жизни. Л., 1963. С. 310, 313.

ПСС. Т. 51. С. 35.

Там же. С. 45.

Там же. С. 69.

ПСС. Т. 40. С. 129.

61

ПСС. Т. 51. С. 155, 413.

Биохроника. Т. 8. С. 213, 292, 301, 304—307, 320, 340, 407, 424, 428 и др.

Цит. по: Комсомольская правда. 1989. 19 мая.

ПСС. Т. 51. С. 155.

ПСС. Т. 40. С. 190—191.

Биохроника. Т. 8. С. 530.

ПСС. Т. 51. С. 315, 463.

ПСС. Т. 43. С. 52, 53.

69

ПСС. Т. 52. С. 173, 175, 395.

70

См.: ПСС. Т. 42. С. 510.

71

ПСС. Т. 43. С. 126.

ПСС. Т. 44. С. 249.

Биохроника. Т. 11. С. 41, 105, 108.

Там же. С. 672.

ПСС. Т. 45. С. 180—181.

Там же. С. 181—182.

ПСС. Т. 54. С. 329.

Там же.

ПСС. Т. 45. С. 344—345.

И. В. Сталин

1

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966, С. 184—185, 272.

2

Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Т. I. М., 1961, С. 415.

3

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 375—376.

4

ПСС. Т. 48. С. 53.

5

Там же. С. 111, 113—114.

Там же. С. 104, 450.

Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1949. С. 410.

Биохроника. Т. 3. С. 52, 54.

ПСС. Т. 48. С. 117—118.

10

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 403—404 (со ссылкой на ЦПА ИМЛ).

11

ПСС. Т. 48. С. 162.

Там же. С. 172.

13

Биохроника. Т. 3. С. 126, 147.

14

ПСС. Т. 49. С. 131.

15

Там же. С. 101, 161.

Биохроника. Т. 3. С. 456—457.

17

ПСС. Т. 49. С. 428.

18

ПСС. Т. 35. С. 219, 476—477. См. также: *Сталин И. В.* Соч. Т. 4. М., 1949. С. 441.

19

ПСС. Т. 49. С. 437, 557—558.

20

ПСС. Т. 34. С. 434.

21

См. об этом: *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М., 1989. С. 277—284 и др.

ПСС. Т. 35. С. 257, 479.

23

См. там же.

Там же. С. 369.

25

ПСС. Т. 50. С. 92.

Биохроника. Т. 5. С. 630, 640, 644—645; Т. 6. С. 102.

27

ПСС. Т. 50. С. 187.

Там же. С. 338.

29

Там же. С. 316—317.

Биохроника. Т. 7. С. 75, 169, 260, 388, 429 и др.

31

Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 261.

32

Цит. по: *Найда С. Ф.* О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958. С. 186 (со ссылкой на ЦПА ИМЛ).

33

ПСС. Т. 39. С. 57—58.

ПСС. Т. 51. С. 138.

35

Цит. по: ПСС. Т. 51. С. 409.

Там же. С. 139—140.

Там же. С. 155.

Биохроника. Т. 8. С. 402.

39

ПСС. Т. 51. С. 206—207, 428—429.

Там же. С. 248, 441.

Биохроника. Т. 9. С. 235.

42

ПСС. Т. 42. С. 47.

Биохроника. Т. 9. С. 565, 618—619; Т. 10. С. 6.

ПСС. Т. 52. С. 93, 375—376.

Там же. С. 100.

Биохроника. Т. 10. С. 348, 372.

ПСС. Т. 53. С. 10, 39.

Биохроника. Т. 11. С. 41—42.

Там же. С. 117 и др.

ПСС. Т. 44. С. 548—549.

Биохроника. Т. 11. С. 632—633, 645—646.

ПСС. Т. 54. С. 44.

Там же. С. 99.

Там же. С. 162.

Там же. С. 51; см. также: С. 66.

Там же. С. 51, 573—574.

ПСС. Т. 44. С. 413—414.

ПСС. Т. 45. С. 211—212.

Там же. С. 214.

ПСС. Т. 54. С. 299—300.

61

Биохроника. Т. 12. С. 500.

ПСС. Т. 45. С. 356—358.

63

Там же. С. 361.

Там же. С. 346.

Там же. С. 476—477.

Там же. С. 606—607.

Там же. С. 476.

ПСС. Т. 54. С. 329.

Там же. С. 330.

Там же. С. 674—675.

71

Там же. С. 329—330.

ПСС. Т. 45. С. 345—346.

Знание — сила. 1989. № 7. С. 84.

Н. И. Бухарин

1

Эренбург Илья. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 8. М., 1966. С. 37; Т. 9. М., 1967. С. 736.

2

Бухарин Н. И. Избр. произведения. М., 1988. С. 489.

З

Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41, ч. 1. Стлб. 51—56.

4

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 222.

5

Бухарин Н. И. Избр. произведения. С. 116—117.

6

ПСС. Т. 49. С. 196.

ПСС. Т. 51. С. 374; Т. 53. С. 372.

8

ПСС. Т. 48. С. 134.

Там же. С. 242.

Там же. С. 253; Биохроника. Т. 3. С. 172, 261.

Биохроника. Т. 3. С. 203.

Там же. С. 220; ПСС. Т. 25. С. 458.

13

Биохроника. Т. 3. С. 225.

14

См.: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография, 1888—1938. М. — Минск. 1989. С. 39, 44—45, 48 и др.

15

Биохроника. Т. 3. С. 253.

16

Там же. С. 319.

17

ПСС. Т. 26. С. 391—392.

18

Цит. по: ПСС. Т. 27. С. 473.

19

Там же. С. 279—281.

20

Там же. С. 93—98.

21

Биохроника. Т. 3. С. 380, 381, 387, 389, 407, 414, 419, 420, 421.

Там же. С. 453.

23

ПСС. Т. 49. С. 205.

Там же. С. 210.

25

Там же. С. 213.

Там же. С. 214.

Там же. С. 220.

Там же. С. 232.

29

ПСС. Т. 27. С. 476.

30

ПСС. Т. 49. С. 309.

31

Биохроника. Т. 5. С. 64.

32

ПСС. Т. 35. С. 128.

33

ПСС. Т. 36. С. 77.

Там же. С. 303, 305.

Там же. С. 264.

Там же. С. 268.

37

ПСС. Т. 50. С. 222.

Биохроника. Т. 6. С. 329.

39

ПСС. Т. 50. С. 228.

Там же. С. 291.

41

ПСС. Т. 51. С. 47.

Биохроника. Т. 8. С. 217.

ПСС. Т. 41. С. 124—128.

ПСС. Т. 51. С. 203.

Там же. С. 427.

Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920.

Биохроника. Т. 8. С. 606; *Бухарин Н. И.* Избр. произведения. С. VIII.

ПСС. Т. 51. С. 225, 251.

Биохроника. Т. 9. С. 16, 201, 203, 356.

50

ПСС. Т. 51. С. 272.

51

ПСС. Т. 18. С. 12.

ПСС. Т. 51. С. 292, 456.

53

ПСС. Т. 41. С. 339.

ПСС. Т. 51. С. 298—299.

ПСС. Т. 42. С. 237, 240.

Там же. С. 210.

Там же. С. 220.

Там же. С. 242.

Там же. С. 239.

ПСС. Т. 52. С. 96.

61

ПСС. Т. 54. С. 17, 556.

ПСС. Т. 44. С. 281; Т. 54. С. 70.

ПСС. Т. 44. С. 377—378, 584—586; Т. 45. С. 140—144.

ПСС. Т. 45. С. 145, 146.

ПСС. Т. 54. С. 279, 654—655.

Там же. С. 291; см. также: С. 750, 793.

ПСС. Т. 45. С. 259—268.

ПСС. Т. 54. С. 313, 667.

69

ПСС. Т. 45. С. 333—337, 588—590.

Там же. С. 345—346.

71

Там же. С. 716.

Бухарин Н. И. Избр. произведения. С. 121.

73

Там же.

См.: *Коэн С.* Бухарин, Политическая биография. С. 439; *Ларина-Бухарина А. М.* Всегда верила, что правда восторжествует // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 395—411.

75

См.: Страницы истории. Дайджест прессы. 1988. Январь — июнь. Л., 1989. С. 25—27.

См. также: *Бухарин Н. И.* 1) Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. — 512 с.; 2) Путь к социализму. Избр. произведения. Новосибирск, 1990. — 494 с.

Примечания

1

Так в тексте.

2

Так в тексте.

3

Г. В. Плеханов.

В. И. Засулич.

5

Имеется в виду А. И. Ульянова-Елизарова.

6

Речь идет о журнале «легальных марксистов» «Новое слово».

7

«Развитие капитализма в России».

8

С. Г. Райчин — ссыльный социал-демократ.

— может сказать (*нем.*).

Ю. О. Мартов.

А. Н. Потресов.

12

Аксельрод Любовь Исааковна (1868—1946) — литературный критик, философ, литературовед.

А. И. Ульянова-Елизарова.

Л. О. Канцель, сестра Ю. О. Мартова (Алексея).

15

Л. Г. Дейч.

В. А. Носков.

17

Здесь и далее см. «Указатель имен» к 46-му и др. томам Полн. собр. соч. В. И. Ленина.

В. И. Засулич.

19

Псевдоним А. Н. Потресова.

В. И. Засулич.

21

В. И. Засулич.

В. И. Засулич.

В. И. Засулич.

Ю. О. Мартов.

25

Легальная газета меньшевиков-ликвидаторов.

26

Н. Е. Федосеев погиб 22 июня (4 июля) 1898 г.

Я. М. Ляховский.

Г. М. Кржижановский.

Г. М. Кржижановский и В. В. Старков.

30

А. М. Розенберг — сестра Г. М. Кржижановского.

31

Э. Э. Розенберг — мать Г. М. Кржижановского.

М. Т. Елизаров.

З. П. Невзорова-Кржижановская.

34

Одна из конспиративных кличек Г. М. Кржижановского.

В. А. Носков.

Имеется в виду книга «Шаг вперед, два шага назад».

М. Е. Гальперин.

А. А. Ванеев.

39

Псевдоним Ю. О. Мартова.

Псевдоним Ю. О. Мартова.

41

1 марта 1881 г. — убийство народовольцами царя Александра II.

И. С. Блюменфельд.

43

Имеется в виду статья В. И. Ленина «К единству».

Эта публикация важна еще и с точки зрения источниковедческой. Из нее становится очевидным существование специального дела о деятельности партийной комиссии (Ленин, Зиновьев, Ганецкий), полное содержание которого нам неизвестно. В каком состоянии это дело, сохранилось ли оно, мы пока не знаем.

45

В. К. Вольский — правый эсер, тесно сотрудничавший с меньшевиками.

46

Мемуары Л. Мартова под названием «Записки социал-демократа», часть 1-я, вышли в Берлине в 1922 г. Небольшой отрывок 2-й части был опубликован в 1925 г. в Ленинском сборнике IV (с. 49—61).

Так из конспиративных соображений В. И. Ленин называл Л. Б. Каменева.

— между нами (*фр.*).

American Relief Administration.

50

В. А. Тер-Ваганян — в то время редактор журнала «Под знаменем марксизма».

Л. А. Фотиева.

Злата Ионовна (Зина) Лилина — жена Зиновьева.

53

Инок — один из псевдонимов И. Ф. Дубровинского.

В. Ильин — один из псевдонимов В. И. Ленина.

П. Орловский — псевдоним В. В. Воровского.

Г. Сали — доктор медицины, профессор Бернского университета.

Сын Г. Е. Зиновьева и З. И. Лилиной.

58

В период сталинщины и брежневщины соавторство В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева замалчивалось, все их совместные публикации были заперты в «спецхран».

59

Обращаем внимание читателя, что в документах ЦПА брошюра названа «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об **ошибке** (разрядка моя. — *Г. Д.*) тов. Троцкого», а не так, как в Полн. собр. соч. В ней нет предисловия и грифа *«Только для членов РКП»,* о котором идет речь в телеграмме Зиновьева. Это требует дальнейшего исследования.

В. Л. Копп — в 1919—1930 гг. работал в системе Наркомата иностранных дел.

61

Конспиративное название редакции «Искры».

62

Элементы шифрованной переписки.

А. Богданов.

И. Ф. Дубровинский.

— большевиков.

Во внутрипартийной полемике, развернувшейся со второй половины 20-х гг., Зиновьев, Каменев, Сталин и др., стремясь любыми способами дискредитировать Троцкого как личность, выборочно извлекали на свет негативные ленинские характеристики Троцкого, данные давно, в частных письмах, совершенно в другой ситуации и не имевшие никакого отношения к текущей полемике. В 1932 г. была впервые опубликована ленинская заметка 1911 г. «О краске стыда у Иудушки Троцкого».

67

Голосовцы — по названию меньшевистской газеты «Голос социал-демократа», выходившей в Женеве, потом в Париже.

Впередовцы — по названию ликвидаторской эмигрантской группы «Вперед».

Н. И. Бухарин.

Имеется в виду Д. Маклин.

Сталин, например, писал в «Правде» 6 ноября 1918 г.: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому». В сравнении с этим панегириком гораздо скромнее выглядит даже самооценка Л. Д. Троцкого, данная им в марте 1935 г.: «Для ясности я бы сказал так. Не будь меня в 1917 году в Петербурге, Октябрьская революция произошла бы — при условии наличности и руководства Ленина… Если б в Петербурге не было Ленина, я вряд ли справился бы с сопротивлением большевистских верхов… исход революции оказался бы под знаком вопроса. Но, повторяю, при наличии Ленина Октябрьская революция все равно бы привела к победе».[41]

По свидетельству А. А. Самойло, в 1920—1921 гг. М. М. Загю был помощником начальника Всероссийского Главного штаба.[56]

73

Один из псевдонимов И. В. Джугашвили. Другие его партийные клички: Коба, Сталин, Чижиков, Нижерадзе, Давид.

Н. Д. Кикнадзе.

М. Г. Цхакая.

С. Ю. Багоцкий — врач, активный участник революционного движения.

А. А. Трояновский и Е. Ф. Розмирович-Трояновская.

А. Г. Шляпникова к Г. Е. Зиновьеву.

79

Бухарин был арестован в Швеции с документами на эту фамилию.

Псевдоним Г. Л. Пятакова.

— «Две страницы и т. д.»